ISSN 2998-8284 (online)
ISSN 2576-9634 (print)

RUSSIAN STUDIES IN LAW & POLITICS

Российские исследования. Право и политика

Volume 10, №3
2026

ISSN 2998-8284 (online)
ISSN 2576-9634 (print)

Russian Studies in Law and Politics

Российские исследования. Право и политика

Volume 10, Number 3
2026

Научно-инновационный центр
Красноярск, 2026

12+

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (регистрационный номер от 06.05.2025 серии ЭЛ № ФС 77 - 89429) и Международным центром ISSN (ISSN 2576-9634 (Print), ISSN 2998-8284 (Online)).

Журнал выходит четыре раза в год. Основан в 2017 г.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

Russian Studies in Law and Politics / Российские исследования. Право и политика, Volume 10, Number 3, 2026

Главный редактор:

Большакова Валентина Михайловна, канд. юрид. наук, доцент (Нижегородский институт управления – филиал РАНХиГС, Нижний Новгород, Российская Федерация)

Члены редакционной коллегии:

Manuel Cristian Firică, Doctor in Law (Крайова, Румыния); **Н.В. Баранов,** д-р полит. наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия); **А.В. Виноградов,** д-р полит. наук (Москва, Россия); **Б.Я. Гаврилов,** д-р юрид. наук (Москва, Россия); **Е.В. Гаврилов,** LL.M. (Красноярск, Россия); **С.О. Гаврилов,** д-р истор. наук, канд. юрид. наук, профессор (Кемерово, Россия); **С.Ю. Головина,** д-р юрид. наук (Екатеринбург, Россия); **Г.И. Грибанова,** д-р соц. наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия); **А.Ю. Домбровская,** д-р соц. наук (Москва, Россия); **Н.С. Железняк,** д-р юрид. наук (Красноярск, Россия); **Р.В. Зелепукин,** канд. юрид. наук, доцент (Тамбов, Россия); **А.И. Землин,** д-р юрид. наук, канд. филос. наук, профессор (Москва, Россия); **Д.З. Зиядова,** д-р юрид. наук (Махачкала, Россия); **В.И. Исаев,** д-р истор. наук, профессор (Новосибирск, Россия); **А.Н. Кононов,** канд. пед. наук (Новосибирск, Россия); **Р.Т. Мухаев,** д-р полит. наук, профессор (Москва, Россия); **И.В. Радиков,** д-р полит. наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия); **Н.Т. Разгельдеев,** д-р юрид. наук (Саратов, Россия); **Р.Х. Усманов,** д-р полит. наук (Астрахань, Россия); **А.А. Утюганов,** д-р психол. наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия); **Л.Г. Фишман,** д-р полит. наук, профессор РАН (Екатеринбург, Россия); **Л.Н. Хасимова,** канд. юрид. наук (Набережные Челны, Россия); **И.В. Холиков,** д-р юрид. наук, профессор (Москва, Россия); **Т.В. Хриенко,** д-р соц. наук, профессор (Симферополь, Россия)

Журнал включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов ВАК Минобрнауки РФ, РИНЦ, РЦНИ, Белый список, КиберЛенинка, DOAJ.

Учредитель и издатель:
Научно-инновационный центр
Представитель в США:
3556, S. Jefferson Str, Saint Louis, Missouri, 63118, USA
Представитель в России:
ул. 9Мая, 5/192, Красноярск, Красноярский край, 660127, Российская Федерация
E-mail: editor@lpjournal.ru
www.lpjournal.ru | +7 (995) 080-90-42

Дата выхода в свет: 30.09.2026. Формат 60×84/16. Объем издания: 13,40 усл. печ. л. Тираж: печать по требованию (print-on-demand). Свободная цена. Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ИП Ямашев Руслан Вадимович. ИНН 503810111205.

The edition is registered (certificate of registry EL № FS 77 - 89429, 06.05.2025) by the Federal Service of Intercommunication and Mass Media Control and by the International center ISSN (ISSN 2576-9634 (Print), ISSN 2998-8284 (Online)).

The journal is published 4 times per year. Founded in 2017.

All manuscripts submitted are subject to double-blind review.

Russian Studies in Law and Politics, Volume 10, Number 3, 2026

Editor-in-Chief:

Valentina M. Bolshakova, Candidate of Law (Ph.D.), Associate Professor (Nizhny Novgorod Institute of Management - branch of the RANEPA, Nizhny Novgorod, Russian Federation)

Editorial Board Members:

Manuel Cristian Firică, Doctor in Law (Craiova, Romania); **Nikolay A. Baranov,** Doctor of Political Sciences, Professor (St. Petersburg, Russia); **Andrey V. Vinogradov,** Doctor of Political Sciences (Moscow, Russia); **Boris Ya. Gavrilov,** Doctor of Laws (Moscow, Russia); **Evgeny V. Gavrilov,** LL.M. (Krasnoyarsk, Russia); **Stanislav O. Gavrilov,** Doctor of Historical Sciences, Candidate of Law (Ph.D.), Professor (Kemerovo, Russia); **Svetlana Yu. Golovina**, Doctor of Laws (Yekaterinburg, Russia); **Galina I. Gribanova,** Doctor of Sociological Sciences, Professor (St. Petersburg, Russia); **Anna Yu. Dombrovskaya,** Doctor of Sociological Sciences (Moscow, Russia); **Nikolai S. Zheleznyak,** Doctor of Laws (Krasnoyarsk, Russia); **Roman V. Zelepukin,** Candidate of Law (Ph.D.), Associate Professor (Tambov, Russia); **Alexander I. Zemlin,** Doctor of Laws, Ph.D., Professor (Moscow, Russia); **Dureya Z. Ziyadova,** Doctor of Laws (Makhachkala, Russia); **Viktor I. Isaev,** Doctor of Historical Sciences, Professor (Novosibirsk, Russia); **Alexey N. Kononov**, Candidate of Pedagogical Sciences (Ph.D.) (Novosibirsk, Russia); **Rashid T. Mukhaev**, Doctor of Political Sciences, Professor (Moscow, Russia); **Ivan V. Radikov,** Doctor of Political Sciences, Professor (St. Petersburg, Russia); **Nazir T. Razgeldeev**, Doctor of Laws (Saratov, Russia); **RafiK H. Usmanov,** Doctor of Political Sciences (Astrakhan, Russia); **Alexey A. Utyuganov,** Doctor of Psychology, Associate Professor (St. Petersburg, Russia); **Leonid G. Fishman,** Doctor of Political Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia); **Leysan N. Khasimova,** Candidate of Law (Ph.D.) (Naberezhnye Chelny, Russia); **Ivan V. Kholikov,** Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia); **Tatiana V. Khrienko,** Doctor of Sociological Sciences, Professor (Simferopol, Russia)

The journal is included in the List of Russian peer-reviewed scientific journals of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, RISC, RCSI, White List, CyberLeninka, DOAJ.

Founder and Publisher:
Science and Innovation Center Publishing House
Representative in the U.S.:
3556, S. Jefferson Str, Saint Louis, Missouri, 63118, USA
Representative in Russia:
9 Maya St., 5/192, Krasnoyarsk, 660127, Russian Federation
E-mail: editor@lpjournal.ru
www.lpjournal.ru | +7 (995) 080-90-42

Publication date: September 30, 2026. Format: 60×84/16. Publication volume: 13.40 conventional printed sheets. Print run: print-on-demand. Price: at the publisher's discretion. Printed from a ready-made original layout at the printing house of Individual Entrepreneur Ruslan V. Yamashev. INN 503810111205.

Публично-правовые науки / Public Law Sciences

Научная статья
Original article
DOI: 10.12731/2576-9634-2026-10-3-270
EDN: WKLXIS
UDC 341.24:343.9.018.3

Reconciling cross-border access to stored electronic evidence with sovereignty under the UN Cybercrime Convention

B.S. Aziaka[1], U.I. Nwokorie[2], C.K. Ibiso[3]
[1]Center for International Dispute Settlement, Geneva, Switzerland
[2]Okocha & Okocha Legal Practitioners, Port Harcourt, Nigeria
[3]Babalakin & Co. Legal Practitioners, Port Harcourt, Nigeria

Abstract

Background. This study addresses the tension between efficient cross-border access to stored electronic evidence and state sovereignty, procedural safeguards, and personal-data protection.

Purpose. The objective is to develop and justify a sovereignty-compatible decision sequence under the United Nations Convention against Cybercrime and to identify the limits of Budapest and European Union mechanisms as implementation comparators.

Materials and methods. The study applies doctrinal treaty interpretation under Articles 31 and 32 of the Vienna Convention on the Law of Treaties, functional comparative analysis, and an E/P/N framework across ten categories. Official legal texts and relevant scholarship were reviewed and mapped.

Results. Of the ten categories, preservation is the only E-coded category; eight other categories are P-coded, while the endpoint category comprises three P-coded subfunctions: request response, provider or affected-person remedies, and interstate dispute settlement. Article 40(7) is pivotal because an applicable mutual-assistance treaty ordinarily governs procedure. The proposed sequence separates preservation from disclosure, addresses uncertain data location through Articles 41 and 42, and incorporates the Article 43 traffic-data route.

Conclusions. The Convention supplies the core legal architecture but leaves substantial procedural detail to applicable treaties, reservations, and domestic law; the proposed sequence therefore provides an ex ante implementation framework that preserves sovereign legal functions while maintaining review, proportionality, and data-protection safeguards.

Keywords: cross-border electronic evidence; UN Cybercrime Convention; state sovereignty; stored electronic data; mutual legal assistance; proportionality; personal

data protection; international cooperation; E/P/N Model; functional comparative study; extraterritorial jurisdiction; discretionary powers of the state

For citation. Aziaka, B. S., Nwokorie, U. I., & Ibiso, C. K. (2026). Reconciling cross-border access to stored electronic evidence with sovereignty under the UN Cybercrime Convention. *Russian Studies in Law and Politics*, *10*(3), 4-33. https://doi.org/10.12731/2576-9634-2026-10-3-270

Согласование трансграничного доступа к хранящимся электронным доказательствам с принципом суверенитета в рамках Конвенции ООН о киберпреступности

B.S. Aziaka[1], U.I. Nwokorie[2], C.K. Ibiso[3]
[1]Center for International Dispute Settlement, Женева, Швейцария
[2]Okocha & Okocha Legal Practitioners, Порт-Харкорт, Нигерия
[3]Babalakin & Co. Legal Practitioners, Порт-Харкорт, Нигерия

Аннотация

Обоснование. Настоящее исследование посвящено противоречию между эффективным трансграничным доступом к хранимым электронным доказательствам и государственным суверенитетом, процессуальными гарантиями и защитой персональных данных.

Цель. Цель исследования состоит в разработке и обосновании совместимой с принципом государственного суверенитета последовательности принятия решений в рамках Конвенции Организации Объединенных Наций против киберпреступности, а также в определении пределов применимости механизмов Будапештской конвенции и Европейского союза в качестве сравнительных ориентиров для имплементации.

Материалы и методы. В исследовании применяются доктринальное толкование международных договоров в соответствии со статьями 31 и 32 Венской конвенции о праве международных договоров, функционально-сравнительный анализ и модель E/P/N, охватывающая десять категорий. Были проанализированы и систематизированы официальные правовые тексты и соответствующая научная литература.

Результаты. Из десяти категорий обеспечение сохранности данных является единственной категорией, классифицированной как E; восемь других категорий классифицированы как P, тогда как категория конечных функций включает три подфункции, классифицированные как P: реагирование на запрос, средства правовой защиты поставщика услуг или затронутого лица и урегулирование межгосударственных споров. Статья 40(7) имеет ключевое значение, поскольку применимый

договор о взаимной правовой помощи, как правило, регулирует соответствующую процедуру. Предлагаемая последовательность разграничивает обеспечение сохранности данных и их раскрытие, учитывает неопределенность местонахождения данных посредством механизмов статей 41 и 42 и включает предусмотренный статьей 43 механизм в отношении данных о трафике.

Выводы. Конвенция устанавливает основную правовую архитектуру, однако оставляет существенный объем процессуального регулирования применимым договорам, оговоркам и внутреннему законодательству; поэтому предлагаемая последовательность представляет собой модель имплементации ex ante, обеспечивающую сохранение суверенных правовых функций государства при одновременном сохранении гарантий проверки, пропорциональности и защиты персональных данных.

Ключевые слова: трансграничные электронные доказательства; Конвенция ООН против киберпреступности; государственный суверенитет; хранимые электронные данные; взаимная правовая помощь; пропорциональность; защита персональных данных; международное сотрудничество; модель E/P/N; функционально-сравнительное исследование; экстерриториальная юрисдикция; дискреционные полномочия государства

Для цитирования. Aziaka, B. S., Nwokorie, U. I., & Ibiso, C. K. (2026). Согласование трансграничного доступа к хранящимся электронным доказательствам с принципом суверенитета в рамках Конвенции ООН о киберпреступности. *Russian Studies in Law and Politics / Российские исследования. Право и политика*, *10*(3), 4-33. https://doi.org/10.12731/2576-9634-2026-10-3-270

Introduction

Electronic evidence is now central to many criminal investigations. Yet the authority seeking it and the service provider holding or controlling it are often located in different countries. A European Commission fact sheet accompanying the 2018 e-evidence proposals reported that, at that time, more than half of investigations involved a cross-border request for access to electronic evidence, while electronic evidence was needed in around 85% of criminal investigations and, in two-thirds of those cases, had to be requested from an online service provider in another jurisdiction [11]. Cloud services can also separate the place of the offence, the user, the provider, and the stored data across several jurisdictions [5; 6]. This creates practical pressure because messages, account records, cloud files, and traffic data may be deleted, altered, or moved before a conventional mutual legal assistance request is completed. It also creates legal risk.

Rapid foreign access may bypass courts, privacy rules, or constitutional safeguards in the state connected to the provider or the data. A provider can therefore face a disclosure duty under one legal system and a transfer restriction under another [1; 2]. International assessments continue to identify delay, fragmented procedures, and uneven legal capacity as barriers to lawful access [28]. Too much delay can frustrate an investigation, but poorly controlled access can weaken rights protection and public confidence.

Legal systems have responded in different ways. The Budapest Convention established common offences, procedural powers, expedited preservation, mutual assistance, and a 24/7 cooperation network [7]. Its explanatory materials and Second Additional Protocol later added faster routes for cooperation with service providers, together with procedure-specific and data-protection safeguards [8, 9]. Within the European Union, the framework combines the European Investigation Order, law-enforcement data-protection rules, the GDPR, Directive (EU) 2023/1544, and European Production and Preservation Orders [12-16]. The CLOUD Act takes another route by defining provider duties and allowing executive agreements with qualifying governments [30]. These reforms were intended to speed up preservation and clarify institutional responsibilities. Even so, they allocate different roles to judges, enforcing authorities, providers, and affected persons, so questions about notice, review, refusal, conflicting legal duties, and later use of disclosed data remain contested [2; 6].

The UN Cybercrime Convention brings sovereignty, human rights, data protection, preservation, access, and interstate cooperation into a single global instrument [26; 27]. The United Nations Treaty Collection, rechecked on 7 August 2026, listed 79 signatories and three parties and recorded the Convention as not yet in force [29]. Article 65(1) provides that entry into force occurs on the ninetieth day after deposit of the fortieth instrument of ratification, acceptance, approval, or accession; with only three parties, no calendar date can yet be specified [29]. This interim period is therefore important for preparing implementing legislation, cooperation authorities, domestic procedures, and safeguards before the Convention becomes operational. Because implementation

practice has not yet developed, a close provision-level analysis is timely. In this article, cooperation is treated as sovereignty-compatible when the governing legal route is identified before evidence is sought and when preservation, disclosure, review, use, and refusal safeguards are applied in a transparent order. Put differently, lawful access should preserve the requested state's public functions, applicable procedural guarantees, and international human-rights and data-protection obligations.

Three research questions guide the analysis. RQ1 asks how Articles 3, 5, 6, 22, 24 to 28, 35, 36, 40 to 44, and 63 structure cross-border access to stored electronic evidence while protecting sovereignty and individual rights. RQ2 considers which safeguards in the Budapest and EU electronic-evidence frameworks help clarify matters that the Convention leaves conditional, procedure-specific, or dependent on domestic law. RQ3 asks how those rules can be organised into an ex ante decision framework that distinguishes urgent preservation, expedited traffic-data routing, later access or disclosure, conditional cooperation, refusal, and interstate dispute settlement. The analysis is confined to stored subscriber information, traffic data, and content data relating to offences established under the Convention or to serious crimes within Article 35. When a request combines stored records with prospective traffic collection or content interception, the two components are placed on separate legal tracks because Articles 45 and 46 fall outside this framework.

The objective of this study is to develop and justify a decision-making sequence for cross-border access to stored electronic evidence that ensures compliance with the principle of sovereignty under the United Nations Convention against Cybercrime, as well as to identify the limits of applicability of existing regional mechanisms, particularly the Budapest Convention and EU law.

Literature Review

Cross-border electronic evidence is no longer a narrow issue confined to cybercrime cases; it has become a routine part of criminal procedure. The literature therefore focuses not only on cooperation efficiency but also on lawful authority, evidential reliability, and rights protection [1; 2;

5; 6;28]. Electronic evidence is not a single, uniform category. Different forms of evidence vary in how they are created, stored, authenticated, and used in legal proceedings [21, pp. 51-84].

In this field, sovereignty cannot be reduced to the physical location of a server. It also concerns which state may criminalise conduct, compel a provider, carry out coercive functions, regulate a transfer, and protect the person whose data are requested. Policy standards on government access emphasise legality, legitimate aims, authorisation, proportionality, transparency, limits on later use, and access to remedies [17; 22]. Scholarship on digital sovereignty reaches a similar conclusion: territorial control, infrastructure, regulatory authority, and transnational data governance do not collapse into a single location rule [31; 32]. Scher-Zagier [23] adds a sharper challenge by arguing that the passive-personality basis in Article 22(2)(a) may widen extraterritorial claims against foreigners whose conduct affects a requesting state's nationals. Even when such jurisdiction is lawfully established, Article 5 still prevents one state from exercising public functions reserved to another state's authorities.

Existing regimes approach the problem differently. The Budapest framework combines preservation, production, mutual assistance, provider cooperation, and data-protection safeguards [7-9]. The EU framework is more detailed because it operates within a regional system of mutual recognition and specifies issuing and validating authorities, certificates, deadlines, objections, enforcement procedures, legal representatives, and remedies [11; 12; 15; 16]. Regulation (EU) 2023/1543 entered into force on 17 August 2023 and applies from 18 August 2026. The African Union's Malabo Convention takes a different regional approach. Articles 8 to 19 establish core data-protection rules and oversight arrangements, while Articles 24 to 31 address cybersecurity, cybercrime, harmonisation, and institutional capacity. It does not create a cross-border production-order system comparable to the EU framework [3, Arts. 8-19, 24-31]. The Malabo Convention is therefore used here as contextual evidence rather than as a formal comparator in the classification.

The UN Convention gathers these issues in one text, but its rules are spread across the general, procedural, and cooperation chapters. Recent

analysis describes the Convention as an important cooperation instrument while stressing that its operation will depend heavily on national law and institutional capacity [18]. Other scholarship links the negotiations to competing understandings of territorial and digital sovereignty [24; 31]. Civil-society and industry submissions raise a more critical concern: broad cooperation powers, weak authorisation, secrecy, and uneven domestic safeguards may expose journalists, cybersecurity researchers, civil-society actors, and political opponents to misuse [4; 10; 19]. Articles 5 and 6 matter, but citing them is not enough. The practical strength of review and remedies will also depend on domestic institutions and on whether requested states are willing to examine the purpose and likely consequences of a request.

Taken together, the literature explains the main cooperation mechanisms and the principal rights risks. The targeted search undertaken for this study did not reveal a Convention-specific sequence that first identifies scope and the applicable mutual-assistance route, then separates preservation from access or disclosure, and finally distinguishes correctable defects from lawful grounds for postponement or refusal. This article addresses that narrower operational-integration gap. It does not present the proposed sequence as the only permissible interpretation, and it does not treat textual specificity as proof of effective implementation.

Methodology

This study combines doctrinal treaty interpretation with functional comparative legal analysis, supported by a structured classification of individual provisions. Official legal texts form the core of the corpus. Peer-reviewed scholarship and institutional materials are used to identify competing interpretations and possible implementation risks. The legal materials were drawn from repositories maintained by the United Nations, the Council of Europe, EUR-Lex, the African Union, the OECD, and the United States Congress and were checked on 14 July 2026; the UN Treaty Collection status was rechecked on 7 August 2026. Interpretation followed Article 31 of the Vienna Convention on the Law of Treaties. The analysis began with the ordinary meaning of each provision, read in

good faith, in context, and in light of the Convention's object and purpose. The preamble, definitions, internal cross-references, relationship clauses, reservations, and declarations were treated as part of that context. Article 32 was used as a supplementary interpretive route, available to confirm the Article 31 reading or to address an ambiguity or an unreasonable result, rather than as a basis for displacing clear treaty wording [25]. Comparator rules were used to illuminate implementation choices; they were not treated as sources of additional obligations under the UN Convention. RQ1 was addressed through an integrated reading of the Convention, RQ2 through functional comparison with the Budapest and EU frameworks, and RQ3 through synthesis of the resulting rules into a proposed decision framework.

Secondary literature was identified through targeted searches in Google Scholar, Crossref Metadata Search, SSRN, and major publisher databases, supplemented by reference-list checking. Searches were guided by the research questions and focused on cross-border electronic evidence, mutual legal assistance, jurisdiction, sovereignty, data protection, and provider disclosure. Priority was given to English-language sources published between January 2020 and July 2026, while older primary legal texts and important interpretive authorities were retained where necessary. The search was targeted rather than systematic and was used to support doctrinal analysis, not as a systematic review or bibliometric study; it may therefore have missed relevant work indexed elsewhere or framed in different terms. Primary legal materials remained controlling, while secondary literature was used to identify competing interpretations and implementation concerns across the selected frameworks. This weighting reflects the study's doctrinal rather than empirical design.

Secondary sources were retained only where they directly informed the doctrinal questions concerning stored electronic evidence, cross-border cooperation, jurisdiction, data protection, provider obligations, or remedies. The study excludes intelligence surveillance, military cyber operations, civil discovery, forensic admissibility, and the merits of live interception. Mixed requests are considered only to the extent needed to identify the boundary between stored evidence and the real-time proce-

dures in Articles 45 and 46. The Convention provisions examined most closely are Articles 3, 5, 6, 22, 24 to 28, 35, 36, 40 to 44, and 63.

The Budapest and EU frameworks were chosen because they contain developed procedures for preservation, provider cooperation, production, enforcement, data protection, and remedies that perform the same legal functions as the Convention's stored-evidence rules. The comparison is functional rather than geographically representative. It does not assume that a regional system of mutual recognition and a global treaty rest on equivalent institutional foundations. The Budapest and EU columns are instrument clusters, while the UN column evaluates the design of a single global convention before a body of national implementation practice has developed. The codes therefore compare textual and institutional specificity at the selected level of aggregation; they do not compare complete domestic implementation regimes. Non-European instruments, including the Malabo Convention, were used as contextual checks on the article's global claims but were not classified where they lacked functionally comparable cross-border evidence procedures.

The classification is intended to make the legal comparison transparent, not to produce a quantitative score. The E/P/N scheme is a doctrinal analytical framework for organising and comparing the legal specificity of treaty provisions; it is not an empirical content-coding instrument or a set of statistical variables. Kuckartz and Rädiker [20] informed the use of explicit category definitions, decision rules, and documented reconsideration of ambiguous cases, but the substantive classifications remain reasoned doctrinal legal judgments. Table 1 sets out ten categories and the threshold for assigning E, P, or N. For each category, the elements listed in the operational legal question were treated as its core elements. E was assigned only where the central legal route and all or substantially all core elements were expressly stated without material reliance on domestic law, another treaty, a reservation, or procedure-specific detail. P was assigned where at least one core element remained materially dependent on such external law or was express only for a limited procedure. N was reserved for the absence of a relevant rule. The unit of analysis is the functional category at framework level, supported by provision-level

mapping and full consideration of relevant cross-references. The final category contains three distinct endpoint functions: request response, provider or affected-person remedies, and interstate settlement. To avoid treating them as legally equivalent, Table 2 and Table S1 report separate subcodes for those three functions; N/A is used where interstate settlement falls outside the selected instrument cluster.

Table 1.

Structured Classification Categories and Coding Rules

Category	Operational legal question	E	P or N
Jurisdictional and cooperation nexus	Does the framework identify substantive scope, offence jurisdiction, territorial or provider links, limits on extraterritorial action, and the applicable cooperation route?	The essential nexus and route are expressly stated.	P if the rules are distributed or materially dependent on another treaty or domestic law; N if absent.
Competent authority	Does it identify who may issue, validate, receive, execute, or enforce the request?	The relevant institutional roles are expressly assigned.	P if only some roles are specified or domestic law supplies the main detail; N if absent.
Specificity	Must the request identify the authority, facts, data, period, purpose, and relationship to the offence?	Essential request content is expressly stated.	P if content is general, indirect, or dependent on another instrument; N if absent.
Necessity and time sensitivity	Must the authority establish need, relevance, vulnerability to loss, or grounds for expedited handling?	Operational necessity or urgency requirements are expressly stated.	P if expressed only as a principle or for limited procedures; N if absent.
Proportionality	Must the measure be limited in scope and duration and balanced against protected interests?	An operational proportionality test is stated.	P if proportionality is required but its test is supplied mainly by domestic law; N if absent.

Category	Operational legal question	E	P or N
Independent review	Is judicial or functionally independent control required or available, with an effective remedy?	Independent control and remedy rules are expressly specified.	P if conditional, procedure-specific, or dependent on domestic law; N if absent.
Data protection and use	Are transfer, purpose, use, retention, onward transfer, sensitive data, and remedies controlled?	The essential controls are expressly stated across the category.	P if substantial elements depend on domestic or general law; N if absent.
Preservation	Can specified stored data be secured before access or disclosure is decided?	An express preservation procedure is provided.	P if preservation is indirect or incomplete; N if absent.
Access and disclosure	Does the framework govern search, production, securing, or transfer of stored data?	The access or disclosure route and essential procedure are expressly stated.	P if execution depends materially on another treaty or domestic law; N if absent.
Response, remedies, and interstate dispute handling (separate subcodes)	Does the framework address (a) consultation, conditions, partial compliance, postponement, refusal, and reasons; (b) provider or affected-person review and remedies; and (c) interstate settlement?	A separate E code is assigned to each subfunction when its central route and core procedure are expressly stated.	P if a subfunction is partial, reserved, procedure-specific, or mainly domestic; N if absent; N/A if interstate settlement falls outside the selected instrument cluster.

Note. E indicates that the framework states the relevant rule and the central route together with all or substantially all core elements listed in the operational question. P indicates that at least one core element depends materially on domestic law, an applicable treaty, a reservation, or procedure-specific detail. N indicates that no relevant rule was identified. N/A is used only for the interstate-settlement subcode where that function falls outside the selected instrument cluster. The codes compare textual and institutional specificity, not practical effectiveness or rights protection.

Classification followed three steps. First, the relevant provisions were identified and mapped to one or more functional categories. Second, each category was read in its full legal setting, including cross-references, domestic-law qualifications, reservations, and rules governing the relationship with other treaties. Third, a framework-level code was assigned. E was used only when the provisions assessed stated the central legal route and all or substantially all core elements of the category. P was used when an express rule covered only part of the category or when implementation depended materially on domestic law, an applicable mutual-assistance treaty, a reservation, or a procedure confined to particular requests. N was reserved for cases in which no relevant rule was identified. Where express and dependent elements appeared together, the more cautious P code was retained unless the express provisions covered the category as defined in Table 1. The three endpoint functions were classified separately rather than compressed into a single result.

The classification was conducted as a single-researcher doctrinal analysis. After the initial matrix was completed, it was rechecked provision by provision against the category definitions, cross-references, domestic-law qualifications, reservations, and the relationship between the instruments. Ambiguous entries were reconsidered before the final framework-level code was retained. No statistical inter-rater coefficient was calculated because the exercise evaluates legal interpretation against stated doctrinal criteria rather than estimating agreement between independent empirical coders. Reliability is instead supported by explicit definitions, cautious aggregation, provision-level traceability, and a supplementary matrix that records the principal legal basis for each code. These measures reduce unexplained classification, although they cannot remove selection and interpretive judgment.

In the final stage, the doctrinal and comparative findings were brought together in a proposed decision framework. Treaty requirements were kept separate from comparator-informed implementation guidance, and every step had to be traceable to a Convention provision or clearly marked as a prudential safeguard. Because the Convention had not entered into force and had only three parties on the verification date, the study evaluates legal

design rather than actual performance. The framework will therefore need to be tested against implementing laws, request files, judicial decisions, provider practice, declarations, and reservations after entry into force [29].

Comparative Findings

The comparison produces a clear but qualified result. Relevant provisions were identified in each of the ten preselected categories, but the degree of operational specificity varies. Under the cautious aggregation rule, preservation is the Convention's only E classification. The jurisdictional and cooperation nexus, competent authority, request specificity, necessity and time sensitivity, proportionality, independent review, data protection, and access and disclosure are coded P. The endpoint category is reported through separate subcodes: request response is P, provider or affected-person remedies are P, and interstate dispute settlement is P. These results do not mean that the Convention ignores the P-coded matters. Rather, the relevant rules are spread across several provisions, apply only to particular procedures, or depend materially on domestic law, applicable treaties, or reservations. Article 40(7) is especially important: when the states are already bound by a mutual legal assistance treaty, the corresponding provisions of that treaty ordinarily apply unless the states agree to use Article 40(8) to (31).

Table 2.

Comparative Classification of Cross-Border Stored Electronic Evidence Safeguards

Category	UN Cybercrime Convention	Budapest framework	EU electronic-evidence framework
Jurisdictional and cooperation nexus	P: Arts 3, 5, 22, 35, 40(6)-(7), 42, and 44 distribute scope, offence jurisdiction, territorial limits, and the applicable MLA route.	P: parent-Convention jurisdiction, territorial safeguards, declarations, and procedure-specific party controls.	E: the order, issuing state, enforcing state, provider connection, and territorial conditions are specified.
Competent authority	P: Art 40(12) mandates central authorities and Art 41 a 24/7 contact, but issuing, validating, and executing roles remain substantially domestic.	E: procedure-specific issuing, receiving, and contact-point rules.	E: issuing, validating, enforcing, and provider-facing authorities are specified.

Category	UN Cybercrime Convention	Budapest framework	EU electronic-evidence framework
Specificity	P: Art 42(3) expressly defines preservation-request content. For access and disclosure, Art 40(15), applied through Art 44(2), supplies default content requirements, but an applicable MLA treaty or domestic law may govern.	E: procedure-specific request and certificate content.	E: production and preservation orders and certificates have specified content.
Necessity and time sensitivity	P: Art 42(3)(e) states necessity for preservation, and Art 44(3) requires expedited response in limited cases. The rules are procedure-specific rather than a general test for every request.	P: expedited preservation and urgency rules are expressly stated, but they apply to defined procedures rather than as a general necessity test for every request.	E: necessity conditions and deadlines for production and preservation orders.
Proportionality	P: Art 24 requires proportionality, while domestic law supplies the operational test and limits.	P: Convention safeguards and domestic implementation supply the test.	E: express necessity and proportionality controls, with data-category distinctions.
Independent review	P: Art 24 refers to judicial or other independent review and an effective remedy as appropriate under domestic law.	P: review depends on the procedure and domestic implementation.	E: judicial issue or validation and effective-remedy provisions are specified.
Data protection and use	P: Arts 36 and 40(19) regulate transfer, onward transfer, and later use, while retention, sensitive-data rules, and remedies remain materially domestic.	E: Art 14 of the Second Protocol contains detailed transfer and use safeguards.	E: Regulation 2023/1543, the GDPR, and Directive 2016/680 provide detailed controls.
Preservation	E: Arts 25 and 42 provide expedited preservation; Art 42 requires at least 60 days and generally excludes dual criminality, subject to Art 42(5).	E: expedited preservation and partial traffic-data disclosure procedures.	E: European Preservation Orders and related provider obligations.

Category	UN Cybercrime Convention	Budapest framework	EU electronic-evidence framework
Access and disclosure	P: Art 44 authorises requests, but Art 44(2), Art 35, and Art 40(7) make execution dependent on applicable instruments and law.	E: defined mutual-assistance and provider-disclosure procedures.	E: European Production Orders, notification, and enforcement procedures.
Endpoint functions (separate subcodes)	Request response - P: Art 40(21)-(28) addresses refusal, reasons, postponement, consultation, and conditions, but Art 40(7) may place the request under another MLA treaty. Provider or affected-person remedies - P: Art 24 makes independent review and effective remedies dependent on domestic law. Interstate disputes - P: Art 63 provides a separate route subject to Art 63(3) reservations.	Request response - P: conditions, refusal, confidentiality, and procedural limits are addressed but remain partly treaty-, declaration-, or domestic-law-dependent. Provider or affected-person remedies - P: Convention Art 15 and Second Protocol Arts 13-14 rely materially on domestic implementation. Interstate disputes - N/A: not assessed as part of the selected Budapest evidence-procedure cluster.	Request response - E: notification, objections, compliance, and enforcement limits are specified. Provider or affected-person remedies - E: provider and affected-person remedies are expressly stated. Interstate disputes - N/A: not part of the selected EU e-evidence instrument cluster.

Note. Classification is based on official legal texts. E, P, N, and N/A have the meanings stated in Table 1. The EU and Budapest columns describe instrument clusters rather than single instruments. The endpoint row reports request response, provider or affected-person remedies, and interstate settlement separately. The table records specificity at the selected level of aggregation, not effectiveness, legitimacy, or the quality of domestic implementation.

The absence of N codes in the nine common functional categories follows from the design of the comparison. Those categories were drawn from concerns that the three selected frameworks address in some form, so the absence of N should not be read as independent evidence that every sovereignty, procedural-rights, or data-protection concern has been comprehensively covered. The endpoint functions are treated separately, and N/A is used where interstate settlement is not part of the selected Bu-

dapest or EU evidence-procedure cluster. At the selected level of aggregation, the EU instrument cluster contains the highest degree of textual and institutional specificity. That result partly reflects its combination of several interlocking instruments within a shared regional legal order. The Budapest framework is operationally specific for defined procedures but still relies on the parent Convention and domestic law. Its necessity and time-sensitivity category is therefore coded P because the urgency rules attach to particular procedures rather than to a general test for every request. The UN Convention is open to global participation but leaves more institutional and procedural variation to national systems. The comparison consequently supports a claim about legal specificity at the chosen level of aggregation, not a ranking of practical effectiveness or rights protection.

Three points are especially important when the Convention is applied. First, Article 22 concerns jurisdiction over offences; it is not, by itself, authority to compel or obtain evidence abroad. The cooperation analysis must also consider Articles 3 and 35, the sovereignty limit in Article 5, the applicable-treaty rule in Article 40(6) and (7), and the territorial structure of Articles 42 and 44. Second, Article 42(3) specifies the content of a preservation request. By contrast, the content requirements for an Article 44 access or disclosure request arise mainly through Article 40(15), applicable treaties, and domestic law. Third, Article 44(3) requires an expedited response to an access or disclosure request in specified circumstances; preservation itself is governed by Articles 25 and 42.

Preservation and disclosure should not be treated as equivalent. Preservation secures specified data against loss while an authority prepares or assesses a later request. Article 42 generally excludes dual criminality as a condition for preservation, subject to the reservation permitted by Article 42(5), and requires preservation for at least 60 days, with the possibility of an extension request. Article 43 creates a separate route when preserved traffic data show that another service provider took part in the communication. Disclosure goes further because it exposes or transfers information. It therefore calls for closer scrutiny of authority, dual criminality where applicable, necessity, proportionality, review, privilege, personal-data protection, onward transfer, and permitted use [21, pp. 58-64; 27].

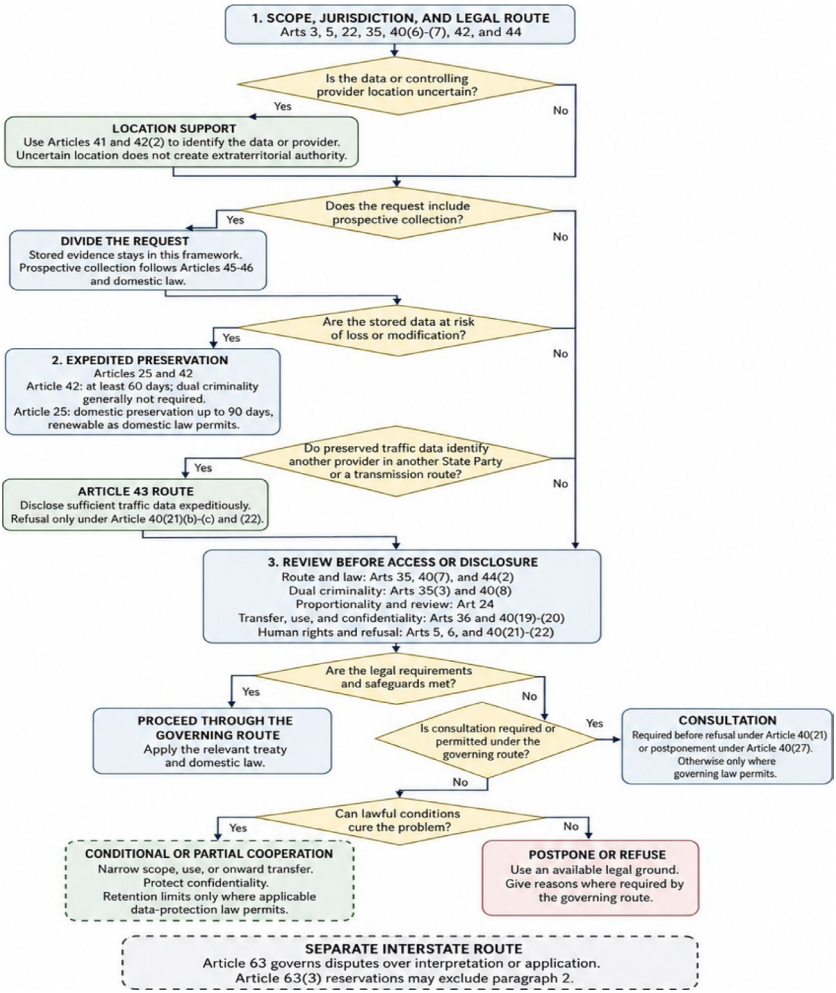

Fig. 1. Proposed Sovereignty-Compatible Stored Electronic Evidence Decision Framework. Rectangles show screening or response stages; diamonds show decision points; and dashed boxes identify steps whose content depends on applicable domestic or international law. The sequence covers scope, jurisdiction and the governing legal route; location support; separation of stored and prospective collection; expedited preservation; the Article 43 traffic-data route; review before access or disclosure; consultation; conditional or partial cooperation; postponement or refusal; and the separate Article 63 interstate-dispute route. MLA means mutual legal assistance.

At the 7 August 2026 status check, Azerbaijan, Qatar, and Viet Nam were the three parties, and each had excluded Article 63(2) through an Article 63(3) reservation [29]. The Article 43 route is mandatory when its conditions are met: sufficient traffic data shall be disclosed expeditiously, subject only to the limited grounds incorporated by Article 43(2), namely Article 40(21)(b)-(c) and (22).

Figure 1 starts with the Convention's substantive scope, offence jurisdiction, sovereignty limits, and the governing mutual-assistance route. Where the location of the data or controlling provider is uncertain, the requesting state may use the Article 41 network and Article 42(2) to seek information about the location of the stored data and, where appropriate, the service provider before selecting the cooperation route. Uncertain location does not itself create authority to exercise public functions in another state. If a request combines stored and prospective collection, the two parts are separated: the stored component remains within this framework, while the prospective component follows Articles 45 and 46 and the requested state's domestic law. Where stored data are vulnerable to loss or modification, Articles 25 and 42 support expedited preservation. The next decision concerns Article 43. If the preserved traffic data identify another provider or transmission route, the requested state shall expeditiously disclose enough traffic data to identify that provider and the transmission path, unless one of the limited refusal grounds incorporated by Article 43(2) applies. The request then moves to the ordinary access or disclosure review. That review considers the governing treaty and domestic law, dual criminality under Articles 35(3) and 40(8) where relevant, proportionality and review, transfer and later-use safeguards under Articles 36 and 40(19), confidentiality under Article 40(20), and the refusal grounds in Article 40.

The boundary between stored and real-time data turns on function, not simply on the label attached to the request. Historical traffic records, stored messages, account files, and subscriber information fall within the present analysis. A request that also seeks prospective traffic collection, continuing location data, or interception of communications must be divided because the real-time component is governed by Articles 45 or

46 and by the requested state's domestic law. Treating the entire request as 'stored' would avoid a materially different legal threshold.

When a request satisfies the relevant legal requirements, it may proceed through the governing cooperation route. A defect does not invariably trigger consultation under Article 40. Paragraph 28 requires the requested state to consult before refusing a request under paragraph 21 or postponing execution under paragraph 27. In other circumstances, consultation is available only where the governing treaty, domestic law, or agreement between the states permits it. If lawful conditions can cure a problem, Articles 36 and 40(19), (20), and (28) may support conditional or partial cooperation, for example by narrowing the category or period of data, limiting use or onward transfer, or protecting confidentiality. A retention limit may be imposed only where it is required or permitted by applicable domestic or international data-protection law; the Convention does not create a general standalone retention period for disclosed evidence. If the problem cannot lawfully be cured, the requested state may postpone or refuse assistance on an available ground and, where the governing route requires it, give reasons. Article 63 remains separate because it concerns disputes between states over the interpretation or application of the Convention, not routine review of an individual evidence request.

Discussion

The comparison leads to a straightforward conclusion: the Convention addresses the core legal elements identified in the analysis, but it does not arrange them in a single operational sequence. A request may satisfy one provision and still be defective under another. Article 42 may support urgent preservation, for example, while Articles 24, 35, 36, 40, and 44 continue to govern the legal route, later access, transfer, and use. The proposed framework makes these dependencies easier to see. It also guards against treating Article 22 as a complete evidence-jurisdiction rule or Article 44(3) as a preservation power. Sovereignty is therefore neither reducible to server location nor an automatic reason to reject cooperation.

Safeguards do not transfer neatly from one legal system to another. The EU framework rests on mutual recognition, shared legal institutions, and detailed rules on enforcement and remedies. The Budapest framework uses defined procedures among parties to an established treaty. The UN Convention, by contrast, seeks global participation across legal systems with widely different judicial capacity, data-protection rules, provider regulation, and access to remedies. Comparator safeguards can help clarify implementation, but they cannot be treated as unexpressed treaty obligations. The Malabo Convention offers a useful reminder that regional cybercrime instruments may emphasise harmonisation, data protection, and capacity-building without reproducing European production-order mechanisms. For that reason, the proposed framework uses comparator safeguards as practical guidance, not as a demand that every state adopt the same institutions or legal forms.

In practical terms, the framework favours measured cooperation over an immediate choice between complete disclosure and complete refusal. The first step is to determine whether another mutual-assistance treaty supplies the controlling procedure under Article 40(7). Where Article 40 applies, paragraph 28 requires consultation before refusal under paragraph 21 or postponement under paragraph 27, so that the states can consider whether lawful conditions would permit assistance. Consultation in other situations depends on the governing treaty, domestic law, or agreement between the states. Conditions may concern scope, confidentiality, use, privilege, or onward transfer. They may include retention limits only where applicable domestic or international data-protection law authorises or requires them. Paragraph 17 requires execution under the requested state's law and observance of a requested procedure only when that procedure is compatible with the same law; it should not be treated as an independent source of every possible condition. Consider a request for six months of stored content when only one month is linked to the offence. The requested state may preserve the account, disclose the relevant period subject to lawful use restrictions, and consult on the remainder where the governing route permits.

Uneven implementation remains a serious prospective risk. Articles 24 and 40 leave substantial details of proportionality, review, execution,

and remedies to domestic law, so formally similar safeguards may work very differently from one state to another. Where judicial independence is weak, speech offences are broad, remedies are limited, or data-protection oversight is ineffective, those safeguards may offer less practical restraint. Article 22(2)(a) may also facilitate jurisdictional shopping by allowing a state to rely on harm to one of its nationals even when the conduct and the person concerned are abroad [23]. A requesting authority may try to rely on the most permissive legally available cooperation route, seek parallel assistance from several jurisdictions, or present a political or expressive offence as an ordinary serious-crime request. Articles 5, 6, 24, and 40(22) provide relevant safeguards, but their value will depend on meaningful scrutiny by the requested state. Requests involving journalism, cybersecurity research, political opposition, protected expression, or a politically framed offence should therefore be examined for purpose, dual criminality, foreseeable human-rights consequences, and the availability of an effective remedy [4; 10; 19]. These are prospective implementation risks, not empirical findings about the current parties' practice.

Ratification alone will not settle these issues. At the 7 August 2026 status check, the Convention had 79 signatories and three parties (Azerbaijan, Qatar, and Viet Nam), each of which had excluded Article 63(2) through an Article 63(3) reservation [29]. This small early sample cannot support conclusions about the parties' motives or the Convention's long-term viability. It does, however, show why future research should examine reservation practice, declarations, designated authorities, and implementing legislation alongside the treaty text. Viet Nam's declaration that the Convention is non-self-executing also illustrates how domestic constitutional and statutory rules may shape implementation [29]. For routine disagreements over a request, consultation under Article 40 is likely to provide a more immediate mechanism than Article 63. The latter concerns disputes over treaty interpretation or application, and its arbitration and possible ICJ route may be unavailable because of a reservation.

The study has six limitations. First, the Convention has not entered into force, so this ex ante analysis cannot establish how states, courts, or

providers will behave. Second, the classification measures legal specificity rather than effectiveness. Its categories and final codes represent one reasoned interpretation of the instruments and may be challenged by other scholars or by states during implementation. Third, the literature search was targeted rather than systematic and may have missed relevant work outside the selected sources, languages, or search terms. Fourth, the formal comparators are functionally European and do not represent every African, Asian, Latin American, or Eurasian approach. Fifth, the units compared are asymmetric: the Budapest and EU columns combine instrument clusters, whereas the UN column evaluates a global convention before national implementation practice has developed. The results must therefore be read as a comparison of specificity at the selected level of aggregation, not as a ranking of complete legal regimes. Sixth, the focus on stored data excludes the distinct safeguards that govern real-time traffic collection and interception. Future research should test the framework against implementing laws, real request files, judicial decisions, provider objections, state declarations, and mixed stored and prospective requests after entry into force.

Conclusion

This study examined how the UN Cybercrime Convention is designed to reconcile cross-border access to stored electronic evidence with state sovereignty. RQ1 shows that lawful cooperation requires more than offence jurisdiction under Article 22. It also requires attention to the Convention's scope under Articles 3 and 35, respect for sovereignty and human rights under Articles 5 and 6, identification of the governing route under Article 40(6) and (7), and application of the procedural safeguards in Articles 24 to 28, 36, and 40 to 44. RQ2 shows how the Budapest and EU frameworks clarify the value of defined authorities, procedure-specific request content, independent validation, provider-facing objections, and effective remedies. Those safeguards may inform implementation, but they cannot be imported as new treaty duties.

For RQ3, the article proposes a Sovereignty-Compatible Stored Electronic Evidence Decision Framework. It is a doctrinal and nor-

mative synthesis, not an empirically validated model. The framework first screens scope, jurisdiction, territorial limits, and the applicable mutual-assistance route. It then separates urgent preservation from later disclosure, includes the Article 43 traffic-data pathway, distinguishes stored evidence from real-time collection, and directs authorities toward full, conditional, or partial cooperation, postponement, refusal, or consultation. Interstate dispute settlement under Article 63 remains a separate and exceptional route.

The stated objective is therefore achieved: the analysis develops and justifies a sovereignty-compatible decision sequence for stored electronic evidence and identifies the limits of Budapest and EU mechanisms as comparative implementation guidance rather than sources of obligations under the UN Convention. These conclusions remain subject to legal and temporal limits. Domestic safeguards, judicial capacity, political incentives, provider compliance, reservations, and the quality of remedies will vary across states. The comparative findings also reflect the selected level of aggregation: the Budapest and EU columns combine instrument clusters, whereas the UN column evaluates treaty design before national implementation practice has developed.

Once the Convention enters into force, the Conference of the States Parties and national legislators should give priority to guidance on the Article 40(7) treaty interface, authorisation, proportionality, independent review, dual criminality, conditional assistance, provider objections, reasons for refusal, and protection against politically motivated requests. On the normative account developed here, cross-border access is sovereignty-compatible when it rests on clear authority, remains limited to what is necessary, allows meaningful review, protects personal data, and respects the requested state's sovereign legal functions.

Conflict of interest information. The authors declare no conflict of interest.

Sponsorship information. The study had no sponsorship.

Supplementary Appendix

Table S1.

Category-Level Provision Mapping and Classification Matrix

Framework	Category	Principal provision(s)	Final code	Coding rationale
UN Cybercrime Convention	Jurisdictional and cooperation nexus	Arts 3, 5, 22, 35, 40(6)-(7), 42, 44	**P**	Scope, offence jurisdiction, sovereignty limits, territorial links, and the governing cooperation route are spread across several provisions and may depend on another MLA treaty.
UN Cybercrime Convention	Competent authority	Arts 40(12), 41	**P**	Central authorities and a 24/7 contact are required, but issuing, validating, and executing roles remain substantially domestic.
UN Cybercrime Convention	Specificity	Arts 42(3), 40(15), 44(2)	**P**	Preservation-request content is express. Access-request content follows the default Article 40 route only where an applicable treaty or domestic law does not govern.
UN Cybercrime Convention	Necessity and time sensitivity	Arts 42(3)(e), 44(3)	**P**	Necessity and expedited response are stated for particular procedures rather than as a general test for every request.
UN Cybercrime Convention	Proportionality	Art 24	**P**	Proportionality is required, but the operational test, limits, and remedies are mainly supplied by domestic law.
UN Cybercrime Convention	Independent review	Art 24	**P**	Judicial or other independent review and an effective remedy apply as appropriate under domestic law.
UN Cybercrime Convention	Data protection and use	Arts 36, 40(19)	**P**	Transfer, onward transfer, and later use are regulated, while retention, sensitive-data rules, and remedies remain materially domestic.
UN Cybercrime Convention	Preservation	Arts 25, 42	**E**	The Convention provides express domestic and international preservation procedures, a minimum 60-day period, and a defined dual-criminality rule.
UN Cybercrime Convention	Access and disclosure	Arts 35, 40(7), 44	**P**	Article 44 authorises requests, but execution depends materially on applicable instruments and the requested state's law.
UN Cybercrime Convention	Endpoint functions (separate subcodes)	Arts 24, 40(21)-(28), 63	**P / P / P**	Request response is partly dependent on the applicable MLA route under Art 40(7); provider or affected-person remedies depend materially on domestic law under Art 24; interstate settlement is express in Art 63 but remains subject to Art 63(3) reservations.

Framework	Category	Principal provision(s)	Final code	Coding rationale
Budapest framework	Jurisdictional and cooperation nexus	Convention Arts 22, 27, 29-32; Second Protocol Arts 6-8	**P**	Jurisdiction, mutual assistance, transborder access, and direct-provider routes are distributed and remain affected by party declarations and domestic law.
Budapest framework	Competent authority	Convention Arts 27(2), 35; Second Protocol authority provisions	**E**	Central or receiving authorities and 24/7 contact points are expressly assigned for the relevant procedures.
Budapest framework	Specificity	Convention Arts 27(4), 29(2), 31(4); Second Protocol Arts 6-8	**E**	The relevant procedures specify the authority, facts, offence, requested data, purpose, and supporting information.
Budapest framework	Necessity and time sensitivity	Convention Arts 29-31; Second Protocol expedited procedures	**P**	Urgency and expedited handling are express but tied to defined procedures rather than to one general necessity test for every request.
Budapest framework	Proportionality	Convention Art 15; Second Protocol Art 13	**P**	General safeguards require proportionality, but operational tests and limits depend substantially on domestic implementation.
Budapest framework	Independent review	Convention Art 15; Second Protocol Art 13	**P**	Review and remedies depend on the particular procedure and the implementing law of each party.
Budapest framework	Data protection and use	Second Protocol Art 14; Convention Art 15	**E**	The Protocol states detailed controls for transfer, purpose, use, retention, onward transfer, sensitive data, and remedies.
Budapest framework	Preservation	Convention Arts 16, 29-30	**E**	Domestic and cross-border preservation, together with limited disclosure of preserved traffic data, are expressly regulated.
Budapest framework	Access and disclosure	Convention Arts 18, 31-32; Second Protocol Arts 6-8	**E**	Production, mutual-assistance access, consent-based access, and provider-disclosure procedures are defined.

Framework	Category	Principal provision(s)	Final code	Coding rationale
Budapest framework	Endpoint functions (separate subcodes)	Convention Arts 15, 27-28; Second Protocol Arts 13-14	**P / P / N/A**	Request response, conditions, refusal, and confidentiality are addressed but remain partly treaty-, declaration-, or domestic-law-dependent. Provider and individual remedies depend materially on domestic implementation. Interstate settlement is outside the selected evidence-procedure cluster.
EU electronic-evidence framework	Jurisdictional and cooperation nexus	Regulation 2023/1543; Directive 2023/1544	**E**	The issuing state, enforcing state, provider connection, designated establishment or representative, and order routes are expressly defined.
EU electronic-evidence framework	Competent authority	Regulation 2023/1543 Arts 4-7, 16; Directive 2023/1544	**E**	Issuing, validating, enforcing, and provider-facing roles are assigned by the legislation.
EU electronic-evidence framework	Specificity	Regulation 2023/1543 Arts 8-10 and annexed certificates	**E**	Production and preservation orders and their certificates contain prescribed information.
EU electronic-evidence framework	Necessity and time sensitivity	Regulation 2023/1543 Arts 5-6, 10-12	**E**	Necessity conditions and response deadlines are stated for production and preservation orders.
EU electronic-evidence framework	Proportionality	Regulation 2023/1543 Arts 5-6	**E**	The Regulation requires express necessity and proportionality assessments, including distinctions between data categories.
EU electronic-evidence framework	Independent review	Regulation 2023/1543 Arts 4, 18	**E**	Judicial issuance or validation and effective-remedy provisions are specified.
EU electronic-evidence framework	Data protection and use	Regulation 2023/1543; GDPR; Directive 2016/680	**E**	The combined framework contains detailed rules on processing, purpose, use, transfer, security, and remedies.
EU electronic-evidence framework	Preservation	Regulation 2023/1543 preservation-order provisions	**E**	European Preservation Orders, certificates, deadlines, and related provider obligations are expressly regulated.

Framework	Category	Principal provision(s)	Final code	Coding rationale
EU electronic-evidence framework	Access and disclosure	Regulation 2023/1543 production and enforcement provisions	**E**	European Production Orders, notification, compliance, and enforcement procedures are defined.
EU electronic-evidence framework	Endpoint functions (separate subcodes)	Regulation 2023/1543 objection, enforcement, and remedy provisions; Directive 2023/1544	**E / E / N/A**	Request response and enforcement limits are express, as are provider and affected-person remedies. Interstate settlement is not part of the selected EU e-evidence instrument cluster.

Note. The matrix maps the principal provisions supporting each code. E means express; P means materially dependent; N means absent; and N/A is used only where interstate settlement falls outside the selected instrument cluster. Endpoint codes are ordered as follows: request response; provider or affected-person remedies; interstate settlement.

References

1. Abraha, H. H. (2020). Regulating law enforcement access to electronic evidence across borders: The United States approach. *Information & Communications Technology Law*, *29*(3), 324–353. https://doi.org/10.1080/13600834.2020.1794617. EDN: https://elibrary.ru/AXPXAA
2. Abraha, H. H. (2021). Law enforcement access to electronic evidence across borders: Mapping policy approaches and emerging reform initiatives. *International Journal of Law and Information Technology*, *29*(2), 118–153. https://doi.org/10.1093/ijlit/eaab001. EDN: https://elibrary.ru/XVNEUR
3. African Union. (2014). *African Union Convention on Cyber Security and Personal Data Protection*. https://au.int/en/treaties/african-union-convention-cyber-security-and-personal-data-protection
4. Barber, I. A., & Kumar, S. (2024). Learning from the ground up: Lessons from civil society engagement in addressing the human rights implications of cybercrime legislation. *Journal of Cyber Policy*, *9*(2), 131–148. https://doi.org/10.1080/23738871.2023.2240331. EDN: https://elibrary.ru/PHJMOC
5. Carrera, S., Stefan, M., & Mitsilegas, V. (2020). *Cross-border data access in criminal proceedings and the future of digital justice: Navigating the current legal framework and exploring ways forward within the EU and across the Atlantic*. Centre for

European Policy Studies. https://www.ceps.eu/ceps-publications/cross-border-data-access-in-criminal-proceedings-and-the-future-of-digital-justice

6. Christakis, T., & Terpan, F. (2021). EU-US negotiations on law enforcement access to data: Divergences, challenges and EU law procedures and options. *International Data Privacy Law*, *11*(2), 81–106. https://doi.org/10.1093/idpl/ipaa022. EDN: https://elibrary.ru/YULNZE
7. Council of Europe. (2001). *Convention on Cybercrime* (ETS No. 185). https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list?module=treaty-detail&treatynum=185
8. Council of Europe. (2021). *Explanatory report to the Second Additional Protocol to the Convention on Cybercrime on enhanced co-operation and disclosure of electronic evidence* (CETS No. 224). https://rm.coe.int/second-additional-protocol-to-the-convention-on-cybercrime-explanatory/1680a2aef1
9. Council of Europe. (2022). *Second Additional Protocol to the Convention on Cybercrime on enhanced co-operation and disclosure of electronic evidence* (CETS No. 224). https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list?module=treaty-detail&treatynum=224
10. Cybersecurity Tech Accord. (2024, August 8). *Open letter from civil society and industry stakeholders on the final draft of the Convention on Cybercrime*. https://cybertechaccord.org/uploads/prod/Final-Draft-Cybercrime-Convention-Multistakeholder-Statement.pdf
11. European Commission. (2018, April 17). *Frequently asked questions: New EU rules to obtain electronic evidence* (MEMO/18/3345). https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/MEMO_18_3345
12. European Parliament & Council of the European Union. (2014). Directive 2014/41/EU regarding the European Investigation Order in criminal matters. *Official Journal of the European Union*, *L 130*, 1–36. https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2014/41/oj
13. European Parliament & Council of the European Union. (2016a). Directive (EU) 2016/680 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data by competent authorities for law-enforcement purposes. *Official Journal of the European Union*, *L 119*, 89–131. https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2016/680/oj
14. European Parliament & Council of the European Union. (2016b). Regulation (EU) 2016/679 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data. *Official Journal of the European Union*, *L 119*, 1–88. https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj
15. European Parliament & Council of the European Union. (2023a). Directive (EU) 2023/1544 laying down harmonised rules on designated establishments and legal representatives for gathering electronic evidence in criminal proceedings. *Official Journal of the European Union*, *L 191*, 181–190. https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2023/1544/oj

16. European Parliament & Council of the European Union. (2023b). Regulation (EU) 2023/1543 on European Production Orders and European Preservation Orders for electronic evidence in criminal proceedings. *Official Journal of the European Union*, *L 191*, 118–180. https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/1543/oj
17. Global Privacy Assembly. (2021). *Resolution on government access to data, privacy and the rule of law: Principles for governmental access to personal data held by the private sector for national security and public safety purposes*. https://globalprivacyassembly.org/wp-content/uploads/2021/10/20211025-GPA-Resolution-Government-Access-Final-Adopted_.pdf
18. Hakmeh, J. (2024). The UN convention on cybercrime: A milestone in cybercrime cooperation? *Journal of Cyber Policy*, *9*(2), 125–130. https://doi.org/10.1080/23738871.2024.2441549. EDN: https://elibrary.ru/AHHJXQ
19. Human Rights Watch. (2024, October 21). *EU: Member states should vote 'No' on UN Cybercrime Treaty*. https://www.hrw.org/news/2024/10/21/eu-member-states-should-vote-no-un-cybercrime-treaty
20. Kuckartz, U., & Rädiker, S. (2023). *Qualitative content analysis: Methods, practice and using software*. SAGE. https://uk.sagepub.com/en-gb/eur/qualitative-content-analysis/book279751
21. Mason, S., & Seng, D. (2021). The foundations of evidence in electronic form. In S. Mason & D. Seng (Eds.), *Electronic evidence and electronic signatures* (5th ed., pp. 51–84). University of London Press. https://doi.org/10.14296/2108.9781911507246
22. Organisation for Economic Co-operation and Development. (2022). *OECD Declaration on Government Access to Personal Data Held by Private Sector Entities* (OECD/LEGAL/0487). https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0487
23. Scher-Zagier, E. (2024). Jurisdictional creep: The UN Cybercrime Convention and the expansion of passive personality jurisdiction. *SSRN*. https://doi.org/10.2139/ssrn.4957176
24. Sukumar, A., & Basu, A. (2024). Back to the territorial state: China and Russia's use of UN cybercrime negotiations to challenge the liberal cyber order. *Journal of Cyber Policy*, *9*(2), 256–287. https://doi.org/10.1080/23738871.2024.2436591
25. United Nations. (1969). *Vienna Convention on the Law of Treaties*. *United Nations Treaty Series*, *1155*, 331. https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/conventions/1_1_1969.pdf
26. United Nations. (2020). *Countering the use of information and communications technologies for criminal purposes* (A/RES/74/247). https://docs.un.org/en/A/RES/74/247
27. United Nations. (2024). *United Nations Convention against Cybercrime; Strengthening international cooperation for combating certain crimes committed by means of information and communications technology systems and for the sharing of evidence in electronic form of serious crimes* (A/RES/79/243, annex). https://www.unodc.org/unodc/en/cybercrime/convention/text/convention-full-text.html

28. United Nations Counter-Terrorism Committee Executive Directorate. (2022). *The state of international cooperation for lawful access to digital evidence*. https://www.un.org/securitycouncil/ctc/sites/www.un.org.securitycouncil.ctc/files/files/documents/2022/Jan/cted_trends_report_lawful_access_to_digital_data_.pdf
29. United Nations Treaty Collection. (n.d.). *United Nations Convention against Cybercrime: Status of treaties*. Retrieved August 7, 2026, from https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XVIII-16&chapter=18&clang=_en
30. United States Congress. (2018). *Clarifying Lawful Overseas Use of Data Act*, Pub. L. No. 115-141, div. V, *132 Stat.* 1213. https://www.congress.gov/115/plaws/publ141/PLAW-115publ141.pdf
31. Vardanyan, L., & Kocharyan, H. (2022). Critical views on the phenomenon of EU digital sovereignty through the prism of global data governance reality: Main obstacles and challenges. *European Studies*, *9*(2), 110–132. https://doi.org/10.2478/eustu-2022-0016. EDN: https://elibrary.ru/FZGOYT
32. Vardanyan, L., Kocharyan, H., Hamuľák, O., & Kerikmäe, T. (2023). Digital sovereignty in the EU: Searching for legal mechanisms for marking the borders. In D. Ramiro Troitiño, T. Kerikmäe, & O. Hamuľák (Eds.), *Digital development of the European Union* (pp. 219–234). Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-031-27312-4_14

DATA ABOUT THE AUTHORS

Bridget Silver Aziaka, MSc, Master of Laws (LLM) in International Dispute Settlement
Center for International Dispute Settlement
Geneva, Switzerland
Bridgetchiaziaka20@gmail.com

Uchenna Isaac Nwokorie, BSc Law
Okocha & Okocha Legal Practitioners
Port Harcourt, Nigeria
uchennanwokonig@gmail.com

Chukwu Kingsley Ibiso, BSc in Mass Communication, Public Relations Officer
Babalakin & Co. Legal Practitioners
Port Harcourt, Nigeria
Kingsibisochuks@gmail.com

Поступила 10.07.2026 Received 10.07.2026
После рецензирования 13.08.2026 Revised 13.08.2026
Принята 17.08.2026 Accepted 17.08.2026

Публично-правовые науки / Public Law Sciences

Научная статья
Original article
DOI: 10.12731/2576-9634-2026-10-3-284
EDN: LOWEYW
УДК 347.6

Эволюция государственно-конфессиональных отношений и институтов свободы совести и веротерпимости в России: от крещения Руси до постсоветского периода (X-конец XX в.)

А.В. Карева
Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, Рязань, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. Актуальность исследования обусловлена необходимостью переосмысления исторического опыта государственно-конфессиональных отношений в России, включающего этап существования религиозной идеологии, период относительно либерального законодательства начала XX в., советскую эпоху неприятия государством религии с временным ее возрождением в годы Великой Отечественной войны и периодом либерализации на рубеже 1980-х-1990-х гг., вызвавшим модернизацию взаимоотношений государства и церкви и конституционные изменения 2020 г. Переоценка требуется для выработки эффективной модели взаимодействия власти и религиозных объединений в условиях роста религиозности населения (83% по данным ВЦИОМ 2025 г.) и одновременного усиления рисков религиозного экстремизма. Существующие исследования нередко рассматривают имперский и советский периоды изолированно, что не позволяет выявить глубинные закономерности и преемственность в подходах государства к регулированию религиозной сферы. В работе предлагается авторская периодизация эволюции институтов свободы совести и веротерпимости, основанная на комплексном анализе правовых памятников от Крещения Руси до законов 1990 г., что позволяет сформулировать рекомендации по совершенствованию современной религиозной политики в поликонфессиональной России с целью профилактики конфликтов и противодействия деструктивным культам.

Объект исследования. Совокупность государственно-конфессиональных отношений и нормативно-правовых актов, регулирующих правовое положение

религиозных организаций и личную свободу вероисповедания в России с момента Крещения (988 г.) до распада СССР.

Цель. Предложить научную периодизацию и выявить специфику трансформации институтов веротерпимости и свободы совести в истории России, установив преемственные связи имперской, советской и современной моделей государственной религиозной политики.

Методы. Масштабность и важность данного исследования для современной России потребовали использования следующих методов: исторический, сравнительно-исторический, системно-структурный и сравнительно-правовой, которые в комплексе позволили составить целостное представление о развитии государственно-конфессиональных отношений на протяжении более чем тысячелетнего пути на основе анализа правовых памятников разных эпох.

Результаты. Выявлено, что на протяжении длительного времени в истории России личности было отказано в свободе совести, которая не воспринималась ее неотъемлемым правом, являясь феноменом ограниченной свободы, которым вправе управлять только государство. Установлена важная преемственность между Российской империей с господствующим положением православия и атеистически настроенным СССР: при всей их идейной несовместимости, оба этапа держали религию и мировоззренческую сферу в фокусе внимания, считая ее полностью подконтрольной государству, предназначенной в качестве инструмента для выполнения политических задач, отрицая при этом автономию личности, которая не способна сама сделать правильный выбор. Подтверждено, что периоды расширения веротерпимости (эпоха Екатерины II, 1905 г., конец 1980-х гг.) соответствовали времени масштабных преобразований и упрочения единства и целостности страны.

Область применения результатов. Материалы исследования могут выступать в качестве основы для подготовки новых научных изысканий, посвященных анализу трансформации религиозной политики в течение имперского, советского и постсоветского периодов, выявлению особенностей свободы совести как объекта политики. В образовательной деятельности по изучению истории отечественного права и государства полученные результаты предоставляют конкретные примеры исторического опыта взаимодействия с конфессиями в разные эпохи. Для политологического анализа материалы исследования способствуют раскрытию специфики управления многоконфессиональным обществом. Для религиоведения полученные результаты позволяют рассмотреть не только основы вероучения, но и социальные последствия деятельности религиозных организаций. В процессе разработки учебных курсов данные результаты могут выступить в качестве отдельных блоков (Государство и церковь в Российской империи; Государство и церковь в СССР) для подготовки модулей и тем. Практическая значимость исследования определяется возможностью использования выявленных закономерностей для выработки сбалансированной ре-

лигиозной политики, направленной на профилактику межрелигиозных конфликтов и противодействие деструктивным культам, особенно в условиях новых вызовов.

Ключевые слова: свобода совести; веротерпимость; государственно-конфессиональные отношения; православие; симфония властей; иерархия конфессий; имперская модель; религиозная политика; Декрет об отделении церкви от государства; атеизм

Для цитирования. Карева, А. В. (2026). Эволюция государственно-конфессиональных отношений и институтов свободы совести и веротерпимости в России: от крещения Руси до постсоветского периода (X-конец XX в.). *Russian Studies in Law and Politics / Российские исследования. Право и политика*, *10*(3), 34-78. https://doi.org/10.12731/2576-9634-2026-10-3-284

The evolution of state-confessional relations and the institutions of freedom of conscience and religious tolerance in Russia: From the Christianization of Rus' to the post-Soviet period (10th-late 20th centuries)

A.V. Kareva
Ryazan State University named after S.A. Yesenin, Ryazan, Russian Federation

Abstract

Background. The relevance of this study stems from the need to re-examine Russia's historical experience with state-confessional relations. This experience spans several distinct phases: the era of religious ideology; the relatively liberal legislative period of the early 20th century; the Soviet era – characterized by state-sponsored atheism, despite a temporary revival during the Great Patriotic War; and the liberalization at the turn of the 1990s, which drove both the modernization of state-church relations and the 2020 constitutional revision. A re-evaluation is necessary to develop an effective model for interaction between authorities and religious associations. This is particularly urgent amidst rising public religiosity – which reached 83% according to 2025 VTsIOM data – and the simultaneous intensification of risks associated with religious extremism. Existing studies frequently examine the imperial and Soviet periods in isolation, a fragmented approach that precludes the identification of underlying patterns and continuities in the state's regulation of the religious sphere. This study proposes an original periodization of the evolution of institutions governing freedom of conscience and religious tolerance, based on a comprehensive analysis of legal documents from the Christianization of Rus' to the laws of 1990. Consequently, these findings enable the formulation of recommendations to improve contemporary religious policy in multi-confessional Russia, aiming to prevent conflicts and counter destructive cultic movements.

Subject matter. The system of state-confessional relations and the framework of legal acts regulating the status of religious organizations and individual freedom of religion in Russia from the Christianization of Rus' (988) to the dissolution of the USSR.

Purpose. To propose a scholarly periodization and identify the specific nature of the transformation of institutions governing religious tolerance and freedom of conscience in Russian history, while establishing the continuities between the imperial, Soviet, and modern models of state religious policy.

Methodology. The scale and significance of this study for modern Russia necessitated the use of historical, comparative-historical, systems-structural, and comparative-legal methods. Combined, these approaches provided a comprehensive understanding of the evolution of state-confessional relations over more than a millennium, based on the analysis of legal documents from various eras.

Results. It has been established that, throughout a long period of Russian history, individuals were denied freedom of conscience. This right was viewed not as inalienable, but as a form of limited freedom subject to state control. Furthermore, a significant continuity has been identified between the Russian Empire, with its dominant Orthodox status, and the atheistic USSR: Despite their fundamental ideological incompatibility, both regimes kept religion and public worldview in focus, treating them as fully subject to state control and as instruments for achieving political goals. Concurrently, both systems denied individual autonomy on the premise that individuals are incapable of making the right choice independently. Furthermore, the study confirms that periods of expanded religious tolerance (such as the era of Catherine II, 1905, and the late 1980s) coincided with large-scale transformations and the strengthening of the country's unity and integrity.

Practical implications. The research findings can serve as a basis for future scholarly inquiries into the transformation of religious policy across the imperial, Soviet, and post-Soviet periods, as well as the specific characteristics of freedom of conscience as a policy subject. In the context of teaching the history of Russian law and statehood, these results offer concrete historical insights into interactions with religious denominations across different eras. For political analysis, the research materials help elucidate the specific dynamics of governing a multi-confessional society. For religious studies, the findings make it possible to examine not only the tenets of religious doctrine but also the social consequences of the activities of religious organizations. When designing curricula, these results can serve as freestanding components – such as 'State and Church in the Russian Empire' and 'State and Church in the USSR' – for the preparation of course modules and syllabi. Practically, the identified patterns can inform the formulation of a balanced religious policy aimed at preventing interfaith conflicts and countering destructive cults, particularly in the face of contemporary challenges.

Keywords: freedom of conscience; religious tolerance; state-confessional relations; Orthodoxy; symphony of powers; hierarchy of confessions; imperial model; religious policy; Decree on the Separation of Church and State; atheism

For citation. Kareva, A. V. (2026). The evolution of state-confessional relations and the institutions of freedom of conscience and religious tolerance in Russia: From the Christianization of Rus' to the post-Soviet period (10th-late 20th centuries). *Russian Studies in Law and Politics*, *10*(3), 34-78. https://doi.org/10.12731/2576-9634-2026-10-3-284

Введение

Свобода совести – одна из важнейших фундаментальных ценностей современного демократического общества, представляющая собой неотъемлемое право личности иметь любые убеждения, самостоятельно определять свое отношение к религии, исповедовать любую веру или не исповедовать никакой. Вместе с тем исторический путь реализации этого права в России был сложным и противоречивым, что делает его изучение не только академически значимым, но и практически востребованным для понимания современной модели государственно-конфессиональных отношений.

Хронологические рамки исследования охватывают период с Крещения Руси (988 г.) до распада Советского Союза и принятия законодательства о свободе совести начала 1990-х гг. Выбор этих границ позволяет проследить длительную трансформацию институтов веротерпимости и свободы совести. Отправной точкой исследования является зарождение религиозной политики в Древней Руси, заключительная часть раскрывает особенности складывания постсоветской правовой парадигмы, которая положила начало современной трактовке свободы совести в России. Обращение к истории имперского и советского опыта отношения к церкви и религии вообще, учитывая преемственность эпох в сохранении ведущей роли государства, дает возможность обнаружить определенные закономерности, проявляющиеся лишь в рамках системного и последовательного, поэтапного анализа.

Теоретическая значимость работы состоит в раскрытии особенностей трансформации отечественных государственно-конфессиональных отношений, демонстрирующих диаметрально противоположный западноевропейскому путь развития. Если на Западе свобода совести рождалась и формировалась постепенно в ходе борьбы против церковного диктата и государственного давления, то

в России в течение длительного времени духовная сфера находилась в центре внимания государства, считающего себя вправе держать ее под контролем.

Актуальность и значимость исследования связана с изменением роли и места религии в современном российском обществе, что требует нового ретроспективного анализа разных вариантов взаимосвязи власти и конфессий на протяжении всего исторического пути для поиска и построения наиболее целесообразного направления развития в условиях многонациональной и многоконфессиональной России. Религиозные организации активнее заявляют о себе, участвуя в социальных проектах и дискуссиях по вопросам общественной нравственности, взаимодействуют с властью, что в России, как в светском государстве, вызывает вопросы о границах их влияния и механизмах государственного регулирования. Феномен свободы совести также выступает своеобразным индикатором реального уровня либерализации политического режима. Кроме того, дискуссионность вопросов о свободе совести, веротерпимости делает необходимым научно обоснованное разграничение этих понятий для выработки взвешенной государственной политики.

Особое значение это имеет для России, где православие по прошествии тысячи лет остается самой распространенной конфессией. По данным опросов ВЦИОМ 2023 г. 57% россиян являются последователями православия. 5% относят себя к приверженцам ислама. Неверующими считают себя 19% граждан [21]. По опросам ВЦИОМ 2025 г. доля верующих выросла до 83%. Прирост происходит в основном за счет молодежи в возрасте 18-24 лет, приобщающихся к православию [1]. Все это указывает на усиление религиозных настроений в обществе в последние годы, причем не только российском [11, с. 180-181]. Рост числа верующих, особенно в молодежной группе – выразительный индикатор, свидетельствующий о религии как важном социальном институте и о востребованности традиционных духовных ценностей.

Однако наряду с этим присутствуют и противоположные тенденции, связанные с религиозным экстремизмом, который представляет

собой одну из злободневных мировых проблем, известных многим странам и нередко имеющих исторические корни [8, с. 118]. В настоящее время усиление социальной мобильности, рост миграционных потоков и расширение межэтнического и межкультурного взаимодействия, происходящих на фоне изменения системы общественных ценностей, ведет к нарастанию нетерпимости и активизации радикальных, экстремистских настроений на религиозной почве, вызванных ощущениями социальной несправедливости и отчуждения. Эффективное противодействие этому возможно лишь при совместных усилиях государства и общества с привлечением традиционных религиозных конфессий [3, с. 74, 86]. При этом противодействие должно носить комплексный характер, предполагающий не только совершенствование действующего законодательства и государственной политики, направленной на улучшение межконфессиональных и межэтнических отношений, но и оптимизацию взаимодействия государства и религиозных объединений [8, с. 121].

Проблемы, связанные с историей государственно-конфессиональных отношений и свободы совести в России, находятся в центре внимание исследователей на протяжении длительного времени. В дореволюционной историографии преобладал церковно-исторический подход, характерный для трудов Н.М. Никольского, А.И. Клибанова, выявляющих институциональную роль православной церкви и принципы ее взаимодействии с государством [17; 12]. В советской историографии религию рассматривали в основном как пережиток прошлого, а политику государства – как стратегию создания атеистического общества [14; 23].

В современной отечественной науке сложилось несколько направлений изучения данной проблематики. В условиях дискуссионности вопросов о свободе совести, границах веротерпимости особый интерес вызывают публикации, раскрывающие проблемы соотношения понятий «свобода совести» и «свобода вероисповедания», а также определения границ их законодательного регулирования. Данная проблематика находится в центре внимания О.А. Иванюк [9].

Ряд исследователей посвятили свои работы изучению политики веротерпимости в дореволюционной России. А.П. Таламанюк, рас-

крывая особенности взаимоотношения московских князей с разными конфессиями в XIV-XVII вв., отмечает, что вероисповедная политика Российского государства носила избирательный характер, проявляя особый интерес к мусульманам и ограничивая католиков. Стремление государства придерживаться принципов веротерпимости способствовало предотвращению межнациональных и межрелигиозных конфликтов, укреплению единства и целостности страны, а также привлечению иностранных специалистов [25]. К.В. Петухов исследует эволюцию норм уголовного дореволюционного законодательства за нарушения свободы совести и вероисповеданий, что первоначально отражалось в церковном законодательстве, предусматривающем ответственность за преступления против веры, а в дальнейшем получило закрепление в Соборном Уложении 1649 г., в котором государство на первое место определило преступления против веры и церкви. Анализируя развитие уголовного законодательства России в XVIII-XIX вв., автор отмечает тенденцию к его ужесточению, а в условиях признания за православием статуса государственной религии исповедание иной религии уже считалось преступлением [20].

Другие ученые исследуют причины и сущность изменений религиозной политики в Российской империи, ее тенденцию к либерализации и влияние на дальнейшее утверждение свободы убеждений. Работа В.С. Хижняк и М.Н. Лядащевой-Ильичевой посвящена исследованию взаимодействия власти и церкви в условиях Российской империи. Авторы, анализируя религиозную политику, проводимую представителями династии Романовых через обращение к указам императоров, отмечают ее преемственность и относительно стабильный характер, ориентированный на поддержание целостности государства и недопущение межконфессиональных конфликтов. При этом Романовы, воспринимая РПЦ как идеологическую опору государства и укрепляя ее позиции, стремились сохранить контроль над ней [26]. М.А. Орлов, характеризуя в своей работе христианские государства Европы, отмечает превращение идеи веротерпимости в данных обществах в нетерпимость к иным исповеданиям. Анали-

зируя основы взаимоотношений государства и церкви, принципы веротерпимости по отношению к «инославным» и «иноверным», заложенные в Московском государстве и отраженные в идее «Третьего Рима», автор указывает, что именно это явилось обоснованием для верховной власти защищать чистоту веры, ограждая ее от чуждых воздействий. Все это получило продолжение в Российской империи, где веротерпимость, несмотря на ограниченный характер в силу господствующего положения православия, тем не менее имела тенденцию к расширению [19]. Л.Ю. Мхитарян анализирует предпосылки становления и формирования государственно-конфессиональных отношений и возможности реализации принципа веротерпимости в имперский период, особо выделяя вклад Екатерины II и Николая II. Автор раскрывает значение прошлого опыта и стремлений к установлению в России принципа свободы совести для реализации его в полном объеме в современной многонациональной России издавна являющейся православным государством [16]. С.А. Лукьянов в своей работе анализирует особенности политики веротерпимости при Александре I, которая в начальный период правления была достаточно либеральной, проявляясь в разнообразных нововведениях. Рассматривая религию как инструмент просвещения, власть смягчила отношение к конфессиям, исключив жесткие меры. Для проведения согласованной политики в отношении неправославного населения в 1810 г. было учреждено Главное Управление духовных дел иностранных исповеданий. В 1812 г. было образовано «Библейское общество», которое распространяло и издавало религиозные тексты. В 1817 г. было создано Министерство духовных дел и народного просвещения, призванное объединить религию и просвещение [15]. Исследование А.А. Дорской, отмечающее приоритет православной веры, сосредоточено на сравнительном анализе отношения власти к представителям христианских и нехристианских исповеданий [4].

Отдельные публикации раскрывают трансформацию конфессиональной политики на стыке эпох, когда происходит революционный переход на новый вектор развития. А.А. Дорская, рассматривая изменения отечественной политики веротерпимости, особенности

утверждения свободы совести, обращается к законодательству имперского и советского периодов, а также современной России, которое демонстрирует значительную трансформацию в понимании и реализации свободы совести, признание мировоззренческого выбора самим человеком, но с возможностью введения обоснованных ограничений в общих интересах для поддержания общественного порядка. Исследование государственно-церковных отношений в Российской империи при наличии государственной религии, позволили автору проследить изменения в трактовке свободы совести и ее воплощения на практике, а также выявить специфику законодательного определения свободы совести. Анализируя новую концепцию свободы совести, получившую отражение в советских конституциях, Дорская, отмечая их преемственность, указывает на тенденцию к конкретизации и отказу от религиозной пропаганды, закрепленной в Конституции РСФСР 1918 г., в пользу атеистической пропаганды по Конституции СССР 1977 г. [5]. Работа О.К. Шиманской посвящена теоретическим аспектам свободы совести и вероисповеданий, выявлению и характеристике основных мировых моделей, а также соотнесению их с отечественным историческим опытом. Автор рассматривает изменение принципа свободы совести, анализируя постановления Временного правительства, декреты Советской власти, законодательство современной России, которое заложило основы новой модели государственно-конфессиональных отношений [27].

Исследуя советскую эпоху, ученые обращают внимание на особенности существования религии и религиозных организаций в условиях жесткого давления административно-командной системы, анализируют комплекс инструментов государственного контроля и принуждения в духовной сфере. И.И. Кожевников, рассматривая особенности конструирования и совершенствование уголовного законодательства, связанного с преступлениями против свободы совести и вероисповедания, утверждает, что уголовное право, ориентированное на антирелигиозную стратегию, было направлено на противодействие религии, а не ее защиту [13]. С.М. Зинчук, анализируя характер взаимоотношений церкви и государства во время

хрущевских гонений, указывает на неэффективность официальной антицерковной политики и неудачу антирелигиозных кампаний, отмечая устойчивость церкви в условиях открытого давления и раскрывая причины провала данных мер [7]. Д.И. Сазонов, исследуя своеобразие брежневской эпохи, отличающейся отсутствием демонстративного, откровенного административного давления на религиозные организации, создающим общее представление кажущейся внешней «стабильности», подтверждает сохранение полного контроля над этой сферой и притеснение верующих, что объяснялось приверженностью прежней стратегии в отношении церкви, нацеленной на ее ликвидацию как пережитка [22].

Некоторые работы посвящены анализу взаимосвязей власти и конфессий на всем историческом пути. А.В. Новиков, исследуя поэтапную историю взаимоотношений власти и церкви, отмечает их особенности, меняющиеся в зависимости от характера власти, типа государства, политического режима, современной ситуации, которая требует формирования модели государственно-церковных отношений, основанной на партнерстве и сотрудничестве, способствующей сохранению традиционных духовных ценностей, формированию идентичности и позволяющей решать важные социальные задачи [18].

Особого внимания заслуживают исследования, создающие панорамный взгляд на государственно-конфессиональные связи и проблемы веротерпимости благодаря многоаспектному анализу. Е.М. Жукова, раскрывая историю становления и утверждения принципа веротерпимости на Руси, в России на основе социокультурного, философского и геополитического подходов, отмечает, что это был результат влияния территориального, географического и природно-климатического факторов, которые определили особую роль принципа веротерпимости в полиэтничном, поликонфессиональном обществе [6]. А.А. Саидов, используя цивилизационный подход, исследует влияние географического, евразийского расположения России на формирование многонационального, поликонфессионального государства, где важное значение традиционно придавалось принципам веротерпимости и лояльности. Особое внимание автор уделяет

эволюции взаимоотношений православия и ислама в доимперский период, строящихся на основе прагматизма, сотрудничества с мусульманскими элитами и диалога православной и мусульманской культур [23].

И.В. Гусаим, Д.В. Иванов в своих работах раскрывают причины распространения радикальных религиозных взглядов и роста правонарушений экстремистского характера. Определяя стратегию противостояния данным проявлениям, авторы подчеркивают роль религиозных объединений в профилактической работе и противодействии экстремизму [3; 8].

Однако, несмотря на разнообразие работ по данной тематике, историография отличается неполнотой.

Исследования имперского и советского периодов нередко проводятся изолированно, без выявления глубинной преемственности в подходах государства к регулированию религиозной сферы. Комплексное историко-правовое исследование, охватывающее эволюцию религиозной политики и трансформацию веротерпимости от Древнерусского государства до постсоветской России как единый процесс, отсутствует. Данная работа призвана восполнить этот пробел, предложив авторскую периодизацию и обосновав тезис о преемственности имперской и советской моделей управления религиозной сферой.

Новизна работы состоит в исследовании эволюции государственно-конфессиональных отношений в России, отличающейся циклическим характером, когда виток жесткой конфронтации сменялся временным смягчением курса. Выявляется глубинная преемственность между имперской и советской моделями религиозной политики: при видимой идеологической противоположности обнаружена общая сущностная черта - отношение к религии не как к частному делу гражданина, а как к объекту государственного регулирования. Обосновывается тезис о том, что периоды более гибкой конфессиональной политики и расширения веротерпимости (эпоха Екатерины II, события 1905 г., трансформация конца 1980-х гг.) совпадали с этапами активной модернизации, укрепления государства. Раскрывается специфика

российской модели веротерпимости как «иерархии конфессий», сложившейся к концу XVII в. и предполагавшей неравенство религий в правах и привилегиях.

Гипотеза исследования. Понятие «свобода совести» на протяжении большей части российской истории – как в имперский, так и в советский периоды – выступало не в качестве неотъемлемого права личности, а как управляемый государством ресурс, границы которого определялись политической целесообразностью. Несмотря на идеологическую противоположность самодержавной империи и атеистического Советского Союза, между ними существует глубинная преемственность, выражающаяся в недоверии к автономии личности в вопросах веры и в стремлении государства контролировать мировоззренческую сферу. При этом Крещение Руси представляло собой не только религиозный, но и фундаментальный геополитический и цивилизационный выбор, определивший вектор развития страны на столетия вперед и влияющий на него до сих пор.

Материалы и методы

Материалы исследования. Эмпирическую базу работы составили три группы источников. Первая группа – законодательные памятники Древней Руси и Московского царства: Устав князя Владимира, Соборное Уложение 1649 г. Вторая группа – нормативно-правовые акты Российской империи: Манифест Петра I 1702 г., Указы Петра III и Екатерины II, Свод законов Российской империи, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., Указ «Об укреплении начал веротерпимости» 1905 г. Третья группа – советские законодательные акты: Декрет СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» 1918 г., конституции РСФСР и СССР (1918, 1936, 1977 гг.), УК РСФСР 1922 и 1960 гг., Постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» 1929 г., а также законы СССР и РСФСР о свободе совести 1990 г. В работе были использованы труды отечественных исследователей по истории церкви и государственно-конфессиональным отношениям, а также данные социологических опросов ВЦИОМ.

Методология исследования основана на комплексе общенаучных и специально-юридических методов. Исторический метод позволил проследить эволюцию религиозной политики в хронологической последовательности. Сравнительно-исторический метод дал возможность сопоставить различные этапы (имперский, советский) для выявления сходств и различий в подходах государства к регулированию религиозной сферы. Системно-структурный метод применен для классификации конфессий по иерархическому принципу, разделяя религии на господствующую, терпимые и нетерпимые. С помощью сравнительно-правового метода был проведен анализ нормативных документов разных эпох для установления преемственности и изменений в правовом статусе религиозных организаций.

Исследование предусматривает привлечение терминов, позволяющих обнаружить логику и тенденции в развитии государственно-конфессиональных отношений в течение всего исторического пути и раскрыть их суть. Свобода совести предполагает не только свободу религиозных убеждений и исповедания любой религии, но и свободу не исповедовать никакой религии, то есть право на атеизм.

Вероисповедание подразумевает возможность придерживаться любой религии. Веротерпимость означает право на существование другой религии, терпимое отношение к иным верам. Тем самым, свобода вероисповедания, предусматривающая свободу выбора религии, исповедания веры, открыто демонстрируя свои взгляды и выполняя религиозные обряды, представляет лишь элемент свободы совести [9, с. 57].

Результаты и рассуждения

В ходе исследования были выделены и проанализированы ключевые этапы эволюции государственно-конфессиональных отношений, на каждом из которых подтверждается выдвинутая гипотеза о том, что религиозная сфера находилась под контролем государства.

Институционализация религиозной политики началась с Крещения Руси (988 г.), когда христианство восточного образца было провозглашено государственной религией. В условиях огромных

территорий и слабого развития экономических связей, язычество не могло обеспечить идеологическое единство полиэтничного государства. Все это заставляло князя Владимира ориентироваться на интеграционные возможности будущей религии, учитывая евразийское расположение Руси. Крещение стало не только сакральным, но и геополитическим, цивилизационным выбором, определившим вектор развития на столетия, обозначившим начало становления государственно-конфессиональных отношений.

Вместе с ним Русь восприняла и византийскую модель «симфонии властей», как модель сотрудничества и взаимной поддержки церковной и государственной властей, при условии идеологического господства православия, что идеально подходило для православных государств. Вместе с тем, «симфония властей» не являлась препятствием к веротерпимости, которая на разных этапах трактовалась и реализовывалась ситуативно.

Крещение Руси способствовало становлению церковного законодательства и института уголовной ответственности за преступления против религии. Особый статус православия начал закрепляться в Уставе князя Владимира, где устанавливались основы церковной власти и юрисдикции церковного суда за преступления против веры. При Ярославе Мудром данный процесс продолжился, проявившись в ужесточении церковной дисциплины. Все это указывало на утверждение общей стратегии укрепления христианства в русских землях [20, с. 134]. Фактическое утверждение единоверия шло медленно и неравномерно. Особенность формирования представлений о свободе совести состояла в длительном сохранении языческих славянских верований в народной культуре (двоеверие), которые, переплетаясь с христианской верой, серьезно влияли на различные сферы жизни общества, а в последствии - на понимание и оценку иноверцев [10, с. 47]. Между тем домонгольская Русь отличалась относительной веротерпимостью, что объяснялось влиянием разных факторов: язычеством с его многобожием, принятием христианства с его любовью к ближнему, веротерпимым отношением, милосердием, необходимостью развивать внутреннюю и внешнюю торговлю.

Монгольское завоевание Руси привело к укреплению веротерпимости, являющейся отличительной чертой политики Золотой Орды. «Великая Яса» Чингисхана предписывала уважать все верования, не отдавая предпочтение никакой религии, что давало возможность мирно сосуществовать традиционным монгольским языческим верованиям, христианству и исламу [23, с. 47-48]. Такая продуманная политика позволяла удерживать власть над покоренными народами многонационального государства, не провоцируя в нем религиозную вражду, обеспечивая стабильность и порядок. Благодаря этому Русская Церковь получала охранные ярлыки и освобождалась от дани, а духовенство – иммунитет от преследований за веру при условии благонадежности. Именно это заложило традицию терпимого отношения государства к лояльной церкви в обмен на политическую покорность. Московское государство усвоило подобный опыт. Тем более что исторические уроки известных империй доказывают укрепляющую, консолидирующую роль принципа веротерпимости и религиозного многообразия. Отказ от него грозит разрушительными последствиями [6, с. 34].

Постепенно мусульман, прибывающих в Московию, становилось все больше. Это потребовало выработать взвешенную политику веротерпимости, которая бы позволила включить иноверцев в общественное и религиозное пространство страны. Отношение московских князей к мусульманам было противоречивым. Охотно принимая их на военную службу в княжеское войско, продвижение в других сферах ограничивалось. Поддерживая православие, князья ущемляли права иноверцев на свободное исповедание ислама, запрещая строить мечети, проводить публичные богослужения. Наиболее показательным фактом выражения принципа веротерпимости в отношении мусульман является основание в середине XV в. Касимовского царства [25, с. 69]. Однако с присоединением к Московии Казанского, Астраханского, Сибирского ханств ситуация менялась, что было вызвано значительным притоком мусульман с этих территорий. Российское государство решило их интегрировать в общественную жизнь через христианизацию, ставшую основным ориентиром вероисповедной политики России с конца XVI в. Церковь призвана

была обратить в православие как можно больше иноверческого населения. Вместе с тем, по отношению к новым подданным Москва проводила довольно гибкую и прагматичную политику, предполагающую налаживание сотрудничества с мусульманскими элитами, но при условии их лояльности, чтобы не допустить сопротивление мусульман новым властям. В данной системе взаимоотношений проявлялась евразийская сущность российского государства [23, с. 50]. Между тем в отношении представителей католической веры, помня о борьбе с западными завоевателями - рыцарями-крестоносцами, сложился негативный курс, воспринимающий католический Запад в качестве врага [25, с. 70]. Данные изменения происходили при Иване IV, которому удалось не только укрепить монархию, но и свою личную власть, что сопровождалось усилением церковной централизации и утверждением приоритета государственной власти, взявшей на себя функции охраны «правой веры» и борьбы с еретическими учениями и вольномыслием.

Государственная власть, опирающаяся на православие, нуждалась в идеологическом фундаменте самодержавия в XV–XVI вв. Воплощением сращивания политической власти с религиозной стала концепция «Москва – третий Рим», ставшая идеологической основой для охраны «истинной веры». Все это привело к сужению веротерпимости, а принадлежность к Православной церкви стала признаком политической идентичности [20, с. 134].

Церковный раскол, спровоцированный реформами патриарха Никона, вызвал массовое движение против изменений в богослужении, за старую веру – старообрядчество. Идеология раскола во многом определялась протестом против господствующей церкви, значительно влиявшей на жизнь общества и претендующей на положение государства в государстве [12, с. 36]. Раскол продемонстрировал кризис «симфонии властей» и привел к установлению контроля над церковью со стороны царя, который взял в свои руки защиту «правой» веры. По отношению к старообрядцам применялись жесткие меры, их лишили права на свободу вероисповедания на долгое время [25, с. 71].

Для поддержания единства и стабильности в стране, укрепления власти и авторитета государя веротерпимость постепенно приобретала обязательный характер, что особенно было важно для присоединенных территорий. Политика веротерпимости, проводимая в новых землях, содействовала укреплению территориальной целостности и политической стабильности страны. Подобную стратегию в сочетании с прагматичным подходом государство проявляло в отношении иностранных подданных, принадлежащих к разным конфессиям и являющихся ценными специалистами [25, с. 71]. Однако в отношении старообрядцев и сектантов свобода вероисповедания отсутствовала.

Тем самым, политика веротерпимости в Московском государстве была противоречивой и избирательной. Полная свобода вероисповедания предоставлялась православию. Верующие неправославных конфессий, особенно старообрядцы и, отчасти, католики испытывали существенные ограничения, тогда как к протестантам власть относилась более лояльно. К концу XVII в. сложилась «иерархия конфессий» («конфессиональная изоляция») - неформальное деление религий на три группы (их неравенство в правах и привилегиях) по степени государственной терпимости к той или иной религии. Отсутствие юридического закрепления этого позволяло государству регулировать объем религиозной свободы исходя из политических интересов. К первой группе относилось православие, как господствующая религия с исключительным правом на свободу вероисповедания. Ко второй - терпимые конфессии (ислам, буддизм, иудаизм, лютеранство, по внешнеполитическим причинам – католицизм). Третья группа включала секты (прежде всего старообрядцы – раскольники), деятельность которых преследовалась. Политика веротерпимости здесь не действовала [25, с. 71-73]. Соборное Уложение 1649 г., как свод светских законов, закрепило верховенство государственной власти над церковной, признав православие господствующей религиозной идеологией [10, с. 70] и определило наказания за преступления против православной веры и церкви. Это означало законодательное закрепление неравенства конфессий и отсутствие

свободы совести и вероисповеданий, что стало правовой основой для реализации идеи нетерпимости государства к выступлениям против церкви [20, с. 134-135; 25, с. 70]. При этом терпимость к мусульманам и протестантам, как иностранным специалистам, объяснялась государственной целесообразностью и прагматическим подходом.

Таким образом, закрепление неравенства конфессий, ставшее важнейшим результатом данного этапа, способствовало утверждению модели, где веротерпимость носила избирательный и утилитарный характер.

Преобразования Петра I стали логическим продолжением тенденции к огосударствлению церкви, начатой еще в XVII в. Церковь уже в то время, по мнению Н.М. Никольского, в сфере управления и культа превратилась в один из московских приказов, что вынуждало даже патриарха мириться с контролем со стороны царя и боярской думы [17, с. 114]. К моменту проведения реформ Петра государственно-конфессиональные отношения нуждались в обновлении. С одной стороны, Петр стремился укрепить церковь, а с другой - лишить ее самостоятельности. Грандиозные новации царя привели к упразднению патриаршества и учреждению Святейшего Синода. Отказ Петра от византийского принципа симфонии властей привел к трансформации российской государственности, став отражением отечественного процесса секуляризации [11, с. 174]. Это превратило церковь в часть государственного аппарата, что означало завершение ее подчинения целям и задачам самодержавной власти. При этом Петр, нуждаясь в единой государственной идеологии, стремился упрочить ведущее положение православия.

Грандиозные новации Петра I выразились не только в подчинению церкви государству, но и допущению иноверцев к участию в модернизации страны из прагматичных соображений и экономических интересов. При Петре законодательно провозгласили свободу вероисповедания для иностранцев. Согласно Манифесту от 16 (27) апреля 1702 г. «О вызове иностранцев в Россию, с обещанием им свободы вероисповедания» в страну приглашались граждане западноевропейских стран, которые, наряду с правом свободного въезда

и выезда, получали в России право на свободное отправление богослужения [10, с. 47-48]. Это способствовало прорыву конфессиональной изоляции, сложившейся к концу XVII в. Были разрешены браки православных с иноверцами.

Следующий шаг на пути формирования веротерпимости был сделан в правление Петра III, в результате Указа о веротерпимости или о равенстве вероисповеданий от 29 января (9 февраля) 1762 г. Раскольникам, покинувшим страну, разрешалось вернуться в Россию и жить по своим обычаям. Раскольников, содержавшихся под караулом, следовало освободить. Запрещались гонения на инородцев на почве религиозных разногласий [5, с. 18].

Екатерина II продолжила данную политику, осуществив важные государственно-конфессиональные реформы. Провозглашенный Екатериной курс позволил иностранцам и лицам без гражданства и подданства обрести религиозную свободу. В соответствии с Указом 1773 г. «О терпимости всех вероисповеданий» право на существование получали все религии в стране. Отныне дозволялось возводить мечети, мусульманское духовенство получило льготы. Дела «иноверцев» переходили в юрисдикцию светских властей, что особенно важно было для мусульманского населения. Во многом это объяснялось необходимостью колонизации Поволжья, освоением новых земель и контролем над тюркскими народами для их включения в политико-правовое пространство страны. Тем самым, терпимость в правление Екатерины стала инструментом интеграции окраин. Прогрессивным стало создание общероссийской системы религиозного управления, что выразилось в учреждении должностей духовных лидеров католиков, мусульман, буддистов [16, с. 46]. При всех конструктивных шагах императрицы воплотить в жизнь идею свободы вероисповедания в условиях Российской империи, где власть опиралась на православие, доминирующее положение которого оставалось незыблемым, не представлялось возможным.

Первая половина XIX в. отличалась наличием противоречивых тенденций: консервативно-охранительного курса С.С. Уварова и назревшей необходимостью преобразований. В правлении Александра

I реализация веротерпимости отличалась неоднозначностью. В начале его политика носила либеральный характер, что проявилось в конструктивном восприятии религии как средства просвещения и нравственного ориентира, в послаблении в отношении конфессий, смягчении к «иноверцам», а также к тем, кто по неграмотности и невежеству могли ошибаться, не будучи закоренелыми преступниками. Именно на этом настаивал император в Указе от 27 ноября 1801 г., призывающий чиновников относится снисходительно к таким людям, стремясь не к строгости наказания, а к терпеливому разъяснению**.** Подобного отношения требовал и Рескрипт от 9 апреля 1801 г. (о расколе), обращенный к губернаторам и позволяющий духовенству наставлять и просвещать «заблуждающихся» без строгости и притеснения, но при условии поддержания порядка и сохранения контроля.

Учитывая степень веротерпимости в вероисповедной политике государства, которая во многом определялась личными взглядами Александра I, его эпоху современники считали «золотым веком русского раскола», поскольку к их представителям тогда относились наиболее терпимо. В стране процветали сектантство и мистицизм. В делах об иноверии отказались от применения карательных мер. Такой же подход был характерен и по отношению к «изуверским» сектам. Осуществлять единый курс в отношении неправославных жителей и проводить контроль в этом направлении было призвано Главное Управление духовных дел иностранных исповеданий, созданное в рамках МВД Манифестом от 25 июля 1810 г. В 1812 г. обер-прокурором Синода князем А.Н. Голицыным было образовано «Библейское общество», которое под покровительством Александра I занималось распространением и изданием священных текстов на разных языках, включая языки народов Российской империи. При этом высшие иерархи Православной церкви выражали общее недовольство руководством «Библейского общества», в котором им отводилась второстепенная роль. Другим нововведением Голицына стало учреждение в 1817 г. Министерства духовных дел и народного просвещения, которое отразило стремление власти объединить обра-

зование и религию, сделав ее основой системы просвещения. Православное духовенство отнеслось негативно к уравнению ведомства Православной церкви с ведомством других исповеданий, оценивая подобную взаимосвязь как ущемление ее позиций. В последствии в 1824 г. это министерство была упразднено [15, с. 300-301]. Во второй половине царствования Александра I произошло значительное сужение веротерпимости, что привело к ограничению «иноверцев», а православие, получив значительную поддержку, проводило широкую миссионерскую работу, усиливая свои позиции в государстве.

В правление Николая I веротерпимость носила ограниченный характер. Государство защищало господствующее положение православной церкви, что отразилось в формуле «Православие - Самодержавие - Народность», указывающей на религию, как инструмент укрепления единства империи и обеспечения политической стабильности. Несмотря на официальное признание различных вероисповеданий в Своде законов Российской империи и возможность свободного совершения религиозных обрядов, иноверцы испытывали серьезное давление в вопросах веры, доходящее до многочисленных преследований. Жесткое отношение к старообрядцам, временно отступившее, вновь возобновилось [4, с. 215]. По мере развития уголовного законодательства наказания за преступления против веры ужесточались. В соответствии с «Уложением о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г. за подобные преступления предусматривалась суровая кара. Особыми видами преступлений считались совращение из православия, распространение ересей и расколов. К виновным применялась система карательных мер. Все нормы устанавливали первенствующее положение православной церкви.

Александр II продолжил данный курс. Преданный православию, царь активно защищал церковь, одновременно укрепляя ее позиции в обществе и сохраняя господствующее положение государства над ней, устанавливая контроль над ней и используя для осуществления преобразований. Тем не менее для вероисповедной политики царя была характерна тенденция к расширению прав верующих и приходского духовенства. Смягчилось отношение к старообрядцам, благо-

даря утвержденным в 1864 г. Александром II Правилам. Гонения на часть из них прекратились, однако некоторые ограничения остались. Старообрядческие толки, лояльные к власти, могли проводить богослужения как в частных помещениях, так и в молитвенных зданиях, а также создавать свои школы и свободно перемещаться. Позже был издан Закон от 19 апреля 1874 г., содержащий правила записи браков, рождения и смерти старообрядцев в особые метрические книги, что позволяло считать их брак зарегистрированным государством, а их детей признавать законорожденными, благодаря чему семейные отношения этой категории населения были урегулированы. В перспективе император намеревался укрепить и расширить личные и гражданские права духовенства [26, с. 40], а в процессе реализации одной из буржуазных реформ предполагал провозгласить свободу совести, для чего специально разрабатывался Манифест, но гибель царя отложила это [5, с. 18].

Данный вопрос получил определенное разрешение только в начале XX в., при Николае II, когда революционная ситуация заставила власть обновить религиозную политику. Все указывало на кризис имперской модели отношения к церкви и свободе вероисповедания, сохранение которой могло спровоцировать рост напряженности. Несмотря на то, что имперская политика формировалась исходя из принципов государственной целесообразности, позволяющих «иноверцам» жить по своим обычаям, господствующее положение в государстве занимала православная церковь, в связи с чем иные вероисповедания оказывались в притесненном состоянии [4, с. 222].

Указ «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 (30) апреля 1905 г. стал первым, но ограниченным шагом к свободе совести, официально закрепив принцип веротерпимости. Подданные могли переходить из православия в христианские исповедания, что означало фактическое провозглашение свободы вероисповедания, не влекущее преследований и лишений гражданских прав. Указ, положительно отразившись на религиозной ситуации, не установил равенства всех вероисповеданий, сохранив приоритет православия. Тем не менее он вызвал смягчение уголовного законодательства, отказ от репрес-

сивных мер за отход от христианства, амнистию за преступления против веры [2, с. 49]. Были узаконены старообрядческие общины. Николай II, будучи по-настоящему верующим человеком, был примером благочестия, содействуя возведению храмов, жертвуя личные средства на их постройку, поддерживая миссионерскую деятельность. Он считал православие проводником государственной политики, полагая с помощью церкви справиться с волнениями и беспорядками, распространявшимися в обществе [26, с. 40-41]. Однако РПЦ в изменившихся условиях была не в состоянии эффективно осуществлять прежнюю роль. Ситуация осложнялась тем, что в российском обществе активизировалась пропаганда иных конфессий, которые могли соперничать с православием, что значительно уменьшало воздействие царской власти, базирующейся на православие. Исходя из этого власть стремилась не только поддержать дореформенные позиции церкви, но и укрепить их, что было возможно только сохранив православие в качестве господствующей религии. А это, в свою очередь, вызывало ограничение веротерпимости в интересах православной церкви, к которой относились и сами императоры, защищающие православную веру от чуждой пропаганды.

Такое покровительственное и вместе с тем отеческое отношение было связано с тенденциями патернализма, которые в той или иной степени присутствовали в отечественной исторической традиции и объяснялись ведущей ролью государства в жизни общества и каждого человека. Отеческая забота государства сочеталась с неизменным контролем за населением через регулирование всех сфер жизни. Примечательно, что власть, защищая православие и отстаивая интересы православной церкви, что приводило к ограничению иных вероисповеданий, тем не менее не допускала проявлений геноцида [19].

Между тем с законодательным закреплением церкви в начале XX в. сложилась парадоксальная ситуация. По Основным Законам Российской Империи православие обладало статусом господствующей религии, но документ, который был регулировал данное состояние, отсутствовал, при этом основные инославные и иноверческие вероисповедания располагали соответствующими уставами. Все это

ставило «главенствующее» православие в юридически бесправное и подчиненное государству положение. В сложившихся обстоятельствах даже Указу 1905 г., при всей его значимости, не удалось исправить ситуацию и уточнить юридические основания взаимоотношений империи и религий [2, с. 49].

До Февральской революции 1917 г., упразднившей самодержавие, православная церковь оставалась частью государственного аппарата. Временное правительство, отменив вероисповедные ограничения, учредило Министерство исповеданий. Но эти меры не успели закрепиться на практике. В постановлении «О свободе совести» от 14 июля 1917 г. под свободой совести, по-прежнему, понималась веротерпимость, признавалось внеисповедное состояние. Православная церковь сохраняла господствующее положение, как религия большинства населения страны [10, с. 49].

Советский период стал наиболее радикальным этапом трансформации. В отличие от имперской модели, основанной на принципе «господствующей церкви» с элементами ограниченной терпимости, советский проект с самого начала взял курс на вытеснение религии из публичной и частной сферы. Первые документы советской власти полностью изменили положение религии и религиозных организаций. Монастырские и церковные земли подлежали национализации. Регистрация актов гражданского состояния передавалась государственным органам.

Декрет СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января 1918 г. означал разрыв с традицией и попытку формирования нового человека. Религиозные организации лишались прав юридического лица и собственности. Советское государство, провозгласив свободу совести, закрепило ее в Конституции РСФСР 1918 г., когда она вошла в систему прав и демократических свобод. Церковь отделялась от государства, все прежние формы союза церкви и государства упразднялись. Школа отделялась от церкви, вводилась государственная система светского образования. Тем самым, Декрет 1918 г. провозгласил отделение церкви от государства, однако фактически привел к формированию системы государственного атеизма.

Следующим этапом стали 1920-е гг. При относительной религиозной активности в условиях НЭПа, когда действовали обновленческие группы, сложившиеся внутри православной церкви, происходило изъятие церковных ценностей, сопровождавшееся репрессиями против духовенства и формированием системы антирелигиозной пропаганды. Новая власть, не скрывая негативного отношения к религии, направляла на разрушение веры колоссальные пропагандистские усилия [24, с. 18], Конфликт коммунистической идеологии и религиозного мировоззрения отразился в нормах УК РСФСР 1922 г., в котором обнаруживается стремление не столько охранять веру от преступного посягательства, сколько оградить граждан, их мировоззрение от влияния религии [13, с. 78], что указывало на использование психологической и профилактической функций права.

В связи с этим представляется важным сопоставить нормы дореволюционного законодательства, закрепленного в Соборном уложении 1649 г. и советского права, отраженного в Декрете 1918 г. и УК РСФСР 1922 г., защищающих религиозную сферу, которые позволяют выявить резкую смену идеологических и государственных ориентиров. В Соборном уложении самыми тяжкими считались преступления против веры, содержащиеся в Главе 1. Если Уложение устанавливало смертную казнь за богохульство, понимаемое как словесное или иное действие, направленное против христианских святынь, то Декрет 1918 г. устанавливал уголовную ответственность не за веру, а за «воспрепятствование отправлению религиозных обрядов», то есть защищался не обряд, как сакральный акт, а право на обряд, право им пользоваться, гарантируя недопущение беспорядков или ущемления прав других. Тем самым менялся объект охраны: вместо защиты сакрального (религиозных догм, обрядов, устоев) – защита права гражданина на совершение обряда. Однако оба акта исходили из того, что государство как главный субъект, не признающий автономию личности, контролирует мировоззренческую сферу, определяя границы религиозной свободы. Позже данный подход получил продолжение в УК РСФСР 1922 г., в котором уголовная ответственность наступала не за саму веру или за про-

ведение обряда, а за воспрепятствование его отправлению - то есть за действия, нарушающие право на свободное (в установленных рамках) вероисповедание. Тем самым в условиях воинствующего атеизма фокус внимания смещался на публичность, чтобы не допускать использование религиозных предрассудков в враждебных целях. Если обряд нарушал общественный порядок или ущемлял права других людей, государство было вправе вмешаться. В качестве наказания определялось лишение свободы.

В конце 1920-х – 1930-е гг. жесткие методы административно-командной системы привели к тотальному наступлению на религию. Обвинение религиозных организаций в антисоветских действиях вызвало массовое закрытие храмов и молитвенных домов, репрессии против священнослужителей и религиозных активистов. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. свело деятельность религиозных организаций к удовлетворению потребностей верующих в молитвенных зданиях [10, с. 50]. Конституция 1936 г. признавала свободу отправления религиозных культов и свободу антирелигиозной пропаганды, но не религиозной, что существенно ограничивало свободу совести, исказив ее суть.

Во время Великой Отечественной войны (с 1943 г.) произошло изменение вероисповедной политики государства, что объяснялось ориентиром руководства страны на патриотизм для мобилизации народа. В сентябре 1943 г. состоялась встреча И.В. Сталина с церковными иерархами, позволившая начать православное возрождение и рассмотреть условия сосуществования церкви с действующей властью. Это способствовало восстановлению патриаршества, избранию нового Патриарха (Сергия Страгородского), восстановлению отдельных церковных структур. Советская власть, возглавляющая атеистическое государство, под давлением обстоятельств, кардинально поменяла откровенно враждебное отношение к церкви на терпимое. Нуждаясь в церкви, оно сделало религию политическим инструментом. Однако происходящие перемены строго контролировались: Сталин инициировал создание отдельного ведомства

- Совета по делам Русской Православной Церкви при СНК СССР. Логичным продолжением данного курса стали Постановления СНК СССР: от 11 декабря 1944 г., допускающее деятельность церквей на освобожденных от немецко-фашистских оккупантов территориях; от 22 августа 1945 г., давшее религиозным организациям ограниченное право юридического лица, что позволило им приобретать имущество, арендовать помещения, осуществлять строительство. В результате подобных перемен церковная жизнь оживилась: появлялись новые храмы и духовные учебные заведения, формировалась издательская основа патриархии. Тем не менее с 1948 г. обозначилась обратная тенденция, означавшая отход от прежнего курса «потепления», выразившаяся в приостановке возведения и открытия новых храмов, в усложнении процедуры регистрации для новых общин, в ужесточении контроля за деятельностью церкви и усилении административного прессинга на религиозные организации. Во много это было вызвано начавшейся холодной войной, расколовшей мир на два противоположных лагеря. В условиях идеологического давления Запада, религиозные организации, воспринимаемые как возможный инструмент чуждого влияния, руководство страны стремились контролировать, ограничивая их самостоятельность. Тем самым после войны руководство страны возвратилось к антирелигиозному курсу, но в меньшем масштабе, чем прежде. Несмотря на то, что социалистическая идеология предусматривала вытеснение религии, как «пережитка», препятствующего построению нового общества, но к полной ликвидации религиозных институтов и церкви государство не стремилось, полагая, что религия в процессе повышения образованности населения и распространения атеистического мировоззрения, исчезнет сама. Это побудило власть активизировать просветительскую деятельность, заниматься распространением научных знаний, проводить атеистические мероприятия в школе.

В 1953 г. в религиозной сфере наблюдалось определенное оживление, что проявилось в росте обращений верующих на открытие церквей, в стремлении многих храмов придерживаться регулярного графика проведения богослужений. Однако атеистическая, антире-

лигиозная работа была в кризисе, преобладающее значение имела культурно-просветительская пропаганда. В дальнейшем религиозные организации столкнулись с более агрессивными методами и возрастающими ограничениями. Церковь оказалась в трудной ситуации, верующие испытывали постоянное давление. Открытые на короткий период церкви, монастыри, духовные учреждения подлежали закрытию, отменялась регистрация религиозных сообществ, сужались экономические возможности религиозных организаций.

При Н.С. Хрущеве началось новое наступление на религию, в ходе которого идеологическое и экономическое давление на церковь усилилось. Этому были посвящены два Постановления Совета Министров СССР от 16 октября 1958 г.: «О монастырях в СССР», направленное на ограничение их существования и деятельности через уменьшение общего количества обителей и земельных угодий, находящихся в их пользовании, запрещение наемного труда, повышение налогов; «О налоговом обложении доходов предприятий епархиальных управлений, а также доходов монастырей», подрывающее финансовое и экономическое положение церкви, устанавливающее повышенные ставки налогов для земельных участков монастырей.

Во многом это было вызвано критическим отношением к сталинской эпохе и продиктовано задачей, провозглашенной в новой Программе партии - создать безрелигиозное общество [18]. Уменьшить влияние церкви рассчитывали через совершенствование законодательства. В октябре 1960 г. в Уголовном кодексе РСФСР было увеличено наказание за нарушение законов об отделении церкви от государства [7, с. 71-72]. Идеологическая поддержка антирелигиозной кампании проявилась в активной пропаганде «научного атеизма». Большое влияние на очередное ужесточение курса в отношении религии оказало секретное постановление ЦК КПСС «О недостатках научно-атеистической пропаганды» от 4 октября 1958 г., призывающее осуществить пропагандистскую атаку на «пережитки» прошлого. Все было направлено на то, чтобы сделать религию «частным делом», полностью исключив возможность ее существования в общественном пространстве.

Свободу совести воспринимали не столько как право не исповедовать религию, сколько как право вести атеистическую работу. По отношению к верующим, активно выражающим свои взгляды, использовались меры дискриминационного характера. С окончанием хрущевского периода антирелигиозная кампания стала сворачиваться, так и не достигнув поставленных целей – религия сохранялась в виде культурной и семейной традиции, включаясь в общий культурный код народа и жизнь каждой семьи.

При Л.С. Брежневе стратегическая цель искоренения религии как чуждой и опасной идеологии осталась неизменной. При этом власть была вынуждена отказаться от открытой борьбы, массовых репрессий и откровенной агрессивности. Антирелигиозная политика сосредоточилась на постепенном, методичном вытеснении веры из народного сознания через развертывание масштабной атеистической пропаганды. Серьезное внимание уделялось проведению индивидуальной работы с верующими, особенно с детьми и молодежью. испытывающими влияние набожной семьи. Контроль за церковной деятельностью власть осуществляла через уполномоченных Совета по делам религий [22, с. 46]. Между тем именно в этот период обозначился приток молодежи в церковь, которая стала проявлять активный интерес к духовным вопросам. Обращение к вере объяснялось любознательностью, душевным кризисом, стремление приобщиться к традиционным ценностям и культурному наследию.

Позитивный сдвиг наметился в 1975 г. в связи с внесением изменений в Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» 1929 г., которые раздвинули рамки существования религиозных организаций, улучшив имущественные права церкви. Смягчение давления было вызвано разрядкой мировой напряженности и подписанием Хельсинкского Соглашения по безопасности и сотрудничеству в Европе от 1 августа 1975 г., где был зафиксирован принцип уважения прав и свобод человека, среди которых значилась свобода мысли, совести, религии [10, с. 51].

В новой Конституции СССР 1977 г. ст. 52 гарантировала свободу совести в СССР при одновременном закреплении права на «ате-

истическую пропаганду», что обеспечивало институциональное превосходство государству и государственной идеологии. Статья, подтверждая принцип отделения церкви от государства и школы – от церкви, содержала новое важное положение о том, что возбуждение вражды, ненависти в связи с религиозными верованиями запрещается, что свидетельствовало об изменении отношения к верующим. Вместе с тем религиозные организации, как и прежде, не имели прав юридического лица и были ограничены в своей деятельности, сосредоточившись исключительно на отправлении культа. Советский вариант свободы совести, по утверждению О.К. Шиманской, в течение всего времени был далек от подлинной реализации, воплотив новую, неизвестную ранее, модель принуждения личности, навязывания ей мировоззренческой позиции, отрицая выбор в принципе. Все это делает государство светским, но обладающим явно атеистическим, антирелигиозным характером [27, с. 313].

Переломный этап, кардинально изменивший ситуацию, начался в середине 1980-х гг., когда атеистический характер государства стал меняться на светский, когда идеологическая сфера под влиянием перестроечных настроений и либерализации начала постепенно освобождаться от диктата атеизма. Государственно-церковные отношения изменялись, позволив снять ограничения на деятельность религиозных организаций. Церковь, обретая самостоятельность, повышала свою роль в жизни общества, которое по-новому стало смотреть на церковь, стремясь к всесторонней оценке ее вклада в отечественную историю и духовное наследие. Верующим возвращались здания, в поврежденных храмах проводилась реставрационные работы, строились сооружения для иных конфессий. [27, с. 313]. Возрождение церкви во многом стало возможным благодаря празднованию 1000-летия Крещения Руси в 1988 г. В 1990 г. был принят Закон СССР «О свободе совести и религиозных организациях», гарантировавший права граждан на определение и выражение своего отношения к религии, а затем Закон РСФСР «О свободе вероисповеданий», открывший путь к освобождению духовной сферы от государственного диктата и контроля, что благоприятно

отразилось на интересах верующих, предоставив каждому право выбора в отношении религии, а религиозным организациям создав нормальные условия для существования и деятельности.

Все это позволяет рассматривать эти законы как переломный момент в развитии государственно-конфессиональных отношений, который трансформировал правовую базу, возвращая конфессиям возможность влиять на духовную жизнь общества и активно участвовать в ней, раздвигая рамки свободы личности в вопросах веры. Религиозные объединения наконец обретали статус юридического лица, что значительно расширило их возможности. Им разрешалось основывать учебные заведения духовного характера для детей и взрослых, осуществлять образовательный процесс, проводить социальную и благотворительную работу. Отныне на законодательном уровне устанавливалось равенство всех конфессий, закреплялась свобода совести как свобода убеждений самого человека. Данные законы легли в основу постсоветской модели, в которой понимание свободы совести кардинально изменилось по сравнению с советским вариантом как инструментом идеологического контроля, сместившись в сторону права человека самому выбирать свои мировоззренческие ориентиры.

Принятие 12 декабря 1993 г. Конституции РФ обозначило процесс становления новой конфигурации государственно-церковных отношений, утвердившей модель светского государства, в котором никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом. Свобода совести занимает важное место в системе гражданских прав и свобод. Согласно ст. 28 граждане РФ равны в своих правах и свободах, независимо от отношения к религии. Последующий федеральный закон «О свободе совести и религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 г. подтвердил право каждого на свободу совести и свободу вероисповедания, равенство религиозных объединений, равенство перед законом, независимо от отношения к религии и убеждений. Исходя из светского характера государства, отмечается уважение по отношению ко всем религиям,

как части исторического наследия народов России, при этом признается особая роль православия в истории отечественной государственности, в становлении и развитии ее духовности и культуры.

В постсоветский период ориентир на либеральный курс в вопросах веры, отмена обязательной государственной регистрации, ослабление контроля спровоцировали оживление множества религиозных организаций, включая сектантские. Они представляли опасность для человека, общества, государства, обладая внушительными каналами и ресурсами воздействия на население. Привлекая людей в свои группы, установив тотальный контроль, преследуя корыстные цели и личную выгоду, они могли лишить человека способности критически мыслить, принимать самостоятельные решения, заставить отказаться от своей идентичности, семьи, детей, разорвать все профессиональные и социальные связи, что вызывает социальную напряженность и конфликты. Власть в советский и постсоветский периоды обладала разным арсеналом средств и методов противодействия данным явлениям, что объяснялось противоположными подходами. В советское время преобладал административно-репрессивный подход, характерный для всей антирелигиозной политики государства, не выделяющей борьбу с экстремизмом и деструктивными группами в отдельное направление, что выдвигало в центр внимания контроль и подавление, а не защиту граждан от угроз. Постсоветский этап характеризовался переходом от полной свободы к постепенному ужесточению регистрации для недавно созданных религиозных объединений, защите от реальных угроз, законодательному регулированию, профилактической деятельности, информационным и просветительским мероприятиям, привлечением РПЦ к этой работе. При этом уроки прошлого подтверждают, что запретительные меры способны привести к обратному результату, любое давление вызывает сопротивление, протестное движение, запуская защитный механизм, направленный на выживание, поиск обходных путей, не исключающий радикальные проявления. Запреты, принуждения, подавления в вопросах веры деструктивны, они не могут привести к ликвидации религии, как атеизм не может

заменить веру, которая человеку необходима больше, чем сама религия. Исходя из этого, преодолеть религиозный экстремизм возможно только комплексно, через совершенствование законодательства о свободе совести и его эффективную реализацию, формирование механизмов правового регулирования, не допускающих дискриминацию, поддержание содержательного диалога с традиционными конфессиями, религиозными организациями, а также устранение социального неравенства [3, с. 86].

Советская эпоха, обладающая идеологически противоположными чертами по сравнению с империей, подтверждает преемственность в главном: человеку было отказано в выборе своих убеждений, поскольку религия, будучи важным социальным феноменом, находилась в фокусе внимания власти, не являясь личным делом человека, и только государство было вправе устанавливать границы допустимой духовности и веры в бога. Но именно советский вариант религиозной политики, представляющий по сути антирелигиозную стратегию и, несмотря на все усилия, показавшую свою несостоятельность, подготовил почву для отхода от него в дальнейшем и восстановления подлинного осмысления свободы совести в постсоветской стране. Российский опыт доказывает, что пренебрежение правом на свободу совести или превращение его в политический инструмент порождает общественное недовольство и неустойчивость государства. Между тем, этапы расширения реальной религиозной терпимости, отличающие время правления Екатерины II, перемены 1905 г., изменения в конце 1980-х гг. соответствовали стадии преобразования и упрочения единства и целостности России.

Заключение

Исследование, обращенное к истории формирования государственно-конфессиональных связей в России в течение более чем тысячелетнего развития приводит к следующим выводам:

1. Представлена авторская периодизация, объединяющая этапы от принятия христианства на Руси и воплощения заимствованной в Византии «симфонии властей» до складывания «иерархии кон-

фессий» и последующих перемен, характеризующих имперский и советский форматы, которая сделала возможным обобщить и привести в систему многовековую эволюцию конфессиональной стратегии государства.

Основой авторской периодизации государственно-конфессиональных отношений в России, охватывающей этапы от Крещения Руси до постсоветской модели, является совокупность взаимосвязанные между собой критериев. Взятые в комплексе, они позволяет определить не только временные рамки, но и последовательность изменений конфигурации взаимоотношений государства и религиозных организаций.

Важнейшим критерием выступает формально-юридический, предполагающий исследование правовых источников и нормативных актов, относящихся к разным периодам (Древнерусское государство, Московия; Российская империя; советская эпоха). Переход к другому этапу можно обнаружить обращаясь к главному показателю - трансформации правового статуса религиозных организаций и свободы вероисповедания. Это помогает выяснить присутствие принципа веротерпимости и особенности его реализации, наличие одинакового правового статуса религиозных объединений, а также насколько независимо друг от друга существуют государство и церковь.

Другим важным критерием, исходя из разграничения понятий (свобода совести, свобода вероисповедания, веротерпимость), является содержательный, учитывающий наличие реальной свободы совести и веротерпимости, их объем. Значительная часть отечественной истории характеризовалась отсутствием у личности свободы совести и веротерпимостью, ограниченной государством. Непродолжительные стадии расширения веротерпимости (при Екатерине II, Николае II в 1905 г., в конце 1980-х гг.) неизбежно чередовались с фазами сужения веротерпимости и ужесточения. Формально в Российской империи была установлена веротерпимость, которая отражала особый подход государства к религии, идущего на определенные уступки и допускающего многообразие, но исключающего правовое равенство и самостоятельность взглядов, что возможно только в рамках свободы совести. В

СССР вместо провозглашенной свободы совести утвердилась свобода антирелигиозной пропаганды. Путь к свободе совести как возможности мировоззренческого самоопределения и свободы убеждений (религиозных или атеистических) был открыт благодаря законам 1990 г.

К значимым критериям относится институциональный, отражающий модель взаимоотношений государства и церкви, которая менялась от этапа к этапу (вначале «симфония властей», затем «иерархия конфессий», в последствии Синодальная модель с подчинением церкви государству, в дальнейшем утверждение атеистической модели, направленной на вытеснение религии и наконец – модель светского государства, закрепившая автономию личности и равенство конфессий). Положение церкви менялось от равноправного сотрудничества и взаимодействия с властью до подчиненного государству института, а затем полного отделения от государства.

Существенным является критерий конфессиональной иерархии и правового статуса иноверцев, тем более, что в России сложилась своеобразная модель веротерпимости, отразившаяся в «иерархии конфессий», предусматривающей неравенство религий. При этом на разных этапах православие занимало главенствующее положение. Имелись терпимые конфессии, допуск которых объяснялся прагматизмом власти, государственными или внешнеполитическими интересами. Существовали и нетерпимые группы, которые большей частью преследовались. Законодательное закрепление это получило в Соборном Уложении 1649 г. Указ 1905 г. стал проявлением частичной либерализации, попыткой установить равенство конфессий, однако важнейшие привилегии православия были сохранены. Советская эпоха вместо иерархии предложила атеистический проект, основанный на господстве социалистической идеологии, неприятии и вытеснении религии, как пережитка, но даже в этих условиях государство стремилось контролировать и регламентировать религиозную жизнь и объем религиозной свободы.

Учитывая важность прав и свобод человека, ключевым критерием выступает аксиологический. Он выявляет отношение к автономии личности в вопросах веры, когда государство признает или отрицает

свободу человека в выборе взглядов и убеждений. Исходя из этого, и в имперский, и в советский периоды личности отказывалось в праве на самостоятельный выбор, на свободу совести. Государство брало на себя управление и контроль мировоззренческой сферы, считало вправе устанавливать границы религиозности и веротерпимости. В постсоветское время, благодаря законам 1990 г., наступил переломный момент, ознаменовавший признание самостоятельного выбора убеждений за самим человеком, свободы совести как индивидуального неотъемлемого права личности. Именно данный критерий объединяет имперскую и советскую модели.

Одним из критериев является целевой, который позволяет охарактеризовать религиозную политику в России и веротерпимость как избирательную, утилитарную, зависящую от государственной целесообразности и прагматизма. Этот критерий помогает определить периоды, когда расширение веротерпимости приводило к конструктивным результатам, способствовало: привлечению иностранных специалистов к участию в модернизации в правлении Петра I, Екатерины II; интеграции окраин и предупреждению межрелигиозных столкновений; укреплению единства и целостности страны; патриотической мобилизации в годы Великой Отечественной войны. Тем самым власть воспринимает религию в качестве ресурса для решения важных государственных задач.

К существенным критериям относится идеологический критерий, учитывающий смену господствующей идеологии. В Российской империи православие, будучи государственной религией, являлось идеологической опорой самодержавия; в СССР атеизм, как часть государственной идеологии, был призван вытеснить религию из всех сфер; постсоветский период отличался светской моделью и мировоззренческим плюрализмом. При этом смена идеологического вектора не исключала государственный контроль над религиозной сферой, который продолжался до принятия законов 1990 г.

2. Введение христианства на Руси не только обусловило долговременную траекторию изменений государственно-конфессиональных взаимосвязей, но и обрело значение основополагающего

цивилизационного и политико-географического ориентира, а также мощного интеграционного фактора в условиях огромной территории, раскинувшейся на евразийских пространствах.

3. Религиозная терпимость в России на протяжении всей истории была относительной, связанной с государственной целесообразностью. Власть использовала веротерпимость избирательно, ситуативно, в зависимости от изменившихся обстоятельств в условиях расширения территорий, утилитарно, исходя из конкретных государственных задач, требующих прагматичного подхода. Веротерпимость, характерная для Древнерусского государства, укрепилась во время татаро-монгольского владычества, к концу XVII в. она воплотилась в «иерархию конфессий» - упорядоченную систему распределения религий по статусу, которую определяло и закрепляло государство. Наибольшим объемом прав и привилегий обладало православие, находившееся на вершине данной иерархии в силу своего первенствующего положения. Несмотря на статус господствующей религии, правовые основы государственно-церковных отношений уточнены и тем более документально закреплены не были, что обрекало ее на реальную подчиненность государству, которое позволяло определять границы и объем религиозной свободы по своему усмотрению.

4. Имперский вариант религиозной политики отличалась противоречивостью: с одной стороны, веротерпимость имела тенденцию к постепенному расширению, с другой – православие, будучи господствующей религией, укрепляло свои позиции. Указ 1905 г. ознаменовал лишь начало движения к свободе совести, не предоставив ее в полном объеме: юридически было разрешено переходить из православия в другое христианское исповедание без последствий, однако конфессии уравнены не были в связи с особым статусом православной церкви. При этом юридически в Российской империи была закреплена не свобода совести, а веротерпимость как возможность исповедовать религию, отличную от господствующей, но с множеством оговорок и в четко определенных, порой предвзятых, рамках.

5. Советский период, будучи наиболее решительным и кардинальным во всем, означающим полный отказ от прошлого, при-

держивался главной особенности: религию государственная власть держала в центре внимания, считая сферой своей ответственности, которой следует управлять и регулировать. Декрет 1918 г. закрепив отделение церкви от государства, обозначил отправную точку в построении безрелигиозного общества и атеистического государства. И даже в рамках кратковременного смягчения курса в отношении церкви (1943 г., 1970-е гг.) государство не прекращало ее контролировать. Советский вариант государственно-конфессиональных отношений, представляя абсолютную идейную противоположность имперской альтернативе, выявил схожий подход: государство, не оставляя человеку выбора, само указывало границы приемлемой религиозности, набожности, руководствуясь своими интересами.

6. Несмотря на идейную несовместимость и антагонизм имперского и советского примеров, установлена глубокая преемственность между ними, состоящая в отрицании автономии личности и ее права на свободный выбор убеждений, веры или безверия, в осознании мировоззрения и духовной сферы как средства социального управления и регулирования. Тем самым, при всем антагонизме двух идеологически противоположных систем, их объединял подход к мировоззрению как к инструменту. И в дореволюционной России, опирающейся на православие, и в СССР, стремящемся построить атеистическое государство, власть не считала религию пространством свободы, рассматривая ее в качестве ресурса для достижения поставленных государством целей, лишая тем самым человека свободы в вопросах веры и убеждений. Различие состояло в контрастах идеологий и мировоззренческих основ, с одной стороны религиозной Империи, поддерживающей православную церковь, а с другой - атеистического Советского Союза, нацеленного на вытеснение и ликвидацию религии.

7. Представленная периодизация показывает, что стадия, отличающаяся развитием религиозной терпимости, соответствует времени проведения масштабных трансформаций и упрочения единства и целостности страны. Политика Екатерины II стимулировала расширение и освоение новых территорий; преобразования 1905 г. по-

низили уровень напряжение в обществе; уменьшение ограничений конца 1980-х гг. и введение законов 1990 г. открыли возможность для поиска новой стратегии отношений к конфессиям. Между тем фаза усиления антирелигиозной политики вызывает рост общественного недовольства.

8. Введение законодательства о свободе совести в 1990 г. стало переломным моментом, точкой отсчета начавшегося процесса трансформации от модели управления и контроля к признанию автономии личности и свободы выбора убеждений. Благодаря возвращению религиозным объединениям статуса юридического лица они получили возможность создавать духовные образовательные заведения, заниматься социальной и культурно-просветительской деятельностью. Значительным достижением стало закрепление равноправия всех конфессий перед законом. Законы 1990 г. послужили правовым фундаментом для конструирования постсоветской модели государственно-конфессиональных отношений, которая утверждается несмотря на глубоко укоренившуюся многовековую практику государственного контроля.

Таким образом, выполненное исследование подкрепило гипотезу о том, что в течение всего исторического процесса вопросы веры находились в центре внимания государства, которое, отрицая автономию личности, само устанавливало пределы религиозности, веротерпимости. Отечественный опыт подтверждает, что отказ личности в праве выбора своих убеждений, веры или использование мировоззренческой сферы и религии как средства управления закономерно вызывает напряженность и дисбаланс в обществе, а противоположный курс, направленный на расширение религиозной терпимости и поликонфессиональности, благоприятно влияет на общество и государство. В условиях новых вызовов и рисков, вызванных давлением Запада, опасными проявлениями религиозного экстремизма, разрушительными действиями деструктивных культов следует опираться на весь накопленный опыт. В России, изначально складывающейся как полиэтничная и поликонфессиональная цивилизация, особенно востребована модель отношений государства и

конфессий, основанная на диалоге, взаимодействии и сотрудничестве, обеспечивающая равные условия для верующих и неверующих граждан, не допускающая межрелигиозных разногласий [27, с. 314], что возможно при соблюдении светского характера государства и свободы совести.

В качестве новых направлений последующего анализа можно выделить: Реализация на практике принципа равенства конфессий в современной России с учетом внесений изменений в Конституцию РФ на примере отношения государства с «традиционными» и «нетрадиционными» религиями. Реализация права на свободу совести в постсоветской России. Роль религии в формировании национальной и гражданской идентичности.

Список литературы

1. ВЦИОМ: более 80% россиян считают себя верующими (2025). Редакция сайта ТАСС. URL: https://tass.ru/obschestvo/24601365
2. Гавриленков, А. Ф. (2015). К вопросу о религиозной ситуации в Российской империи в 1903–1917 гг. *Теологический вестник Смоленской Православной Духовной Семинарии, 1*(1), 48–54. EDN: https://elibrary.ru/YJAXDP
3. Гусаим, И. В. (2025). Этнорелигиозный экстремизм как угроза государственной и общественной безопасности. *Закон и право, 9*, 74–88. DOI: https://doi.org/10.24412/2073-3313-2025-9-74-88. EDN: https://elibrary.ru/GMVXNY
4. Дорская, А. А. (2002). Правовой статус подданного российской империи в начале XX века: вероисповедный аспект. *Известия РГПУ им. А. И. Герцена, 2*, 215–223. EDN: https://elibrary.ru/KXNOIB
5. Дорская, А. А. (2016). Российская конституционно-правовая традиция регулирования свободы совести. *Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки», 1*(21), 17–24. EDN: https://elibrary.ru/VQSYYL
6. Жукова, Е. М. (2024). Реализация принципа веротерпимости в Российском государстве: прошлое и настоящее (геосоциальный подход). *Философская мысль, 8*, 31–52. DOI: https://doi.org/10.25136/2409-8728.2024.8.71301. EDN: https://elibrary.ru/LGHVXK
7. Зинчук, С. М. (2019). Хрущевская антирелигиозная кампания 1954–1964 гг.: практическая реализация и результаты. *Вестник КГУ, 1*, 71–75.
8. Иванов, Д. В. (2022). Мониторинг правонарушений экстремистской направленности, совершаемых на основе радикальной религиозной идеологии, и противодействие им. *Сетевое издание «Академическая мысль», 2*(19), 118–122.

9. Иванюк, О. А. (2010). Свобода совести и свобода вероисповедания: соотношение понятий и границы законодательного регулирования. *Журнал российского права, 9*, 46–58. EDN: https://elibrary.ru/NDLYEJ
10. Исмаилов, А. Ш. (2010). Свобода совести в истории России. *Исламоведение, 3*(5), 47–59. EDN: https://elibrary.ru/NCDFBP
11. Карева, А. В. (2026). Тенденции секуляризации в условиях глобализации и современных вызовов. В *Аланское православие: история и культура: сборник материалов XIV международных Свято-Георгиевских чтений «Православие. Этнос. Культура»* (с. 169–183). Владикавказ: ВНЦ РАН.
12. Клибанов, А. И. (1965). *История религиозного сектантства в России (60-е годы XIX в. — 1917 г.)* (348 с.). Москва: Изд-во «Наука».
13. Кожевников, И. И. (2022). Свобода совести и вероисповедания в советский период истории России. *Аграрное и земельное право, 9*(213), 77–79. DOI: https://doi.org/10.47643/1815-1329_2022_9_77. EDN: https://elibrary.ru/YGVBLA
14. Куроедов, В. А. (1981). *Религия и церковь в Советском государстве* (264 с.). Москва: Политиздат.
15. Лукьянов, С. А. (2009). Либеральная вероисповедная политика правительства Александра I и ее результаты. *Пробелы в российском законодательстве, 1*, 300–302. EDN: https://elibrary.ru/KOHLUH
16. Мхитарян, Л. Ю. (2023). Влияние дореволюционного российского опыта на формирование принципа религиозной толерантности в современном обществе. *Вестник Прикамского социального института, 2*, 44–50. EDN: https://elibrary.ru/INCBMC
17. Никольский, Н. М. (1983). *История русской церкви* (453 с.). Москва: Политиздат.
18. Новиков, А. В. (2016). Политическая история отношений государственной власти и Русской православной церкви. *Молодой ученый, 8*(112), 793–797. URL: https://moluch.ru/archive/112/28369. EDN: https://elibrary.ru/VWGDED
19. Орлов, М. А. (2022). Веротерпимость и свобода совести в Российской империи. Дискуссии нет конца... *Русская народная линия: информационно-аналитическая служба*. URL: https://ruskline.ru/author/o/orlov_maksim_aleksandrovich
20. Петухов, К. В. (2015). Свобода совести и вероисповеданий в дореволюционном законодательстве России: уголовно-правовой аспект. *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета, 11*, 133–137. EDN: https://elibrary.ru/VIDOHL
21. Религия и общество: мониторинг (2023). ВЦИОМ НОВОСТИ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring
22. Сазонов, Д. И. (2015). Брежневские гонения на церковь (по материалам Центральной России). *Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова, 6*, 46–50. EDN: https://elibrary.ru/SYCQWT

23. Саидов, А. А. (2021). Исламский фактор российской государственности в доимперский период. *Исламоведение, 12*(1), 41–54. DOI: https://doi.org/10.21779/2077-8155-2021-12-1-41-54. EDN: https://elibrary.ru/MUWJRD
24. Смыкалин, А. С. (2016). Государственно-конфессиональные отношения в СССР. 1917–1930 гг. *Российское право. Образование, практика, наука, 5*(95), 17–23. EDN: https://elibrary.ru/XHWLFV
25. Таламонюк, А. П. (2023). Некоторые аспекты политики веротерпимости в русском государстве в XIV–XVII вв. *Вестник Омской православной духовной семинарии, 1*(14), 68–74. EDN: https://elibrary.ru/MCRXOW
26. Хижняк, В. С., Лядащева-Ильичева, М. Н. (2022). Государственная политика по вопросам церкви и вероисповедания в России середины XVII — начала XX веков. *Вестник Саратовской государственной юридической академии, 3*(146), 34–42. DOI: https://doi.org/10.24412/2227-7315-2022-3-34-42. EDN: https://elibrary.ru/DCYQPO
27. Шиманская, О. К. (2001). Свобода совести в России: история, генезис, современное состояние. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Право, 1*, 308–314.

References

1. VCIOM: More than 80% of Russians consider themselves believers (2025). TASS News Agency Editorial Board. URL: https://tass.ru/obschestvo/24601365
2. Gavrilenkov, A. F. (2015). On the question of the religious situation in the Russian Empire in 1903–1917. *Theological Bulletin of the Smolensk Orthodox Theological Seminary, 1*(1), 48–54. EDN: https://elibrary.ru/YJAXDP
3. Gusaim, I. V. (2025). Ethnoreligious extremism as a threat to state and public security. *Law and Order, 9*, 74–88. DOI: https://doi.org/10.24412/2073-3313-2025-9-74-88. EDN: https://elibrary.ru/GMVXNY
4. Dorskaya, A. A. (2002). The legal status of a subject of the Russian Empire at the beginning of the 20th century: The religious aspect. *Izvestia of the Herzen State Pedagogical University of Russia, 2*, 215–223. EDN: https://elibrary.ru/KXNOIB
5. Dorskaya, A. A. (2016). The Russian constitutional and legal tradition of regulating freedom of conscience. *Vestnik of Moscow City University. Series: Juridical Sciences, 1*(21), 17–24. EDN: https://elibrary.ru/VQSYYL
6. Zhukova, E. M. (2024). Implementation of the principle of religious toleration in the Russian state: Past and present (a geosocial approach). *Philosophical Thought, 8*, 31–52. DOI: https://doi.org/10.25136/2409-8728.2024.8.71301. EDN: https://elibrary.ru/LGHVXK
7. Zinchuk, S. M. (2019). The Khrushchev anti-religious campaign of 1954–1964: Practical implementation and results. *Bulletin of Kostroma State University, 1*, 71–75.

8. Ivanov, D. V. (2022). Monitoring extremist-motivated offenses committed on the basis of radical religious ideology and countering them. *Academic Thought* (online journal), 2(19), 118–122.
9. Ivanyuk, O. A. (2010). Freedom of conscience and freedom of religion: The relationship between the concepts and the limits of legislative regulation. *Journal of Russian Law, 9*, 46–58. EDN: https://elibrary.ru/NDLYEJ
10. Ismailov, A. Sh. (2010). Freedom of conscience in the history of Russia. *Islamology, 3*(5), 47–59. EDN: https://elibrary.ru/NCDFBP
11. Kareva, A. V. (2026). Trends of secularization in the context of globalization and contemporary challenges. In *Alanian Orthodoxy: History and culture: Proceedings of the 14th international St. George Readings "Orthodoxy. Ethnos. Culture»* (pp. 169–183). Vladikavkaz: VSC RAS.
12. Klibanov, A. I. (1965). *History of religious sectarianism in Russia (1860s–1917)* (348 pp.). Moscow: Nauka Publishing House.
13. Kozhevnikov, I. I. (2022). Freedom of conscience and religion in the Soviet period of Russian history. *Agrarian and Land Law, 9*(213), 77–79. DOI: https://doi.org/10.47643/1815-1329_2022_9_77. EDN: https://elibrary.ru/YGVBLA
14. Kuroedov, V. A. (1981). *Religion and the Church in the Soviet State* (264 pp.). Moscow: Politizdat.
15. Lukyanov, S. A. (2009). The liberal religious policy of Alexander I's government and its results. *Gaps in Russian Legislation, 1*, 300–302. EDN: https://elibrary.ru/KOHLUH
16. Mkhitaryan, L. Yu. (2023). The influence of the pre-revolutionary Russian experience on the formation of the principle of religious tolerance in modern society. *Bulletin of the Prikamsky Social Institute, 2*, 44–50. EDN: https://elibrary.ru/INCBMC
17. Nikolsky, N. M. (1983). *History of the Russian Church* (453 pp.). Moscow: Politizdat.
18. Novikov, A. V. (2016). The political history of relations between state power and the Russian Orthodox Church. *Young Scientist, 8*(112), 793–797. URL: https://moluch.ru/archive/112/28369. EDN: https://elibrary.ru/VWGDED
19. Orlov, M. A. (2022). Religious toleration and freedom of conscience in the Russian Empire: The debates never end... *Russkaya Narodnaya Liniya* (Russian National Line), information and analytical service. URL: https://ruskline.ru/author/o/orlov_maksim_aleksandrovich
20. Petukhov, K. V. (2015). Freedom of conscience and religion in pre-revolutionary Russian legislation: The criminal law aspect. *Bulletin of Vyatka State Humanities University, 11*, 133–137. EDN: https://elibrary.ru/VIDOHL
21. Religion and society: Monitoring (2023). VCIOM News. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring
22. Sazonov, D. I. (2015). The Brezhnev persecution of the Church (based on materials from Central Russia). *Vestnik Kostroma State University, 6*, 46–50. EDN: https://elibrary.ru/SYCQWT

23. Saidov, A. A. (2021). The Islamic factor of Russian statehood in the pre-imperial period. *Islamology, 12*(1), 41–54. DOI: https://doi.org/10.21779/2077-8155-2021-12-1-41-54. EDN: https://elibrary.ru/MUWJRD
24. Smykalin, A. S. (2016). State–confessional relations in the USSR, 1917–1930. *Russian Law: Education, Practice, Science, 5*(95), 17–23. EDN: https://elibrary.ru/XHWLFV
25. Talamonyuk, A. P. (2023). Some aspects of the policy of religious toleration in the Russian state in the 14th–17th centuries. *Bulletin of the Omsk Orthodox Theological Seminary, 1*(14), 68–74. EDN: https://elibrary.ru/MCRXOW
26. Khizhnyak, V. S., & Lyadashcheva-Ilyicheva, M. N. (2022). State policy on church and religious matters in Russia from the mid-17th to the early 20th centuries. *Bulletin of the Saratov State Law Academy, 3*(146), 34–42. DOI: https://doi.org/10.24412/2227-7315-2022-3-34-42. EDN: https://elibrary.ru/DCYQPO
27. Shimanskaya, O. K. (2001). Freedom of conscience in Russia: History, genesis, and current state. *Bulletin of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Series: Law, 1*, 308–314.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Карева Алла Викторовна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории права и публично-правовых дисциплин, юридический институт
Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина
ул. Семинарская, 15, г. Рязань, Рязанская область, 390000, Российская Федерация
nadegdaavk@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Alla V. Kareva, PhD in History, Associate Professor, Associate Professor, Department of Legal Theory and Public Law Disciplines, Law Institute
Ryazan State University named after S.A. Yesenin
15, Seminarskaya Str., Ryazan, Ryazan Region, 390000, Russian Federation
nadegdaavk@yandex.ru
SPIN-code: 1927-2139
ORCID: https://orcid.org/0009-0001-0482-8302

Поступила 13.08.2026
После рецензирования 17.09.2026
Принята 20.09.2026

Received 13.08.2026
Revised 17.09.2026
Accepted 20.09.2026

Частно-правовые науки / Private Law Sciences

Научная статья
Original article
DOI: 10.12731/2576-9634-2026-10-3-285
EDN: RNBPUR
УДК 32.019.5

Постулирование политической идентичности в качестве механизма укрепления социальной справедливости

Е.С. Алехина
Донской государственный технический университет,
Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. Данная статья посвящена вопросам политической и социальной идентичности, связанной с политической практикой государства и его идеологией в противовес другим групповым идентичностям. Не смотря на фундаментальную значимость отождествления индивида с определенной группой, в условиях глобализации и международной борьбы за власть нерешенным остается вопрос о том, приводят ли подобные установки к укреплению социальной справедливости или дезорганизовывают ее. В этой связи предметом исследования является методология реализация принципов политической идентичности в качестве аксиологических основ укрепления социальной справедливости.

Цель. Целью исследования является изучение стратегий достижения политической идентичности, позволяющих систематизировать социальные явления и организационные механизмы, которые способны реализовать общественно значимый потенциал для достижения социальной, правовой и управленческой объективности.

Методология проведения работы. Методологическая база исследования включает в себя аналитические и организационные подходы, психологический и социально-конструкционистский подходы к описанию понятия идентичности, принцип политического конструирования социальных идентичностей, а также компаративистский метод измерения содержательных принципов выстраивания политической идентичности.

Результаты. Проблемы отождествления политической идентичности с идеологией доминирования власти могут быть разрешены посредством утверждения парадоксальной природы идентичности в качестве фундамента национальной

индивидуализации, что делает социальную жизнь группы осмысленной, структурированной и аутентичной. Равновесие и социальная справедливость в таком обществе достигается поддержанием прав и свобод граждан, сохранением культурных ценностей и традиций, а также воспитанием общенационального стремления к эффективной социальной, политической и экономической деятельности.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в сфере социально-политического проектирования практических программ и инициатив социально-политической идентичности.

Ключевые слова: политическая идентичность; социальная справедливость; групповая консолидация; социокультурные ценности; этническая идентичность; глобализация; зашита прав меньшинств; политическая идеология

Для цитирования. Алехина, Е. С. (2026). Постулирование политической идентичности в качестве механизма укрепления социальной справедливости. *Russian Studies in Law and Politics / Российские исследования. Право и политика*, *10*(3), 79-99. https://doi.org/10.12731/2576-9634-2026-10-3-285

Postulating political identity as a mechanism to promote social justice

E.S. Alekhina
Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract

Background. This article is devoted to issues of political and social identity related to the political practice of the state and its ideology opposed to other group identities. Despite the fundamental importance of the identification of an individual with a certain group, in the context of globalization and the international struggle for power one question remains unresolved whether such attitudes lead to the strengthening of social justice or disorganize it. In this regard the subject of the research is the methodology for implementing the principles of political identity as axiological foundations for strengthening social justice.

Purpose. The purpose of the research is to analyze strategies for achieving political identity, which make it possible to systematize social phenomena and organizational mechanisms that are able to put into practice socially significant potential for achieving social, legal and managerial objectivity.

Methodology. The methodological base of the study includes analytical and organizational approaches, psychological and socio-constructionist approaches to describing the concept of identity, the principle of political construction of social identities, as well as a comparative method for measuring meaningful principles of building political identity.

Results. The problems of associating political identity with power dominance ideology can be resolved through asserting the paradoxical nature of identity as the foundation of national individualization making the social life of the group meaningful, structured, and authentic. Balance and social justice in such society can be achieved by maintaining the rights and freedoms of citizens, preserving cultural values and traditions, as well as fostering a nationwide desire for effective social, political and economic activities.

Practical implications. The results of the study can be applied in the sphere of socio-political design of practical programs and initiatives of socio-political identity.

Keywords: political identity; social justice; group consolidation; sociocultural values; ethnic identity; globalization; protection of minority rights; political ideology

For citation. Alekhina, E. S. (2026). Postulating political identity as a mechanism to promote social justice. *Russian Studies in Law and Politics*, *10*(3), 79-99. https://doi.org/10.12731/2576-9634-2026-10-3-285

Введение

Вопросы политической идентичности нередко связывают с процессом социализации (символический интеракционизм (Blumer) [14], социальное конструирование реальности (Berger, Luckmann) [13], структурный функционализм (Parsons) [22]) в качестве групповой консолидации индивидов и сообществ, стремящихся к эгалитаризму.

Первоначально зародившаяся на Западе политика идентичности поддерживала идеи систематизации социально-политических реформ, направленных на содействие незащищенным социальным группам и меньшинствам [5, с. 7]. Среди актуальных задач политической идентичности, отмечаемых в *обзоре литературы*, сохранились тенденции к формированию устойчивых моделей человеческого поведения, форм коллективного взаимодействия, которые позволяют интегрировать личность в общество [4, с. 186] в качестве равноправного члена государства и нации.

На сегодня концепцию политической идентичности связывают с «широким спектром феноменов, обозначающих субъективно переживаемую принадлежность людей к каким-либо политическим сообществам» [7, с. 82]. Самоотождествление индивида с социальной группой является главным фактором развития идентичности, при которой в государственных масштабах формируются устойчивые территориальные, социокультурные, ценностные, регулятивно-нормативные,

когнитивные и иные отличительные характеристики, определяющие коллективное «образно-символическое пространство» [7, с. 82].

Тем не менее, объективная реальность распространения форм политической идентичности акцентуализирует вариативность содержания данного концепта и проливает свет на множество противоречий в области социального неравенства, борьбы за власть и групповой автономии [17, с. 5-6], что определяет *актуальность* данной работы.

Научная новизна исследования заключается в качественном измерении содержательных принципов выстраивания политической идентичности, формирующей восприятие социальной справедливости в современном российском обществе.

Одним из наиболее значимых вопросов в данном контексте является стимулирование социальной справедливости, достижение которой либо ускоряется, либо отдаляется в рамках обеспечения политической идентичности государства. В связи, с чем *цель* исследования заключается в изучении стратегий достижения политической идентичности, что позволит систематизировать социальные явления и организационные механизмы, которые способны реализовать общественно значимый потенциал для достижения социальной, правовой и управленческой объективности.

Для достижения обозначенной цели необходимо решить следующие задачи: изучить междисциплинарную природу понятия идентичности; проанализировать феномен политической идентичности с разграничением понятий социальной и политической идентификации, политики идентичности, политического доминирования; рассмотреть концепцию социальной справедливости; систематизировать подходы и механизмы реализации политической идентичности в качестве объективного внутригосударственного стрежня аксиологических устоев общества.

Парадоксальная природа политической идентичности: когерентность социального, культурного и политического

Установление четких разграничений между социальным и политическим в концепте идентичности в современную эпоху не всегда

считается состоятельным по причине естественности переплетения социокультурных процессов конструирования и закрепления возможности политического переосмысления идентичности [15, с. 2-3].

В результате социальных преобразований меняется динамика общественных отношений, что оказывает значительное влияние на политический курс нации. Так было в процессе отстаивания прав женщин в патриархальных представлениях о социальном неравенстве, результатом чего стала элиминация гендерных различий в части прав и свобод человека, выход женщин на политическую арену сначала в западных демократия, а позже и во всем мире. Преодоление социальных и культурных барьеров (кризис идентичности) [9, с. 95], ограничивающих феминистические начала, способствовали демократизации политики разных государств, выстраиванию регулятивных механизмов, ориентированных на безопасность и справедливость в равноправном обществе. Отсюда следует, что появление различных социальных движений может привести к существенным изменениям в политической идентичности государства и всего мирового сообщества.

Принцип когерентности в рамках обоснования концепта политической идентичности складывается, главным образом, из двух неотъемлемых характеристик: социальность и политизация. По мнению B. Clarke и J. Foweraker, «человеческая идентичность не может быть ничем иным, кроме социокультурной принадлежности» [15, с. 2]. Такое предположение не отрицает натуралистических (моральных) и теологических положений в общем социальном детерменизме, устанавливающем методологические и стратегические перспективы общественной практики развития социальной культуры, общественного пространства и национальной общности [6, с. 15].

Однако E. Laclau ставит под сомнение очевидность существования социальной идентичности как независимой категории и утверждает следующее: «если бы у субъектов всегда было определенное место в социальной структуре, проблема их идентичности, рассматриваемая радикальным образом, не возникла или, в лучшем случае, рассматривалась как вопрос признания людьми своей собственной идентичности,

а не процесса ее конструирования» [18, с. 2]. Другими словами, предопределение социальной идентичности человека в качестве априорного значения исключает политический характер идентичности, закрепление которого происходит в конфликте социальных ценностей.

Политизация социальной идентичности происходит, когда общество ставит под сомнение очевидность социокультурной принадлежности индивидов к определенной классовой структуре. Таким образом, политическая идентичность функционирует в качестве альтернативы классовой борьбе и социальному разделению. Такое радикальное осмысление социального и классового детерминизма, а также эссенциализма, безусловно, является одной из определяющих характеристик современных демократических сообществ [15, с. 3], что объясняет различия между данными концептами, обладающими разными объектами практической реализации (для социальной идентичности важна повседневная общественная реальность: культурные и семейные ценности, социальные связь внутри группы, межличностные взаимодействия; политическая идентичность подразумевает более масштабные взаимосвязи общегосударственной системы: идеология, политический курс, исторический опыт и т.д.).

Осмысление исключительно социальных практик направлено на устойчивое социальное воспроизводство, при котором развивается не столько повторение общественно-политических паттернов, сколько реконструкция радикальных конституирующих условий общественного взаимодействия [18, с. 3-4]. Однако исключительно политическое измерение идентичности отрицает естественную сущность социальной справедливости, приводя к ее деструктуризации по причине отсутствия универсального обоснования исторических, социокультурных и политических условий возникновения и развития общества. Главный парадокс заключается в том, что универсальность и оформленность социальной системы как таковой недостижима. поскольку радикальное исключение всех децентрированных элементов и отклонений эквивалентно «смерти субъекта» [19, с. 37].

С этой точки зрения, политическая идентичность – это политическая практика, направленная на поддержку и укрепление социальных

претензий на идентичность, а также методология и инструментарий по их материализации. Рассматривая идентичность как процесс идентификации, мы приходим к психоаналитической категории социализации личности с целью защиты, развития и объединения [1, с. 5]. В этом направлении акцентуализируется личностное осознание индивида своего жизненного цикла в рамках конкретного сообщества, с которым необходимо себя идентифицировать, что терминологически следует отождествлять с понятием социальной идентичности.

Именно этот подход, как нам кажется, позволяет взглянуть на идентичность как на процесс конструирования ценностей и мировоззрений в рамках определенного дискурса. Рассмотрение политической идентичности с позиции содержания выявляет факторы, формирующие данный процесс. Так, В. Ф. Богуславская предлагает классификацию типов идентичности в зависимости от социально-политических факторов [2, с. 65]:

1. Идентичность включенного типа – отождествление личности с политической позицией общества, прямое взаимодействие власти с населением;
2. Идентичность отчужденного типа – удовлетворительное отношение личности к политике и общественной жизни, социополитическая адаптивность;
3. Идентичность конформистского типа – пассивное следование социополитическому порядку, выстраиваемому органами власти;
4. Идентичность идеалистического типа – возможность прямого воздействия личности на социополитический строй общества, доверие политическим силам и доступность политических систем [2, с. 66].

В основе психологических и социально-конструкционистских подходов к описанию идентичности заложен процесс идентификации личности с дискурсными образами, выявляющими значимость роли субъекта в политической и социальной практике [3, с. 104].

Парадоксальная природа идентичности, проявляющаяся в процессе идентификации, является неотъемлемой частью социализации

и политизации индивидуального и группового сознания. Этот дуализм априори заложен в любой попытке определить идентичность. Обращаясь к социологическим, психологичексим, философским и иным толкованиям феномена идентичности, результат будет один и тот же – идентичность всегда определяется по двум фундаментальным критериям: тождественность и несовпадение [15, с. 4], при которых тождественность определяется как единство, согласованность, приверженность и непрерывность, а несовпадение указывает на отличительные черты и расхождения по индивидуальным и коллективным признакам.

Очевидно, что идентичность нельзя определить без сравнения с тем, что находится за ее пределами. «Что создает мою идентичность, что определяет групповое сходство – это то, что я отличаюсь от идентичностей других» [15, с. 4]. Другими словами, значение определенного элемента, структурно связанного в общей системе, может возникнуть только через его дифференциацию от других элементов в той же системе. Следовательно, противоречивая природа идентичности подчеркивает сложность в разграничении социального, политического, философского и психологического в понимании данного феномена, утверждая при этом ключевой принцип динамичности и процессуальной зависимости общественных связей от пространственно-временного контекста.

Компаративистское измерение содержательных принципов выстраивания политической идентичности

Главным принципом жизнедеятельности любой функциональной системы является ее стремление к развитию. Человеческое общество и государство может эволюционировать только в условиях контроля и иерархии, при которых все составляющие элементы организуются и структурируются, при этом сохраняя факторы личного выбора и свободы.

Ощущение группового превосходства, присущее состоянию политической идентичности, объясняется с точки зрения исторической организации группы. Человеческие сообщества выживали в про-

шлом до тех пор, пока они были в единении против общего врага, и, как следствие, развивались наиболее сплоченные и коллективно приспособленные группы [20, с. 208].

В рамках историко-сравнительного подхода концепция политической идентичности может рассматриваться как определенная социальная практика, опосредованная явлениями окружающей среды в конкретных хронотопических условиях [21, с. 260-263].

Теория функциональных смыслов объясняет рассматриваемый концепт как «часть политической культуры, в которой центральная роль отводится ценностным ориентациям, мотивирующим индивида осознать как собственную идентичность, так и свое отличие от представителей иной системы взглядов» [4, с. 187].

Альтернативным подходом является исследование политики идентичности в качестве концептуального инструмента категоризации, анализа и сравнения различных социально-политических форм [17, с. 7]. Актуальность данного метода обуславливается наличием аналитического инструментария, противопоставляемого историко-культурной спецификации социальных процессов и явлений. Изучение повторяющихся характеристик и контраргументов, описывающих те или иные виды политических целей, социальные практики, значимые достижения и общественные недовольства определяют эффективность достижения правовой справедливости и социополитической стабильности.

Ключевым маркером развития политики идентичности являются бихевиористические проявления индивидуальных и коллективных отношений граждан. Поведение в общественно-политической среде реализуется по субъективным установкам, в качестве примера рассмотрим социальный уклад нескольких демократических и авторитарных государств.

Во Франции общественно значимым актом является законодательный запрет ношения паранджи или хиджаба [23, с. 5]. Запрет религиозных или этнический проявлений в подобных случаях становится примером политического поведения, обозначающего рамки национальной идентичности, которая в данном случае под-

черкивает превосходство лаицизма над религиозными ценностями меньшинств. Отличия социальной идентичности в разных государствах могут достигать катастрофических масштабов: проявление гендерного неравенства и ущемление прав определенных слоев населения также воздействуют на политическую практику и образ государства на международной арене. Пакистан, Непал, Иран, Ирак и ряд других стран законодательно оправдывают более жесткие требования к женщинам, чем к мужчинам: запрет или ограничения на выполнение работы по найму, низкая в сравнении с мужской частью населения заработная плата, насильственные браки, обязанности носить закрытую одежду и т.д., что является примером радикальной социальной идентичности, которая определяет политическое поведение, активизирующее конкретные политические действия (принятие законодательных проектов, культивирующих социальную несправедливость) [23, с. 6].

В противовес этому в Исландии, Швеции, Новой Зеландия, США и ряде других либеральных государств по данным Глобального индекса гендерного разрыва (GGGI) Всемирного экономического форума стираются практически все гендерные различия, которые можно оценить по экономическим и политическим возможностям, уровню образования, здоровья и долголетия представителей женской части населения. Политика идентичности в данном случае задает ориентиры равноправного отношения ко всем маргинализированным группам, рассматривая граждан не только как представителей социума, но и в качестве «агентов политического курса» [10, с. 11].

В современной российской политике отмечается многоуровневая политическая идентичность, в основе которой лежит ценностноориентированный принцип выстраивании системы «личность-общество-культура-государство» [7, с. 85]. В соответствии со стратегией государственной национальной политики РФ, утвержденной на период до 2025 года, защита этнических меньшинств, укрепление гражданского единства, сохранение этнокультурного многообразия страны и укрепление межнациональных отношений являются приоритетными направлениями политической идентичности государства.

Национальная политика идентичности в качестве совокупности программ, инструментов и коллективных практик, формирующих у граждан чувство принадлежности к своему политическому сообществу, включает в себя обновление учебных программ в системе общего образования: введение школьных предметов «Основы духовно-нравственной культуры народов России», «Духовно-нравственная культура России», углубление содержательных элементов таких дисциплин, как «История» и «Обществознание»; создание общественных инициатив и социальных проектов, например, «Форум российской идентичности» в сфере укрепления взаимодействия молодежи и государства, инициативы по культурной интеграции новых регионов и синергетическом взаимодействии населения; Проекты по сохранению и популяризации культурного наследия регионов с развитием туристических, социокультурных и творческих инициатив; включения правовых и законодательных механизмов конструирования политической идентичности: Послания Президента РФ в качестве идейных ориентиров общества, правовые доктрины и обновленные законодательные предписания (Национальная доктрина образования, Доктрина развития российской науки; предписания по информационной безопасности и т.д.) содержат основные характеристики, цели и задачи социального и политического развития общества.

В контексте глобализации, политических конфликтов и растущих потоков иммиграции, в научном сообществе ведутся активные дискуссии по вопросам утраты собственной социальной и политической идентичности иммигрантами. До сих пор остается открытой проблема конвергенции противоположных религиозных, этнических, социокультурных и политических взглядов лиц, принимающих гражданство иной страны с кардинально отличающейся системой. В некоторых случаях это приводит к реакции в форме «ультранационализма» в принимающих странах [23, с. 12] и крайнюю степень маргинализации определенных этнических сегментов. Подобные примеры опровергают идею коллективной идентичности, выраженную, например, в форме Европейского Союза [23, с. 14] и подтверждают

необходимость укрепления внутренней политической и социальной принадлежности граждан посредством политики идентичности. Тем не менее, такой механизм не равен политике доминирования, при которой решающая власть и контроль принадлежат одной группе, подавляющей идеи и инициативы иных партий, лиц и общественности.

Таким образом, из примеров, приведенных выше, становится ясно, что в современном мире, политика идентичности наиболее актуальна для формирования политического поведения и управленческих механизмов, по той причине, что идентичность наряду со способствующим социальным контекстом находится в центре фундаментальных факторов, которые направляют и определяют политический дискурс и гражданские проявления в дальнейшей перспективе развития общества.

Практика политической идентичности в направлении укрепления социальной справедливости: систематизация подходов и механизмов реализации

Понимание социальной справедливости как объективного распределения ресурсов, прав и возможностей человека в обществе направлено на защиту интересов и свобод граждан, устранение системных препятствий на пути к обеспечению равноправия, удовлетворения фундаментальных потребностей людей вне зависимости от гендерных, этнических, возрастных и иных признаков различия.

С точки зрения междисциплинарного принципа укрепление социальной справедливости возможно за счет консолидации правовых, политических, экономических, социокультурных и психологических мер поддержки наиболее уязвимых слоев населения. Однако инструменты реализации политической идентичности при грамотном применении могут способствовать выявлению скрытого неравенства в обществе, объединению маргинализированных групп и искоренению несправедливости посредством структуризации государственной политики, отслеживанию социально-экономических показателей представительства незащищенных групп и выявлению иных правозащитных пробелов [17, с. 16].

Обсуждение стратегий достижения политической идентичности в направлении укрепления социальной справедливости, как правило, разворачивается в нескольких плоскостях:

1. Объединение граждан с целью определения политического курса, направленного на усиление и воспроизводство политически значимых категорий, обеспечивающих дифференциацию общества [17, с. 9];
2. Систематизация политических точек зрения, определяющих приоритетность социокультурных вопросов этнической, религиозной и национальной идентичности;
3. Политическая мобилизация межсекторальных практик (социальных, правоохранных, экономических), нацеленных на осуществление эгалитарной справедливости [12, с. 83].
4. Адаптация политической идентичности к идеологии власти с целью активизации политической поддержки населения [24, с. 154];
5. Ориентация социально-политического движения, направленного на улучшение качества жизни граждан, развитие экономики, совершенствование условий труда с конечной целью укрепления политического образа государства на международной арене.

Как видно из обозначенных выше подходов, способы реализации принципов справедливой политической идентичности основываются на солидарности внутри группы, которая систематизируется и контролируется государственными органами и широко применяется в политических интересах. Идеологические установки являются одной из наиболее используемых политических стратегий консолидации граждан, что объясняется эффективностью и действенностью данного подхода по отношению к мобилизации населения, привлечению общественной поддержки к политическим интересам и целям [24, с. 154].

Встраивание культурологических, правовых, коммуникативных и иных механизмов формирования политической идентичности в социальное пространство происходит на разных уровнях обществен-

ной иерархии и государственного управления за счет следующих методик: стратегии поддержания традиционных ценностей общества (укрепление национальной культуры, поддержка семейных традиций); организация взаимодействия вариативных социальных и политических институтов (образовательные учреждения, институты власти, правоохранные органы и т.д.); развитие идей гражданственности и правовой культуры для укрепления чувства личностной ответственности и национальной принадлежности населения; привлечение медиа-ресурсов и СМИ к пропагандированию идеологических образов, поведенческих моделей и социальных установок; создание инфраструктурных условий для самоорганизации общества и коллективной поддержки политической идентичности.

«В многосоставных обществах, где утверждаются множественные идентичности, каждая из социальных идентичностей – будь то этническая, конфессиональная, территориальная, профессиональная, гендерная или иная – в ходе «борьбы за идентичность» ищет выходы в политическую сферу, в результате чего дискурс национальной идентичности, в котором сходятся и переплетаются разные политические интересы и их символические репрезентации, оказывается высокополитизированным» [8, с. 25].

Отсюда следует, что политическая и социальная идентичность тесно связаны с политической практикой государства. Политическая идентичность проявляет идеологию власти для поддержания непрерывности самосознания в противовес другим групповым идентичностям. Однако приводят ли подобные установки к укреплению социальной справедливости или способствуют ее дезорганизации.

По мнению I. Sihidi, D. Suhermanto, S. Salahudin и других и исследователей, политическая идентичность является противником равенства, которое выступает в качестве основного элемента демократии, и игнорирует факт плюрализма [24, с. 154-155].

Как утверждает D. Smith, политическая идеология зачастую опирается на принципы социального эссенциализма, дегуманизирующего индивидуальные характеристики сложных идентичностей, что приводит к пониманию личности исключительно в роли члена

этнической группы и, как следствие, усиливает социальную несправедливость [25, с. 160].

Одно из потенциальных решений к проблеме социально-политического эссенциализма предлагает J. Kurzwelly: оно состоит в том, чтобы отойти от статических категорий идентичности и вместо этого сосредоточиться на индивидуальном позиционировании индивида относительно конкретного сообщества, например, классовая позиция граждан (а не классовая идентичность) или социокультурная позиция [16, с. 55], что также подразумевает значимость гражданской ответственности и фактический доступ личности к собственным правам и обязанностям. Такой подход имеет больший потенциал для осуществления политических практик, направленных на противодействие социальной несправедливости.

В поддержку данной позиции выступают А. В. Селезнева и З. Т. Хугаев: «самой многозначной политической ценностью является справедливость, которая распространяется на разные стороны жизни общества и затрагивает вопросы как внутренней, так и внешней политики [7, с. 84].

Как утверждает И. С. Семененко, процесс индивидуализации сознания, при котором члены общества определяют свои права и интересы приоритетом социополитического курса, отдаляясь от конструирования национально-государственных ориентиров, приводит к кризису государственности и глобализации власти [8, с. 29-30]. В рамках радикальных подходов укрепления политической идентичности (авторитарные режимы и противопоставленные им либеральные системы самоуправления наций, которые рано или поздно приводят к усилению конфликтов и внутреннему расколу [8, с. 35]) достижение социальной справедливости считается практически невозможным. В связи, с чем оптимальной методологией реализации политической идентичности считается «укоренение модели активной гражданственности со своевременной корректировкой политико-культурных ориентиров общества в русле конституционного патриотизма» [8, с. 37].

«Политическая идентичность государства ригидна, потому что интерсубъективна со склонностью к объективности. Она позволяет

консолидировать общество, поэтому оно от нее не откажется, пока государство легитимно» [26].

Таким образом, являясь фундаментом социальной консолидации, политическая идентичность представляет собой стержень культурно-исторических, этнических, общественных и правовых ценностей, неотделимых от понятия социальной справедливости.

Заключение

По результатам исследования, мы приходим к выводу о том, что объяснение и изучение концепта политической идентичности относится к спектру деятельности смежных дисциплин: политология, политическая психология, социология и право, которые в совокупности могут интерпретировать влияние социальной и этнической идентичности на политику, и наоборот – воздействие управленческой системы на поведение граждан и их ценностные ориентиры.

По нашему мнению, политическая идентичность представляет собой методологию социальной ориентации, дифференцирующей групповые различия (политические, экономические, социокультурные), а также сохраняющей собственную аутентичность и культурно-историческую специфику, при этом, не отрицая инакомыслящие системы и поддерживая толерантное отношение к ним.

Истинная теория социальной и политической идентичности направлена на установление иерархически равных отношений в социуме, где вершины иерархических групп не прибегает к принуждению и дискриминации, чтобы обеспечить надлежащее политическое поведение граждан, а формируют справедливые индивидуальные и коллективные факторы, которые диктуют ценностные ориентиры общества.

Вопрос регулирования политического курса в рамках обеспечения социальной справедливости является особенно деликатным и относительным, поскольку политика идентичности – это не просто концептуальная задача, а политическая тактика, которая в настоящее время обсуждается во всевозможных контекстах, учитывающих следующие фундаментальные принципы:

1. Систематический социальный мониторинг – отслеживание социального состояние позволяет выявить основные пробелы и неравенства с целью дальнейшего проблемного регулирования;

2. Направление законодательных изменений – в системе законотворчества и правового регулирования основой структурных изменений принимаются показатели идентичности для развития несправедливых и неравноправных условий жизнедеятельности населения;

3. Укрепление позиций группового единства – использование образовательных, информационных, технологических ресурсов для усиления общей идентичности в сплочении разных слоев населения;

4. Отслеживание прогресса и эффективности – статистические данные и отчетность должны отображать результативность программ и инициатив по укреплению политической идентичности и социальной справедливости.

Таким образом, подобные механизмы выстраивания политической идентичности ориентированы на изменения социальных движений, требующих перманентных усилий в определение правовых и культурных ценностей и тщательного анализа конкретных политических вмешательств, направленных на поддержание устойчивой социальной справедливости.

Список литературы

1. Алиханова, В. Л. (2018). Психоаналитическая концепция феномена идентичности. *Время науки — The Times of Science*, (1), с. 3–12.
2. Богуславская, В. Ф. (2018). Социально-конструкционистский подход в исследовании политической идентичности. *Российский психологический журнал*, *5*(2), с. 60–66. DOI: https://doi.org/10.21702/rpj.2008.2.6
3. Зайцев, И. В. (2007). Факторы политической идентичности. *Logos et Praxis*, (6), с. 104–109. EDN: https://elibrary.ru/KEZLNB
4. Корниенко, О. Ю. (2021). Многозначность понятия «политическая идентичность». *Социально-гуманитарные знания*, (1), с. 185–193. DOI: https://doi.org/10.34823/sgz.2021.1.51525. EDN: https://elibrary.ru/WFNGYX
5. Малинова, О. Ю. (2017). Политика идентичности как борьба за смыслы: проблемы концептуализации. *Символическая политика: Сб. науч. тр.* РАН. ИНИОН. Вып. 5: Политика идентичности, с. 7–20.

6. Ровнова, С. А. (2007). Социальный детерминизм в свете новейших социологических знаний. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология*, *7*(2), с. 11–15. EDN: https://elibrary.ru/JVRXXL
7. Селезнева, А. В., Хугаев, З. Т. (2024). Ценностные основания политической идентичности в региональном, национальном и цивилизационном измерениях: концептуальное осмысление и российский контекст. *Социум и власть*, *4*(102), с. 80–91. DOI: https://doi.org/10.22394/1996-0522-2024-4-80-91. EDN: https://elibrary.ru/DSXAZA
8. Семененко, И. С. (2017). Политика идентичности: меняющаяся повестка дня. *Символическая политика: Сб. науч. тр.* РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Вып. 5: Политика идентичности, с. 21–40.
9. Ушакова, В. Г. (2023). Женщины и феминизм в современном политическом процессе. *Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»*, 2, с. 93–104. DOI: https://doi.org/10.28995/2073-6401-2023-2-93-104. EDN: https://elibrary.ru/FBJIAG
10. Цумарова, Е. Ю. (2012). Политика идентичности: politics или policy? *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*, (2), с. 5–16. EDN: https://elibrary.ru/OZZCDP
11. Чвыкалов, В. В. (2011). Гендерное равенство в контексте современной политики российского государства. *Философия права*, (3), с. 90–94. EDN: https://elibrary.ru/NTYVED
12. Becker, H. (2022). Youth speaking truth to power: Intersectional decolonial activism in Namibia. *Dialectical Anthropology*, *47*, p. 71–84. DOI: https://doi.org/10.1007/s10624-022-09678-1. EDN: https://elibrary.ru/IZFIXL
13. Berger, P. L., Luckmann, T. (1966). *The social construction of reality: A treatise in the sociology of knowledge*. Garden City, NY: Anchor Books. 240 p.
14. Blumer, H. (1966). Sociological implications of the thought of George Herbert Mead. *American Journal of Sociology*, *71*(5), p. 535–544. DOI: https://doi.org/10.1086/224171
15. Clarke, B., Foweraker, J. (2000). Identity, political. *Encyclopaedia of Democratic Thought*. London: Routledge, p. 1–6.
16. Kurzwelly, J. (2022). Bones and injustices: Provenance research, restitutions and identity politics. *Dialectical Anthropology*, *47*. DOI: https://doi.org/10.1007/s10624-022-09670-9. EDN: https://elibrary.ru/SNZIGL
17. Kurzwelly, J., Pérez, M., Spiegel, A. D. (2023). Identity politics and social justice. *Dialectical Anthropology*, *47*, p. 5–18. DOI: https://doi.org/10.1007/s10624-023-09686-9. EDN: https://elibrary.ru/KMTSVE
18. Laclau, E. (1994). Introduction. *The Making of Political Identities*. London: Verso, p. 1–8.
19. Laclau, E., Zac, L. (1994). Minding the gap: The subject of politics. *The Making of Political Identity*. London: Verso, p. 11–39.

20. Mead, G. H. (1962). *Mind, self, and society* (Ch. W. Morris, Ed.). Chicago and London: The University of Chicago Press. 439 p.
21. Moran, M. (2020). (Un)troubling identity politics: A cultural materialist intervention. *European Journal of Social Theory*, *23*(2), p. 258–277. DOI: https://doi.org/10.1177/1368431018819722
22. Parsons, T. (1967). *Sociological theory and modern society*. New York (N.Y.): Free Press. 567 p.
23. Roy, O. (2014). *Holy ignorance: When religion and culture part ways*. London, UK: Oxford University Press, p. 1–18.
24. Sihidi, I., Suhermanto, D., Salahudin, S., Kamil, M., Romadhan, A. (2022). The practice of political identity: A systematic review. *JWP (Jurnal Wacana Politik)*, *7*, p. 148. DOI: https://doi.org/10.24198/jwp.v7i2.37749. EDN: https://elibrary.ru/TKGKNY
25. Smith, D. L. (2021). *Making monsters: The uncanny power of dehumanization*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press. 336 p.
26. Veretevskaya, A. (2023, December). Political identity of a modern state as a factor of its foreign and domestic policy. *SSRN*. https://ssrn.com/abstract=4675602 (accessed 16.09.2025).

References

1. Alkhanova, V. L. (2018). The psychoanalytic conception of the phenomenon of identity. *The Times of Science*, (1), pp. 3–12.
2. Boguslavskaya, V. F. (2018). The social constructionist approach to the study of political identity. *Russian Psychological Journal*, 5(2), pp. 60–66. DOI: https://doi.org/10.21702/rpj.2008.2.6
3. Zaitsev, I. V. (2007). Factors of political identity. *Logos et Praxis*, (6), pp. 104–109. EDN: https://elibrary.ru/KEZLNB
4. Kornienko, O. Yu. (2021). The polysemy of the concept of "political identity." *Social and Humanitarian Knowledge*, (1), pp. 185–193. DOI: https://doi.org/10.34823/sgz.2021.1.51525. EDN: https://elibrary.ru/WFNGYX
5. Malinova, O. Yu. (2017). Identity politics as a struggle over meanings: Problems of conceptualization. *Symbolic Politics: Collected Papers*. RAS. INION. Issue 5: Identity Politics, pp. 7–20.
6. Rovnova, S. A. (2007). Social determinism in the light of the latest sociological knowledge. *Izvestia of Saratov University. New Series. Sociology. Politology*, 7(2), pp. 11–15. EDN: https://elibrary.ru/JVRXXL
7. Selezneva, A. V., Khugaev, Z. T. (2024). Value foundations of political identity in regional, national, and civilizational dimensions: Conceptual interpretation and the Russian context. *Society and Power*, 4(102), pp. 80–91. DOI: https://doi.org/10.22394/1996-0522-2024-4-80-91. EDN: https://elibrary.ru/DSXAZA

8. Semenenko, I. S. (2017). Identity politics: A changing agenda. *Symbolic Politics: Collected Papers*. RAS. INION. Center for Social Scientific Information. Issue 5: Identity Politics, pp. 21–40.
9. Ushakova, V. G. (2023). Women and feminism in the contemporary political process. *RSUH/RGGU Bulletin. Series: Philosophy. Sociology. Art Studies*, 2, pp. 93–104. DOI: https://doi.org/10.28995/2073-6401-2023-2-93-104. EDN: https://elibrary.ru/FBJIAG
10. Tsumarova, E. Yu. (2012). Identity politics: Politics or policy? *Bulletin of Perm University. Political Science*, (2), pp. 5–16. EDN: https://elibrary.ru/OZZCDP
11. Chvykalov, V. V. (2011). Gender equality in the context of the contemporary policy of the Russian state. *Filosofiya prava*, (3), pp. 90–94. EDN: https://elibrary.ru/NTYVED
12. Becker, H. (2022). Youth speaking truth to power: Intersectional decolonial activism in Namibia. *Dialectical Anthropology*, 47, pp. 71–84. DOI: https://doi.org/10.1007/s10624-022-09678-1. EDN: https://elibrary.ru/IZFIXL
13. Berger, P. L., Luckmann, T. (1966). *The social construction of reality: A treatise in the sociology of knowledge*. Garden City, NY: Anchor Books. 240 p.
14. Blumer, H. (1966). Sociological implications of the thought of George Herbert Mead. *American Journal of Sociology*, 71(5), pp. 535–544. DOI: https://doi.org/10.1086/224171
15. Clarke, B., Foweraker, J. (2000). Identity, political. *Encyclopaedia of Democratic Thought*. London: Routledge, pp. 1–6.
16. Kurzwelly, J. (2022). Bones and injustices: Provenance research, restitutions and identity politics. *Dialectical Anthropology*, 47. DOI: https://doi.org/10.1007/s10624-022-09670-9. EDN: https://elibrary.ru/SNZIGL
17. Kurzwelly, J., Pérez, M., Spiegel, A. D. (2023). Identity politics and social justice. *Dialectical Anthropology*, 47, pp. 5–18. DOI: https://doi.org/10.1007/s10624-023-09686-9. EDN: https://elibrary.ru/KMTSVE
18. Laclau, E. (1994). Introduction. In *The Making of Political Identities*. London: Verso, pp. 1–8.
19. Laclau, E., Zac, L. (1994). Minding the gap: The subject of politics. In *The Making of Political Identity*. London: Verso, pp. 11–39.
20. Mead, G. H. (1962). *Mind, self, and society* (Ch. W. Morris, Ed.). Chicago and London: The University of Chicago Press. 439 p.
21. Moran, M. (2020). (Un)troubling identity politics: A cultural materialist intervention. *European Journal of Social Theory*, 23(2), pp. 258–277. DOI: https://doi.org/10.1177/1368431018819722
22. Parsons, T. (1967). *Sociological theory and modern society*. New York (N.Y.): Free Press. 567 p.

23. Roy, O. (2014). *Holy ignorance: When religion and culture part ways*. London, UK: Oxford University Press, pp. 1–18.
24. Sihidi, I., Suhermanto, D., Salahudin, S., Kamil, M., Romadhan, A. (2022). The practice of political identity: A systematic review. *JWP (Jurnal Wacana Politik)*, 7, pp. 148. DOI: https://doi.org/10.24198/jwp.v7i2.37749. EDN: https://elibrary.ru/TKGKNY
25. Smith, D. L. (2021). *Making monsters: The uncanny power of dehumanization*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press. 336 p.
26. Veretevskaya, A. (2023, December). Political identity of a modern state as a factor of its foreign and domestic policy. *SSRN*. https://ssrn.com/abstract=4675602 (accessed 16.09.2025).

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Алехина Екатерина Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Процессуальное право»
ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»
пл. Гагарина, 1, г. Ростов-на-Дону, 344003, Российская Федерация
Ket_as@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina S. Alekhina, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor in the Department of Procedural Law
Don State Technical University
1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation
Ket_as@mail.ru
SPIN-code: 4468-8616
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1167-6378

Поступила 27.07.2026 Received 27.07.2026
После рецензирования 28.08.2026 Revised 28.08.2026
Принята 02.09.2026 Accepted 02.09.2026

Государственное управление / Public Administration

Научная статья Original article
DOI: 10.12731/2576-9634-2026-10-3-286 **EDN:** OKRGYL
УДК 351:354.1

Муниципальное управление в сфере физической культуры и спорта в Италии

Т.В. Долматова
Федеральное государственное бюджетное учреждение «Федеральный научный центр физической культуры и спорта», Москва, Российская Федерация

Аннотация

Цель исследования заключалась в выявлении особенностей муниципального управления в сфере физической культуры и спорта в Италии на примере города Милана как одного из крупнейших муниципалитетов и города-организатора XXV Олимпийских зимних игр 2026 г.

Материалы и методы исследования включали структурный анализ, систематизацию и обобщение материалов зарубежных источников (нормативных правовых документов, финансовых отчетов, иных материалов с официальных сайтов органов муниципальной власти) на основе применения институционального подхода.

Результаты. В результате анализа организационной структуры, нормативных правовых и отчетных финансовых документов, а также политики по популяризации спорта среди населения представлена модель муниципального управления в сфере физической культуры и спорта Италии, ключевую роль которой играет взаимодействие муниципальных органов власти с профильной спортивной организацией «Спорт Милана».

Выводы. Сделан вывод о том, что на муниципальном уровне в Милане сложилась эффективная система управления в сфере физической культуры и спорта, основу которой составляют органы власти и организация «Спорт Милана», которая финансируется муниципалитетом и фактически выполняет основные функции по реализации спортивных программ, поддержке деятельности местных спортивных организаций и управлению большинством муниципальных спортивных объектов. Данная система во многом является отражением модели управления в сфере физической культуры и спорта, сложившейся на республиканском уровне, что свидетельствует о единообразном подходе к управлению на государственном и муниципальном уровнях в сфере спорта Италии.

Ключевые слова: муниципальное управление; физическая культура и спорт; модель управления; муниципальная спортивная политика; муниципальное финансирование; Милан; Италия

Для цитирования. Долматова, Т. В. (2026). Муниципальное управление в сфере физической культуры и спорта в Италии. *Russian Studies in Law and Politics / Российские исследования. Право и политика*, *10*(3), 100-120. https://doi.org/10.12731/2576-9634-2026-10-3-286

Municipal administration of physical education and sports in Italy

T.V. Dolmatova
Federal Science Center of Physical Culture and Sport, Moscow, Russian Federation

Abstract

The **purpose** of the study was to identify the features of municipal management in the field of physical education and sports in Italy, using the city of Milan as one of the largest municipalities in the country and the host city of the XXV Olympic Winter Games in 2026.

The **materials and methods** of the study included a structural analysis, systematization, and generalization of materials from foreign sources (regulatory legal documents, financial reports, and other materials from the official websites of municipal authorities), based on the institutional approach.

Results. As a result of the analysis of the organizational structure, regulatory legal and financial reporting documents, as well as the policy of promoting sports among population, the paper reveals the model of municipal management in the field of physical culture and sports in Italy, a crucial role in which plays partnership between municipal authorities responsible for the sport development with profilized sport organization "Milano Sport".

Conclusions. The findings indicate that there is an effective system of management in the field of physical culture and sports at the municipal level in Milan, based on the authorities and "Milano Sport" organization, which is funded by the municipality and performs the main functions of implementing sports programs, supporting the activities of local sports organizations and managing most of the municipal sports facilities. This system generally reflects the governance model in physical activity and sports at the republican level, which indicates a uniform approach to the state and municipal management in sport in Italy.

Keywords: municipal management; physical education and sports; model of governance; municipal sports policy; municipal financing; Milan; Italy

For citation. Dolmatova, T. V. (2026). The Municipal administration of physical education and sports in Italy. *Russian Studies in Law and Politics*, *10*(3), 100-120. https://doi.org/10.12731/2576-9634-2026-10-3-286

Введение

В Италии уделяется большое внимание вопросам привлечения населения к занятиям физической активностью и спортом на всех уровнях – государственном, региональном, муниципальном. Несмотря на то, что основной вектор стратегического развития сферы физической культуры и спорта закладывается на республиканском уровне в рамках политики, вырабатываемой органами государственной власти Италии, ответственными за спорт (Министром по делам спорта и молодежи, Департаментом спорта при Аппарате Председателя Совета министров Италии), ключевую роль в развитии спорта на местах Италии играют муниципалитеты, также как и в большинстве других зарубежных стран [2-5].

Муниципальные органы власти принимают собственные законы в области спорта, финансируют развитие спортивной инфраструктуры, оказывают поддержку местным спортивным клубам и местным инициативам в сегменте массового спорта, участвуют в организации спортивных мероприятий на своей территории и содействуют подготовке спортсменов высокого класса, выступающих на региональных и национальных спортивных соревнованиях.

Представляется актуальным рассмотреть особенности управления в сфере физической культуры и спорта на муниципальном уровне Италии на примере города Милана, который является вторым наиболее крупным после Рима городом-метрополией (столичным городом) Италии и крупнейшим муниципалитетом области Ломбардия с численностью населения 1 365 698 жителей [13]. Данный город примечателен не только тем, что принимал XXV Олимпийские зимние игры 2026 г., которые впервые были организованы и проведены на территории сразу двух городов Италии – Милана и Кортина Д'Ампеццо, но и системно реализуемой политикой в сфере спорта с большим количеством спортивных мероприятий, проводимых среди его населения.

Несмотря на то, что тема муниципального управления в сфере спорта в Италии представляет особый интерес для отечественных специалистов в сфере физической культуры и спорта, на сегодняшний день имеется весьма ограниченное количество научных работ, опубликованных отечественными авторами по данной теме. В большинстве своем они во многом носят разрозненный характер, поскольку посвящены рассмотрению различных аспектов системы развития спорта в Италии на муниципальном уровне. Отдельные аспекты организации управления в сфере спорта Италии рассмотрены в работах российских авторов Гридиной Н.А., Нагорновой Л.Е., Шестака В.А., Халиковой Л.Р. и других [1; 6; 9].

Большое внимание российскими исследователями уделяется изучению системы спортивного права в Италии. Так, Соловьевым А.А., Понкиным И.В., Понкиной А.И. подробно рассмотрены вопросы становления и функционирования системы нормативного правового регулирования с приведением обзора действующего законодательства в сфере спорта Италии [7; 8].

Значительно большее количество работ посвящено исследованию организации спорта в Италии среди зарубежных авторов. Так, вопросы управления в сфере спорта рассматривались в работах итальянских исследователей Ловечио Н., Лубрано Е., Манфреди Дж. и других [23-25].

Значительное количество зарубежных исследований посвящено конкретно организации управления в футболе и анализу деятельности итальянских футбольных клубов. Исследуется подход к развитию футбола в Италии в контексте других европейских моделей [21], рассматриваются программы подготовки высококвалифицированных футболистов в Италии в сравнении с другими странами на основе комплексного анализа организационной структуры футбольных клубов [31], исследуется взаимосвязь подходов к управлению профессиональными футбольными клубами, их финансовой устойчивостью и спортивными результатами игроков [26; 32; 34; 35].

Между тем, анализ научных работ показал, что если специфика системы спортивного права и некоторые аспекты управления (пре-

имущественно на уровне спортивных клубов) были рассмотрены в работах отечественных и зарубежных авторов [1-9; 21; 23-26], то вопросы организации и муниципального управления в сфере физической активности и спорта на местном уровне в Италии (на примере города Милана), включая его нормативное правовое регулирование во многом остаются за рамками научного дискурса, что обуславливает актуальность данного исследования.

Цель исследования состоит в том, чтобы изучить особенности модели муниципального управления в сфере физической культуры и спорта в Италии, включая структуру управления, специфику нормативного регулирования и основы финансового обеспечения на примере города Милана.

Материалы и методы исследования

Методы исследования включали структурно-функциональный анализ, систематизацию и обобщение материалов зарубежных источников (нормативных правовых документов, финансовых отчетов, иных материалов с официальных сайтов органов муниципальной власти и спортивных организаций города Милана) на основе применения институционального подхода.

Результаты исследования и их обсуждение

В 2026 году Милан вместе с городом Кортина-д'Ампеццо стал столицей проведения XXV Олимпийских зимних игр и XIV Паралимпийских зимних игр. Организация и проведение в Милане столь крупных международных соревнований обеспечили приток туристов со всего мира - по оценкам МОК, за время проведения Игр Милан и город Кортина-д'Ампеццо в совокупности посетили 2,6 млн туристов и зрителей [30], что, безусловно, оказало влияние не только на развитие политики в сфере физической культуры и спорта, но и экономическое развитие данного муниципалитета.

Вместе с тем следует отметить, что приоритетное внимание политике в сфере спорта уделялось в Милане задолго до проведения Олимпийских зимних игр 2026 г. [25-26].

Специфика государственно-правового устройства Италии, как и большинства стран, состоит в том, что муниципалитеты обладают существенной юрисдикцией в реализации собственной политики на местном уровне. При этом структура управления в сфере физической культуры и спорта, сложившаяся на муниципальном уровне в Италии, во многом отражает систему управления данной областью на республиканском уровне.

Структуру органов управления в сфере спорта Милана, возглавляемого мэром Милана Джузеппе Сала (Giuseppe Sala), избранным в октябре 2021 года, составляют подразделения Муниципального совета и Городского комитета.

В рамках Муниципального совета (il Consiglio Comunale) [14], как законодательного органа власти, который состоит из мэра и 48 депутатов, деятельность в сфере спорта осуществляют муниципальные комиссии, среди которых можно выделить Комиссию Олимпийских и Паралимпийских игр в Милане-Кортина 2026 (Commissione Olimpiadi e Paralimpiadi Milano Cortina 2026) [17] и Комиссию по спорту, туризму, молодежной политике и благополучию населения (Commissione sport, turismo, politiche giovanili e politiche per il benessere), членами которых являются представители политических партий, получившие мандаты по итогам выборов в Муниципальный совет [15].

Члены Комиссии выполняют различные задачи: рассматривает вопросы, относящиеся к своему сектору, изучают и высказывают мнения по полученным инициативам, которые после обсуждения могут быть приняты Муниципальным советом, а также контролируют деятельность исполнительных органов власти – прежде всего Городского комитета.

Комиссия избирает из числа своих членов председателя и вице-председателя. На момент исследования в Комиссии по спорту, туризму, молодежной политике председатель отсутствовал, вице-председателем являлся Томмасо Маттео Горини (Tommaso Matteo Gorini) [16], представитель партии «Зеленая Европа». Заседания комиссии открыты для всех граждан. Информация о деятельности Комиссии

на сайте Муниципалитета приведена кратко, результаты ее деятельности представлены в виде документов, которые в большей части совпадают с документами, опубликованными на странице Комиссии Олимпийских и Паралимпийских игр в Милане - Кортина 2026.

Примечательно, что Исполнительным органом власти в муниципалитете является Городской комитет (la Giunta Comunale), также состоящий из мэра, который является его председателем, занимая, таким образом, должности в двух основных органах власти, а также вице-мэра и 11 консультантов [18].

Комитет во главе с мэром участвует в управлении муниципалитетом и действует на основе коллегиальных решений, исполняет свои общие и политико-административные задачи.

Система управления муниципалитетом включает в себя достаточно разнообразную структуру органов и служб, образуя Администрацию города. В рамках Администрации основным органом, обеспечивающим развитие сферы спорта, является Дирекция по вопросам труда, молодежи и спорта (Direzione Lavoro, Giovani e Sport), которая преимущественно курирует два направления: строительство спортивной инфраструктуры и развитие спортивного движения [20].

В рамках направления строительства спортивной инфраструктуры (Area Edilizia Sportiva) Дирекция обеспечивает надзор, контроль и мониторинг проектов возведения и реконструкции спортивных сооружений, проводимых в рамках государственно-частного партнерства посредством выездных инспекций и осмотра спортивных сооружений на территории указанных объектов [10]. Кроме того Дирекция осуществляет:

- координацию взаимодействия с компетентными органами городского планирования в целях соблюдения норм и правил и всех технических аспектов планов городского планирования, включающих возведение новых спортивных сооружений;

- разработку подходов к управлению сетью спортивных сооружений в соответствии с целями устойчивого развития, а также текущей конфигурацией территории муниципалитета и его потребностями;

- подготовку и управление планами работ по строительству новых и реконструкции существующих спортивных сооружений в координации с Департаментом строительства [11].

В рамках направления развития спортивного движения Дирекция обеспечивает:

- планирование и проведение мероприятий по развитию массового спорта и привлечению к занятиям спортом различных групп населения при поддержке государственных и частных организаций;

- координацию и мониторинг выполнения задач Администрации, порученных внешним организациям, например, организации «Спорт Милана» (Milanosport), которая находится в ведении Дирекции по вопросам труда, молодежи и спорта.

Спортивная организация «Спорт Милана»

Спортивная организация «Спорт Милана» (Milanosport, Società Sportiva Dilettantistica S.p.A.) была создана в 1992 году Администрацией города Милана в целях обеспечения управления большинством муниципальных спортивных объектов.

На сегодняшний день задачи деятельности организации «Спорт Милана» (Milanosport) выходят за рамки первоначальных задач и включают также организацию и проведение спортивных мероприятий на базе крупных спортивных объектов (например, такими как Allianz Cloud и велотрек Maspes Vigorelli) [28].

В 2024 году в рамках исполнения требований, принятых по результатам государственной спортивной реформы в Италии, организация «Спорт Милана» (Milanosport) привела в соответствие свою организационно-правовую форму и наименование, будучи преобразованной из коммерческой организации в некоммерческую в форме акционерного общества «Milanosport SSD S.p.A.» (Società Sportiva Dilettantistica)[29].

На сегодняшний день организация «Спорт Милана» (Milanosport) является стратегическим партнером по развитию спорта и отдыха не только в городе Милане, но и во всем регионе. Ее миссия основана на четырех основных принципах: обеспечение доступности, инклюзии, устойчивого развития и качества обслуживания.

Организация управляет 25 муниципальными спортивными сооружениями с целью обеспечения благополучия жителей Милана, предлагая им современные спортивные объекты, разнообразные программы и постоянно уделяя внимание качеству реализуемых услуг.

Данные об объеме доходов организации «Спорт Милана» в виде производственной ценности услуг, предоставляемых данной организацией населению, прибыли до вычета расходов и налогов, а также чистой прибыли за период с 2024 по 2026 гг. представлены в таблице 1 [19].

Таблица 1.

Данные о доходах организации «Спорт Милана» за период с 2024 по 2026 гг.
Table 1. Revenue data for the "Sport Milan" organization for the period from 2024 to 2026.

Наименование доходов организации «Спорт Милана»	**2024 (в евро)**	**2025 (в евро)**	**2026 (в евро)**
Производственная ценность услуг	22,5 млн	24,0 млн	24,3 млн
Прибыль до вычета расходов и налогов	2,9 млн	3,4 млн	3,6 млн
Чистая прибыль	0,416 млн	0,139 млн	0,054 млн

Согласно данным, представленным в таблице 1, в 2024 году производственная ценность услуг, предоставляемых организацией «Спорт Милана» (Milanosport), составила 22,5 млн евро; прибыль до вычета расходов и налогов – 2,9 млн евро; чистая прибыль – 416 тыс. евро. Производственной ценностью является совокупность характеристик и параметров, которые определяют полезность и значимость услуги для потребителя, а также влияют на его восприятие и готовность платить за неё.

В 2025 году аналогичный показатель составил 24 млн евро; прибыль до вычета расходов и налогов 3,4 млн евро, чистая прибыль 139 тыс. евро, соответственно [19].

В 2026 году, как ожидается в плане, показатели составят – 24,3 млн евро, 3,6 млн евро, 54 тыс. евро, соответственно [19].

Следует отметить, что организация «Спорт Милана» (Milanosport), являясь некоммерческой организацией, вправе осуществлять деятельность, приносящую доход, только в рамках своей основной цели – организации спортивных мероприятий. В целом же совокуп-

ный доход организации складывается преимущественно из средств бюджета муниципалитета, получаемых в рамках ежегодного соглашения, спонсорских взносов, а также коммерческой деятельности в виде реализации билетов и абонементов, спортивных товаров и услуг, сдачи в аренду спортивных объектов и концессий.

Нормативные документы, определяющие развитие сферы спорта

Несмотря на то, что задача по развитию спорта упоминается в Конституции Республики Италия (Статья 33 Конституции гласит, что Республика признает способствующую общему благополучию образовательную, социальную и психологическую ценность спорта во всех его формах [33]), на муниципальном уровне нормативной базы, обеспечивающей развитие сферы спорта, не предусмотрено.

В отсутствие в муниципалитете Милане специального нормативно-правового акта, регулирующего сферу спорта, все вопросы, касающиеся данной области, регламентируются отдельными актами. Так, декларативным документом, признающим значимость спорта, является Хартия ценностей спорта (Carta dei valori per lo sport) [12].

Муниципалитет Милана в рамках своих административных функций по развитию рекреационной и спортивной деятельности, возложенных на него Указом Президента № 616/1977, признавая образовательную и социальную роль спорта, поддерживает принятие основополагающих принципов организации и управления в сфере спорта с целью устранения препятствий для занятий спортом и регулирования деятельности спортивных организаций, позволяя им работать независимо, придерживаясь стандартов надлежащего управления.

В Хартии указывается на образовательный, социальный и культурный характер спорта, который требует от организаторов и руководителей прозрачной деятельности, исключающей любые подозрения или спекуляции, а также укрепляющей и продвигающей представление о спорте как о чистом и справедливом явлении, свободном от непрозрачных интересов, и содействующем инклюзии [34; 35].

Помимо продвижения ценностей спортивного движения в муниципалитете Милана обеспечивается возможность бесплатного использования муниципальных спортивных объектов различными спортивными организациями и клубами в целях обеспечения доступности занятий спортом среди населения.

В этих целях ежегодно Администрация города Миланом заключает соглашение с организацией «Спорт Милана» (Milanosport) на обеспечение управлением спортивными и рекреационными услугами на базе спортивных сооружений в целях популяризации занятий спортом [12].

После того как муниципальная администрация установит социальную значимость предлагаемых инициатив/мероприятий, издается соответствующее распоряжение, разрешающее бесплатное использование спортивным организациям принадлежащих муниципалитету спортивных объектов. При этом все финансовые затраты, возникающие в связи с использованием местной спортивной организацией муниципальных спортивных объектов, принимает на себя муниципалитет.

Таким образом, любая местная спортивная организация, зарегистрированная в городе, может подать заявку на предоставление бесплатного использования муниципального спортивного сооружения для проведения предлагаемых спортивных мероприятий.

В большинстве случаев данные заявки получают одобрение от организации «Спорт Милана». Основанием для отказа в поддержке инициативы муниципалитетом считается:

- подтвержденное отсутствие финансовых ресурсов в рамках бюджета муниципалитета;
- подтвержденная задолженность заявителей перед муниципальной администрацией;
- подтвержденные судебные разбирательства с муниципальной администрацией, характер которых является однозначным свидетельством ненадежности заявителей;
- или подтверждение коммерческого характера деятельности/инициативы, для которой запрашивается бесплатное использование муниципальных спортивных сооружений.

В случае если предлагаемые мероприятия или инициативы в силу своей специфики не позволяют напрямую ссылаться на действующий прейскурант на использование муниципальных спортивных сооружений, сумма расходов, которые Муниципальная администрация намерена взять на себя вместо организаторов, должна быть соразмерна расходам на организацию вышеупомянутых мероприятий, как это было предварительно согласовано с руководителями спортивных сооружений, где данные мероприятия должны проводиться.

Программы по привлечению населения к занятиям спортом

Милан по праву считается спортивной столицей Италии. Начиная с весны каждое воскресенье в городе один за другим проводятся марафоны, в которых участвуют до 5000 человек. С одной стороны, данные мероприятия повышают популярность занятий спором, с другой стороны – поддерживают туристическую индустрию города.

Статистика показывает, что популярность марафонов в Италии растет, увеличившись на 25% за последние пять лет [22]. Это связано с увеличением числа реализуемых инициатив: ежегодно в городе проводится более 1200 забегов. При этом каждое мероприятие привлекает в среднем не менее 3000 участников.

Каждый апрель Милан проводит Миланский городской марафон (La Milano City Marathon) – традиционное масштабное событие, участие в котором принимают не только жители Милана и других городов Италии, но и граждане других стран.

По данным на 2026 г., в марафоне приняли участие 10 254 зарегистрированных спортсмена, 103 благотворительные организации, более 2000 волонтеров вдоль всего маршрута. По итогу проведения мероприятия было собрано около 2,1 млн евро в виде добровольных пожертвований, которые были направлены на благотворительные цели [27].

Миланский городской марафон берет свое начало в 2000 году. Участие тогда в нем принимали менее 2000 человек, а маршрут был небольшим по дистанции. В то время марафон проводился осенью

и с трудом закреплялся в международном календаре спортивных мероприятий.

Однако с 2010 года организаторы перенесли дату на апрель, стремясь к более стабильным погодным условиям. Тогда же зародилась идея сделать его благотворительным, что по сей день является одной из отличительных черт мероприятия. Изменения принесли свои плоды: сегодня марафон включен в официальный календарь Всемирной легкоатлетической ассоциации (World Athletics) и привлекает как лучших профессиональных бегунов, так и тысячи любителей со всего мира.

Число участников также неуклонно росло: если в 2011 году число спортсменов составляло около 5000, то в 2024 году – участвовали уже 8547 бегунов, а в 2026 году был установлен новый рекорд – 10254 участника.

Марафон привлекает и большое число спонсоров, наиболее крупными из которых являются компании UniCredit и Generali. В результате, будучи признанным международным спортивным событием, он содействует укреплению имиджа Милана как спортивной столицы Италии.

Финансирование сферы спорта

Вопросы финансирования сферы спорта на официальных ресурсах Администрации города Милана опубликованы лишь частично и только за прошедшие периоды. Так, одним из документов является плановый акт о финансировании спорта из бюджета муниципалитета на период 2022-2025 гг.

Так, согласно опубликованной информации муниципалитета Милана, расходы бюджета города на развитие сферы спорта в указанный период включают ряд статей, что представлено в таблице 2 [19].

Исходя из данных, представленных в таблице 2, следует отметить, что основные расходы муниципалитета на развитие сферы спорта складываются из компенсации коммунальных услуг, выплат организации «Спорт Милана» (Milanosport) и обслуживание спортивных объектов и спортивных мероприятий: из них коммунальные расходы увеличиваются, также как и стоимость взаимодействия с

организацией «Спорт Милана» (Milanosport). При этом если специализированное техническое обслуживание объектов выросло в 5 раз, а текущее техническое обслуживание, наоборот, в расходах снизилось, то стоимость, заложенная на услуги по уборке территории, осталась примерно на том же уровне в течение 2022-2025 гг.

Таблица 2.

Данные о финансировании спорта из средств муниципального бюджета на период 2022-2025 гг.

Table 2. Data on municipal budget funding for sports for the 2022–2025 period.

Спортивные объекты муниципалитета	**Спрогнозированные расходы на 2022 год (в евро)**	**Спрогнозированные расходы на 2023 год (в евро)**	**Спрогнозированные расходы на 2024 год (в евро)**	**Спрогнозированные расходы на 2025 год (в евро)**
Содержание спортивных объектов школ в городе (коммунальные услуги и сборы)	1 500 000	1 600 000	1 800 000	1 800 000
Стоимость контракта с организацией «Спорт Милана»	5 850 000	6 270 000	6 345 000	6 670 000
Дополнительная плата за использование объектов организации «Спорт Милана»	20 000	20 000	20 000	20 000
Профессиональные и специализированные услуги (технические работы и обеспечение безопасности на объектах)	250 000	100 000	100 000	1 300 000
Регулярное техническое обслуживание сооружений	140 000	140 000	100 000	100 000
Мероприятия по уборке уличных пространств и спортивных объектов во время спортивных событий (осуществляются городской организацией, обеспечивающей уборку уличных пространств и утилизацию отходов (Azienda Milanese Servizi Ambientali)	220 000	220 000	250 000	250 000
Итого	7980000	8350000	8615000	10140000

Следует отметить, что информации о выделении бюджетных средств на развитие сферы спорта на предстоящий финансовый период на сайте Администрации города Милана на момент исследования не представлено, что не позволяет сделать вывод о динамике ее изменения в текущий период.

Выводы

Модель муниципального управления в сфере физической культуры и спорта Италии представляет собой систему, в которой решающее значение имеет партнерство муниципальных органов управления, ответственных за развитие сферы спорта, с общественными спортивными организациями в целях обеспечения эффективного развития спортивной отрасли на местах в соответствии с государственной политикой развития в данной сфере.

Ключевой организацией, реализующей политику по развитию спорта на местном уровне, является организация «Спорт Милана» (Milanosport), с которой Администрация муниципалитета ежегодно заключает контракт на управление спортивными объектами, предусматривая в своем бюджете специальное финансирование на эти цели.

Структуру органов управления в сфере спорта Милана составляют Комиссия Олимпийских и Паралимпийских игр в Милане-Кортина 2026 и Комиссия по спорту, туризму, молодежной политике и благополучию населения, которые входят в Муниципальный совет, и также Дирекция по вопросам труда, молодежи и спорта, входящая в Администрацию города, в чьем ведении находится курирование деятельности организации «Спорт Милана» (Milanosport), а также другие вопросы в сфере спорта.

В результате, можно заключить, что на муниципальном уровне в Милане сложилась система управления в сфере физической культуры и спорта, основу которой составляют органы власти и организация «Спорт Милана», финансируемая муниципалитетом и фактически выполняющая основные функции по реализации спортивных программ, поддержке местных спортивных организаций и управлению муниципальными спортивными объектами. Данная система во многом является отражением модели управления в сфере физической активности и спорта, сложившейся на республиканском уровне, что свидетельствует о единообразном подходе к управлению данной сферой на государственном и муниципальном уровнях в сфере спорта Италии.

Информация о спонсорстве. Работа выполнена в рамках государственного задания ФГБУ ФНЦ ВНИИФК № 777-00021-26 (тема № 001-26/2).

Список литературы

1. Гридина, Н. А. (2016). Государственное управление сферой физической культуры и спорта в зарубежных странах. *Менеджер. Вестник ДонГУУ*, (1), 30–35. EDN: https://elibrary.ru/VWXUEX
2. Долматова, Т. В. (2020). Особенности регулирования в сфере физической активности и спорта на муниципальном уровне в Канаде. *Спорт: экономика, право, управление*, (3), 21–24. EDN: https://elibrary.ru/VZAAST
3. Долматова, Т. В., Дедова, Е. В. (2024). Особенности управления в сфере физической культуры и спорта на муниципальном уровне в Бразилии. *Спорт: экономика, право, управление*, (4), 32–36. https://doi.org/10.18572/2070-2175-2024-4-32-36 EDN: https://elibrary.ru/UUOFDY
4. Долматова, Т. В., Дедова, Е. В. (2025). Особенности управления в сфере физической культуры и спорта на региональном и муниципальном уровнях в Нидерландах. *Вестник спортивной науки*, (6), 55–59. EDN: https://elibrary.ru/PMUHST
5. Долматова, Т. В., Зубкова, А. В., Селезнева, Е. А., Пухов, Д. Н. (2019). Организация физической активности и массового спорта на уровне местного самоуправления: сравнительный анализ зарубежного опыта. *Теория и практика физической культуры*, (12), 53–55. EDN: https://elibrary.ru/APZMYC
6. Нагорнова, Л. Е. (2019). Опыт успешной культурной коммуникации через спортивные бренд-сообщества (на примере России и Италии). *Коммуникология*, *7*(1), 87–98. https://doi.org/10.21453/2311-3065-2019-7-1-87-98 EDN: https://elibrary.ru/AMLFVF
7. Понкин, И. В., Соловьев, А. А., Понкина, А. И. (2014). Первые законодательные акты о спорте в зарубежных государствах. *Теория и практика физической культуры*, (5), 35–38.
8. Соловьев, А. А. (2011). *Итальянская модель систематизации спортивной регламентации* / Комиссия по спортивному праву Ассоциации юристов России. М., 115 с. ISBN: 978-5-4253-0208-3. EDN: https://elibrary.ru/ZCENUF
9. Шестак, В. А., Халикова, Л. Р. (2020). Перспективы применения уголовной ответственности за нарушение антидопингового законодательства в Италии. *Образование и право*, (8), 341–345.
10. Area Edilizia Sportiva - Comune di Milano. URL: https://www2.comune.milano.it/comune/amministrazione-trasparente/organizzazione/articolazione-degli-uffici/organigramma/direzione-lavoro-giovani-e-sport/area-edilizia-sportiva (дата обращения 03.02.2026).

11. Area Sport - Comune di Milano. URL: https://www2.comune.milano.it/comune/amministrazione-trasparente/organizzazione/articolazione-degli-uffici/organigramma/direzione-lavoro-giovani-e-sport/area-sport-e-attrattivita (дата обращения 03.02.2026).
12. Comune di Milano. Commissione Sport, Turismo, Politiche Giovanili e Politiche per il Benessere. Carta dei valori per lo sport. URL: https://www2.comune.milano.it/comune/palazzo-marino/le-commissioni-consiliari/commissioni/commissione-sport-turismo-politiche-giovanili-e-politiche-per-il-benessere (дата обращения 19.02.2026).
13. Comune di Milano (MI) - CAP, dati, popolazione e amministrazione. URL: https://www.tuttitalia.it/lombardia/18-milano/ (дата обращения 19.02.2026).
14. Comune di Milano. Il Consiglio Comunale. URL: https://www2.comune.milano.it/comune/palazzo-marino/il-consiglio-comunale-di-milano#navpageinside (дата обращения 19.02.2026).
15. Comune di Milano. La Giunta Comunale. URL: https://www2.comune.milano.it/comune/palazzo-marino/la-giunta#navpageinside (дата обращения 19.02.2026).
16. Comune di Milano. Le Commissioni-consiliari. URL: https://www2.comune.milano.it/comune/palazzo-marino/le-commissioni-consiliari/commissioni/commissione-sport-turismo-politiche-giovanili-e-politiche-per-il-benessere (дата обращения 19.02.2026).
17. Comune di Milano. Le Commissione. Legacy. URL: https://www2.comune.milano.it/comune/palazzo-marino/le-commissioni-consiliari/commissioni/commissione-olimpiadi-e-paralimpiadi-milano-cortina-2026-legacy (дата обращения 22.02.2026).
18. Comune di Milano. Le Commissione. Navpageinside. URL: https://www2.comune.milano.it/comune/palazzo-marino/le-commissioni-consiliari#navpageinside (дата обращения 19.02.2026).
19. Comune di Milano. Milanosport 2024-2026. URL: https://www2.comune.milano.it/documents/20126/340516014/Milanosport_Commissione+Consiliare_06+maggio+2026.pdf/ab155589-9e68-91f9-3b00-261a8d4870b9?t=1778142910945 (дата обращения 06.03.2026).
20. Direzione Lavoro Giovani e Sport - Comune di Milano. URL: https://www2.comune.milano.it/comune/amministrazione-trasparente/organizzazione/articolazione-degli-uffici/organigramma/direzione-lavoro-giovani-e-sport.
21. Hamil, S., Morrow, S., Idle, C., Rossi, G., & Faccendini, S. (2010). The governance and regulation of Italian football. *Soccer & Society*, *11*(4), 373–413. https://doi.org/10.1080/14660971003780297
22. Il ruolo dell'atletica nella cultura sportiva urbana. URL: https://milanocitymarathon.it/cultura-sportiva-urbana.html (дата обращения 06.03.2026).
23. Lovecchio, N. (2024). Sports in the Italian Constitution: A beginning that must take shape for a sports welfare system. *Formazione & Insegnamento*, *22*(S1), 12–17.

24. Lubrano, E. (2021). The exclusive jurisdiction of the administrative courts on the sporting legal system: Rationale, features and limits. *Italian Journal of Public Law*, *13*(1), 277–313.
25. Manfredi, G. (2011). *The state system and the sports system in Italy: Legal pluralism and international law. Relations between the state system and the sports system* (доклад, 2 декабря 2011 г.). Florence.
26. Manzari, A., Savio, R., & Marandola, M. (2024). The impact of corporate governance on financial performance in professional football clubs: The case of Italian Serie A. *International Journal of Business and Management*, *19*(1), 173–184. https://doi.org/10.5539/ijbm.v19n1p173 EDN: https://elibrary.ru/NTYXRG
27. Milano City Marathon. URL: https://milanocitymarathon.it/ (дата обр. 24.04.2026).
28. Milanosport. Istituzionale. URL: https://www.milanosport.it/istituzionali/istituzionale/ (дата обращения 26.04.2026).
29. Milanosport. Trasparenza. URL: https://www.milanosport.it/istituzionali/trasparenza/ (дата обращения 26.04.2026).
30. Olympics. Milano Cortina 2026 Olympic Winter Games a global success - 2.6 billion people followed the Games. URL: https://www.olympics.com/ioc/news/milano-cortina-2026-olympic-winter-games-a-global-success-2-6-billion-people-followed-the-games (дата обращения 26.04.2026).
31. Rossi, M., Thrassou, A., & Vrontis, D. (2013). Football performance and strategic choices in Italy and beyond. *International Journal of Organizational Analysis*, *21*(4), 546–564. https://doi.org/10.1108/IJOA-04-2013-0659
32. Ruta, D., Lorenzon, L., & Sironi, E. (2020). The relationship between governance structure and football club performance in Italy and England. *Sport, Business and Management: An International Journal*, *10*(1), 17–37. https://doi.org/10.1108/SBM-10-2018-0081
33. Senato della Republica. La Costituzione. URL: https://www.senato.it/istituzione/la-costituzione/parte-i/titolo-ii/articolo-33 (дата обращения 26.04.2026).
34. Trequattrini, R., Lardo, A., Manzari, A., & Cuozzo, B. (2023). Decision-making biases and human capital employment: An investigation on Italian soccer clubs. *International Journal of Business and Social Science*, *14*(2), 16–32.
35. Varriale, L., & Mazzeo, F. (2019). Gender diversity in sport governance: A portrait of Italy. In *New Challenges in Corporate Governance: Theory and Practice* (pp. 430–434). Naples: University of Naples "Parthenope", Italy, October 3–4, 2019. https://doi.org/10.22495/ncpr_51

References

1. Gridina, N. A. (2016). State governance of physical culture and sports in foreign countries. *Manager. Vestnik of Don State University of Management*, (1), 30–35. EDN: https://elibrary.ru/VWXUEX

2. Dolmatova, T. V. (2020). Features of regulation in the field of physical activity and sports at the municipal level in Canada. *Sports: Economics, Law, Management*, (3), 21–24. EDN: https://elibrary.ru/VZAAST
3. Dolmatova, T. V., & Dedova, E. V. (2024). Features of management in physical culture and sports at the municipal level in Brazil. *Sports: Economics, Law, Management*, (4), 32–36. https://doi.org/10.18572/2070-2175-2024-4-32-36 EDN: https://elibrary.ru/UUOFDY
4. Dolmatova, T. V., & Dedova, E. V. (2025). Features of management in physical culture and sports at the regional and municipal levels in the Netherlands. *Bulletin of Sports Science*, (6), 55–59. EDN: https://elibrary.ru/PMUHST
5. Dolmatova, T. V., Zubkova, A. V., Selezneva, E. A., & Pukhov, D. N. (2019). Organization of physical activity and mass sports at the level of local self-government: A comparative analysis of foreign experience. *Theory and Practice of Physical Culture*, (12), 53–55. EDN: https://elibrary.ru/APZMYC
6. Nagornova, L. E. (2019). The experience of successful cultural communication through sports brand communities (the case of Russia and Italy). *Communicology*, *7*(1), 87–98. https://doi.org/10.21453/2311-3065-2019-7-1-87-98 EDN: https://elibrary.ru/AMLFVF
7. Ponkin, I. V., Soloviev, A. A., & Ponkina, A. I. (2014). The first legislative acts on sports in foreign countries. *Theory and Practice of Physical Culture*, (5), 35–38.
8. Soloviev, A. A. (2011). *The Italian model of systematization of sports regulation* (Commission on Sports Law of the Association of Russian Lawyers). Moscow, 115 p. ISBN: 978-5-4253-0208-3. EDN: https://elibrary.ru/ZCENUF
9. Shestak, V. A., & Khalikova, L. R. (2020). Prospects for applying criminal liability for violations of anti-doping legislation in Italy. *Education and Law*, (8), 341–345.
10. Area Edilizia Sportiva - Comune di Milano. Retrieved February 3, 2026, from https://www2.comune.milano.it/comune/amministrazione-trasparente/organizzazione/articolazione-degli-uffici/organigramma/direzione-lavoro-giovani-e-sport/area-edilizia-sportiva
11. Area Sport - Comune di Milano. Retrieved February 3, 2026, from https://www2.comune.milano.it/comune/amministrazione-trasparente/organizzazione/articolazione-degli-uffici/organigramma/direzione-lavoro-giovani-e-sport/area-sport-e-attrattivita
12. Comune di Milano. Commissione Sport, Turismo, Politiche Giovanili e Politiche per il Benessere. Carta dei valori per lo sport. Retrieved February 19, 2026, from https://www2.comune.milano.it/comune/palazzo-marino/le-commissioni-consiliari/commissioni/commissione-sport-turismo-politiche-giovanili-e-politiche-per-il-benessere
13. Comune di Milano (MI) - CAP, dati, popolazione e amministrazione. Retrieved February 19, 2026, from https://www.tuttitalia.it/lombardia/18-milano/
14. Comune di Milano. Il Consiglio Comunale. Retrieved February 19, 2026, from https://www2.comune.milano.it/comune/palazzo-marino/il-consiglio-comunale-di-milano#navpageinside
15. Comune di Milano. La Giunta Comunale. Retrieved February 19, 2026, from https://www2.comune.milano.it/comune/palazzo-marino/la-giunta#navpageinside

16. Comune di Milano. Le Commissioni-consiliari. Retrieved February 19, 2026, from https://www2.comune.milano.it/comune/palazzo-marino/le-commissioni-consiliari/commissioni/commissione-sport-turismo-politiche-giovanili-e-politiche-per-il-benessere
17. Comune di Milano. Le Commissione. Legacy. Retrieved February 22, 2026, from https://www2.comune.milano.it/comune/palazzo-marino/le-commissioni-consiliari/commissioni/commissione-olimpiadi-e-paralimpiadi-milano-cortina-2026-legacy
18. Comune di Milano. Le Commissione. Navpageinside. Retrieved February 19, 2026, from https://www2.comune.milano.it/comune/palazzo-marino/le-commissioni-consiliari#navpageinside
19. Comune di Milano. Milanosport 2024-2026. Retrieved March 6, 2026, from https://www2.comune.milano.it/documents/20126/340516014/Milanosport_Commissione+Consiliare_06+maggio+2026.pdf/ab155589-9e68-91f9-3b00-261a8d-4870b9?t=1778142910945
20. Direzione Lavoro Giovani e Sport - Comune di Milano. Retrieved from https://www2.comune.milano.it/comune/amministrazione-trasparente/organizzazione/articolazione-degli-uffici/organigramma/direzione-lavoro-giovani-e-sport
21. Hamil, S., Morrow, S., Idle, C., Rossi, G., & Faccendini, S. (2010). The governance and regulation of Italian football. *Soccer & Society*, *11*(4), 373–413. https://doi.org/10.1080/14660971003780297
22. Il ruolo dell'atletica nella cultura sportiva urbana. Retrieved March 6, 2026, from https://milanocitymarathon.it/cultura-sportiva-urbana.html
23. Lovecchio, N. (2024). Sports in the Italian Constitution: A beginning that must take shape for a sports welfare system. *Formazione & Insegnamento*, *22*(S1), 12–17.
24. Lubrano, E. (2021). The exclusive jurisdiction of the administrative courts on the sporting legal system: Rationale, features and limits. *Italian Journal of Public Law*, *13*(1), 277–313.
25. Manfredi, G. (2011). *The state system and the sports system in Italy: Legal pluralism and international law. Relations between the state system and the sports system* (conference paper, December 2, 2011). Florence.
26. Manzari, A., Savio, R., & Marandola, M. (2024). The impact of corporate governance on financial performance in professional football clubs: The case of Italian Serie A. *International Journal of Business and Management*, *19*(1), 173–184. https://doi.org/10.5539/ijbm.v19n1p173 EDN: https://elibrary.ru/NTYXRG
27. Milano City Marathon. Retrieved April 24, 2026, from https://milanocitymarathon.it/
28. Milanosport. Istituzionale. Retrieved April 26, 2026, from https://www.milanosport.it/istituzionali/istituzionale/
29. Milanosport. Trasparenza. Retrieved April 26, 2026, from https://www.milanosport.it/istituzionali/trasparenza/
30. Olympics. Milano Cortina 2026 Olympic Winter Games a global success - 2.6 billion people followed the Games. Retrieved April 26, 2026, from https://www.olympics.

com/ioc/news/milano-cortina-2026-olympic-winter-games-a-global-success-2-6-billion-people-followed-the-games

31. Rossi, M., Thrassou, A., & Vrontis, D. (2013). Football performance and strategic choices in Italy and beyond. *International Journal of Organizational Analysis*, *21*(4), 546–564. https://doi.org/10.1108/IJOA-04-2013-0659
32. Ruta, D., Lorenzon, L., & Sironi, E. (2020). The relationship between governance structure and football club performance in Italy and England. *Sport, Business and Management: An International Journal*, *10*(1), 17–37. https://doi.org/10.1108/SBM-10-2018-0081
33. Senato della Republica. La Costituzione. Retrieved April 26, 2026, from https://www.senato.it/istituzione/la-costituzione/parte-i/titolo-ii/articolo-33
34. Trequattrini, R., Lardo, A., Manzari, A., & Cuozzo, B. (2023). Decision-making biases and human capital employment: An investigation on Italian soccer clubs. *International Journal of Business and Social Science*, *14*(2), 16–32.
35. Varriale, L., & Mazzeo, F. (2019). Gender diversity in sport governance: A portrait of Italy. In *New Challenges in Corporate Governance: Theory and Practice* (pp. 430–434). Naples: University of Naples "Parthenope", Italy, October 3–4, 2019. https://doi.org/10.22495/ncpr_51

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Долматова Тамара Владимировна, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, лаборатория исследования проблем государственного управления системой физической культуры и спорта Национального центра спорта
Федеральное государственное бюджетное учреждение «Федеральный научный центр физической культуры и спорта»
Елизаветинский переулок, 10, стр. 1, г. Москва, 105005, Российская Федерация
dolmatova.t.v@vniifk.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Tamara V. Dolmatova, PhD (Political Sciences), Leading researcher, Laboratory for Researching Problems of Public Administration in Physical Culture and Sports, National Sports Centre
Federal Science Center of Physical Culture and Sport
10, Build. 1, Elizavetinsky Lane, Moscow, 105005, Russian Federation
dolmatova.t.v@vniifk.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-3301-2924

Поступила 19.07.2026 Received 19.07.2026
После рецензирования 25.08.2026 Revised 25.08.2026
Принята 02.09.2026 Accepted 02.09.2026

Государственное управление / Public Administration

Научная статья Original article
DOI: 10.12731/2576-9634-2026-10-3-287 **EDN: FUDYDX**
УДК 323.28:343.2

Профилактика терроризма в молодежной среде

С.А. Рябкова, А.П. Бардовская, С.А. Ямандий, Н.А. Бочкова, М.Д. Щеглова
Государственный университет «Дубна», Дубна, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. В последние годы наблюдается усиление экстремистских настроений среди молодежи, что связано с внешним идеологическим воздействием, социально-экономическими проблемами, культурно-поколенческим разладом, возрастающей ролью цифровых технологий. Это способно привести к серьезным последствиям в виде череды террористических актов. Поэтому важно выявить эффективные способы борьбы с радикализацией молодежи и организовать профилактическую работу, ориентированную на предотвращение подобных угроз.

Цель исследования – предложить и проанализировать профилактические меры по противодействию распространению проявлений терроризма в молодежной среде и решению задачи формирования стойкого неприятия идеологии терроризма, что лежит в основе безопасности государства и населения.

Методология проведения исследования. В процессе изучения этой темы использовались общелогические и теоретические методы (анализ, обобщение), эмпирические методы (социологическое исследование), организационные методы (разработка профилактических мероприятий).

Результаты. В ходе исследования мы получили ряд важных результатов. Фактором, способствующим радикализации молодежи, является социальная дезинтеграция на фоне разлада с обществом, что побуждает выявленные в исследовании «группы риска» (молодежь с признаками социальной изоляции, кризисом идентичности и др.) к совершению преступлений террористического характера. На основе социологического исследования с участием 140 респондентов – учащихся 9-11 классов общеобразовательных школ городского округа Дубна Московской области – предложены рекомендации, чтобы перевести выявленную проблему (социальная дезинтеграция как фактор риска) в конкретные шаги – через конкретные форматы работы с моло-

дежью, которые создают условия для формирования у молодых людей устойчивых позитивных жизненных ориентиров и навыков сопротивления манипуляциям. Речь идет о профильных добровольческих объединениях в рамках проводимой государственной молодежной политики по активному вовлечению молодежи в общественную деятельность. Данная мера служит психолого-профилактическим основанием отвлечения молодежи от терроризма, предлагая положительные ценности любви, патриотизма и заботы о людях, вместо негативных, которые зачастую используют не дружественные России страны как способ манипуляции молодыми людьми.

Область применения результатов. Результаты исследования имеют практическую ценность для повышения эффективности работы по профилактике терроризма, формирования у молодежи устойчивых антитеррористических установок и снижения рисков вовлечения ее в деструктивные явления.

Ключевые слова: современный терроризм; террористическая деятельность; молодежь; профилактика терроризма; антитеррористическое мировоззрение

Для цитирования. Рябкова, С. А., Бардовская, А. П., Ямандий, С. А., Бочкова, Н. А., & Щеглова, М. Д. (2026). Профилактика терроризма в молодежной среде. *Russian Studies in Law and Politics / Российские исследования. Право и политика*, *10*(3), 121-136. https://doi.org/10.12731/2576-9634-2026-10-3-287

Prevention of terrorism among youth

S.A. Ryabkova, A.P. Bardovskaya, S.A. Yamandiy,
N.A. Bochkova, M.D. Shcheglova
Dubna State University, Dubna, Russian Federation

Abstract

Background. In recent years, there has been a rise in extremist sentiments among young people, which is linked to external ideological influence, socio-economic problems, cultural and generational discord, and the growing role of digital technologies. This can lead to serious consequences in the form of a series of terrorist acts. Therefore, it is important to identify effective ways to combat the radicalization of young people and to organize preventive work aimed at preventing such threats.

Purpose – to propose and analyze preventive measures to counteract the spread of terrorist manifestations among young people and to address the task of fostering a strong aversion to the ideology of terrorism, which is fundamental to the security of the state and its population.

Methodology. In the process of studying this topic, general logical and theoretical methods (analysis, generalization), empirical methods (sociological research), and organizational methods (development of preventive measures) were used.

Results. During the study, we obtained a number of important results. A factor contributing to the radicalization of young people is social disintegration against the backdrop of a breakdown with society, which prompts the "risk groups" identified in the study (young people exhibiting signs of social isolation, identity crisis, etc.) to commit crimes of a terrorist nature. Based on a sociological study involving 140 respondents – students in grades 9-11 at secondary schools in the Dubna urban district of the Moscow Region – recommendations are proposed to translate the identified problem (social disintegration as a risk factor) into concrete steps, through specific formats of work with young people that create conditions for the development of stable, positive life orientations and skills to resist manipulation among young people. We are talking about specialized volunteer associations within the framework of the state youth policy aimed at actively involving young people in public activities. This measure serves as a psychological and preventive basis for diverting young people from terrorism, offering positive values such as love, patriotism, and concern for people, instead of the negative ones that are often used by countries that are not friendly to Russia as a way to manipulate young people.

Practical implications. The research findings have practical value for improving the effectiveness of efforts to prevent terrorism, fostering stable anti-terrorist attitudes among young people, and reducing the risks of involvement in destructive phenomena.

Keywords: modern terrorism; terrorist activity; youth; terrorism prevention; anti-terrorist mindset

For citation. Ryabkova, S. A., Bardovskaya, A. P., Yamandiy, S. A., Bochkova, N. A., & Shcheglova, M. D. (2026). Prevention of terrorism among youth. *Russian Studies in Law and Politics*, *10*(3), 121-136. https://doi.org/10.12731/2576-9634-2026-10-3-287

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что в последнее время возросло количество террористических актов со стороны молодежи, которые подрывают безопасность государства [13]. При этом в обществе преобладает взгляд на эту проблему, который рассматривает молодежный терроризм как «следствие деятельности террористов, попавших под влияние вражеских идеологов» [1, с. 10]. Однако молодежный терроризм – многоаспектное явление, вследствие чего невозможно полагаться исключительно на политический фактор в виде действий враждебных России сил как на главенствующий для объяснения причин участия молодежи в террористических актах [4]. Исследователи изучают политико-экономические, социальные, информационные, культурные, психологические, моральные

ные и другие факторы, влияющие на вовлеченность молодых людей в террористическую деятельность, в числе которых – изменение структуры российского общества, его стремительное расслоение по социальному и материальному положению, проблема атомизации общества, влияние цифровой среды, тотальная захваченность молодежи виртуальной реальностью, негативная трансформация ее ценностных ориентиров, подверженность манипулятивному влиянию и некритическому восприятию негативной информации, низкий уровень уважения к традициям, сформировавшимся в российском обществе, и др. [8; 12; 13; 16; 17]. Обобщив, можно сказать, что «главный фактор – это социальная среда, в которой живет и формируется подрастающее поколение» [12].

Мы склонны считать, что идеология насилия и террористическая деятельность в различных формах, которые включает в себя терроризм, являются следствием «личностной деструкции носителей террористического мировоззрения», «их к морально-нравственной деградации и саморазрушения личности» [10, с. 125]. И с этой точки зрения профилактика терроризма как метод решения данной проблемы «изнутри» предполагает активную деятельность, направленную на устранение самой причины к совершению преступного действия.

Для достижения поставленной цели нужно выполнить следующие *задачи*:

1) проанализировать образ террориста как социально-дезинтегрированной личности;

2) на основании полученных эмпирических материалов выявить основные факторы вовлечения молодежи в террористическую деятельность;

3) предложить рекомендации по профилактике терроризма с помощью рычагов государственного управления.

Материалы и методы

Для выполнения намеченной работы были использованы теоретические и общелогические методы (анализ и обобщение исследований по проблеме терроризма и методам ее профилактики, нормативно-правовых актов, статистических данных), эмпирические

методы (анкетирование учащихся 9-11 классов общеобразовательных школ), организационные методы – разработка мероприятий по профилактике терроризма в молодежной среде.

Результаты и обсуждение

Согласно федеральному закону от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [15] терроризмом считается деятельность, которая направлена на разрушение основ социальной стабильности, дестабилизацию работы органов власти, запугивание населения и создание атмосферы страха и неуверенности в обществе. Из данного определения вытекает антиобщественный, деструктивный характер террористической деятельности. Методы террористической деятельности – насилие, устрашение, создание паники – ведут к деградации общественных отношений, ослаблению социальных институтов и утрате ценностных ориентиров, выполняют дезинтегрирующую функцию в обществе [9]. Здесь и следует рассмотреть внимательнее проблему и в то же время возможность решения данной проблемы в практике профилактической работы по предотвращению террористической деятельности со стороны молодежи.

Согласно «Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года» [11] главным приоритетом для государства является формирование патриотических, гуманных ценностей у молодого человека – «становление и развитие патриотически настроенного, высоконравственного и ответственного поколения российских граждан», с чем связывается реализация различных мер, способствующих утверждению чувства единства конкретного молодого человека и всего общества, чувства ответственности не только за свою жизнь, но и за жизнь своей семьи и страны в целом, которое возникает на стыке личной идентичности и осознания своей причастности к жизни социума и проявляется как ощущение неразрывной связи и общей ответственности за будущее. Другими словами, данная стратегия ставит основную задачу, связанную с формированием проактивной, созидающей, осознанно встроенной в социальную ткань личности.

«Стратегия реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года» ставит задачу создать условия, при которых у молодых людей есть возможности для успешной социализации, самореализации и активного участия в жизни страны через разнообразные механизмы: вовлечение в социальную практику, формирование ценностных ориентиров, помощь в профессиональном самоопределении и трудоустройстве и др. Государство не просто «включает» человека в общественные процессы, а выстраивает систему поддержки, которая помогает преодолеть барьеры и раскрыть потенциал. Речь именно об «интеграции человека и общества» – системном подходе: создать «мост» между возможностями общества и потребностями, вызовами молодого человека, чтобы он чувствовал себя в нем своим и мог эффективно в нем функционировать.

Именно за счет интегрирующего характера современной политики возможна успешная профилактика терроризма молодежи как дезинтегрирующего явления. Дезинтеграция с обществом (социальной средой) служит коренной причиной вовлечения молодых людей в террористическую деятельность. Дезинтеграция человека с обществом (разрыв или ослабление связей между личностью и социальной средой) создает внутри такого человека чувство уязвимости и непонимания со стороны окружения, ощущение пустоты и беспомощности. Человек не чувствует себя «своим», не разделяет общие нормы и ценности, из-за чего возникает ощущение настороженности, страха по отношению к другим людям как потенциально опасным для него самого. Это, как правило, связано со сложными отношениями со сверстниками и в семье (отсутствие родительской любви, заботы и внимания, стремление к самостоятельности и преодолению зависимости от взрослых, несоответствие между восприятием образа себя и реальной действительности, склонность к самоутверждению и рискованному поведению и др.). Это разочарование приводит к «поиску альтернатив» в виде различных социальных групп, которые в свою очередь манипулируют этими чувствами, направляя их против общества и страны. Иными словами, участие молодых людей в террористической деятельности обусловлено «комплексным воз-

действием негативных социальных и психологических факторов на социально незрелую личность, которые усугубляются возрастной спецификой социального развития личности, и сопровождается возникновением кризиса в формировании духовно-нравственного сознания, ценностей, идеалов, установок, мировоззрения, гражданских позиций личности, не до конца сформированных ценностных ориентаций личности» [7].

Таким образом, проблема терроризма в молодежной среде, на наш взгляд, представляет собой следствие дезинтеграции конкретного человека, с одной стороны, и общества – с другой, которая может повлечь за собой совершение террористического акта как отрицательной формы возврата идентичности. Возврат идентичности является в этом случае коренной причиной террористической деятельности, поскольку связан с ощущением чувства собственного достоинства, сострадания к самому себе [3].

Это находит отражение и в зарубежных исследованиях, посвященных радикализации молодежи. Так, например, в Австралии, так же, как и в России, вовлечение в террористическую деятельность связывают с необходимостью достигнуть возврата идентичности [20], в Испании – с восстановлением достоинства, потерянного из-за тяжелой социально-экономической жизни [21].

Анализируя молодежный терроризм с целью установить образ уязвимого для экстремизма человека, зарубежные исследователи выдвигают теорию «изменяющих жизнь событий» [18], главное утверждение которой состоит в том, что террористом становится человек, который вырос в тяжелых условиях (семейных, политических, социально-экономических и т.д.), а негативные эмоции только «подточили» его взгляд на эти события как на несправедливые, что подтолкнуло его к манипуляторам из радикально настроенных групп [19].

Имея это в виду, следует информировать молодых людей не только о терроризме как об общественно опасной деятельности и ответственности за нее, но и как о следствии пережитых потрясений самого совершившего террористический акт, которые были на-

столько большими, что выразились в крайних формах [1]. Данная переориентация направлена на понимание предпосылок, толкнувших человека на совершение террористического акта, чтобы дать возможность людям увидеть не только преступление, но и трагедию, которая к нему привела [5].

Для исследования отношения молодежи к терроризму и его причинам был проведен опрос школьников 9-11 классов, обучающихся в общеобразовательных школах городского округа Дубна Московской области. В исследовании приняли участие 140 школьников, из которых 46% – девушки, 54% – юноши. Возрастной диапазон респондентов – от 15 до 17 лет включительно. Опрос был построен таким образом, чтобы фиксировать не только формально-правовое, но и морально-психологическое отношение к этому явлению.

На вопрос: «Зависит ли ваше отношение к террористу от его личности?» 42,9% респондентов ответили отрицательно. Это, на наш взгляд, может быть связано с тем, что данное преступление является общественно опасным, угрожающим жизням многих людей. 28,6% респондентов ответили положительно, полагая, что личность действительно важна в связи с необходимостью понять, почему человек совершил такое преступление. 28,5% респондентов затруднились ответить на данный вопрос – это возможно связано с тем, что при оценке личности террориста респонденты прежде всего обращают внимание на причины, заставившие человека совершить теракт.

Следующий вопрос звучит так: «Кем в большей степени являются террористы – людьми, действующими неосознанно, или людьми, осознанно идущими на преступление?». В данном случае под осознанным/неосознанным выбором понимается, прежде всего, осмысленность, продуманность решения совершить тяжкое преступление, чтобы установить тот уровень морального сознания, который был у человека в момент принятия такого решения. Половина участвующих в опросе школьников (50%) считают, что человек, который решил совершить террористический акт, отдавал себе отчет в том, почему он это делает и с какой целью. Террористы – «антисоциальные личности» – не относятся к категории людей с психическими

расстройствами и отклонениями, они вполне осознанно идут на террористические акты. 28,5% участвующих в опросе полагают, что человек, который решил совершить террористический акт, действует неосознанно, то есть совершает поступки, не контролируемые сознанием, без ясного понимания своих мотивов, целей и последствий, поскольку крайне сложно представить человека, который может без угрызений совести совершить такое деяние. 21,5% респондентов затруднились ответить на вопрос, что может означать сложность оценки людей, решившихся на террористическое преступление, в силу морально-нравственного и ценностного подхода к совершению преступления [16].

Полученные результаты позволяют говорить о том, что часть участвующих в опросе молодых людей считают, что именно те поступки, которые человек совершает, и являются надежными индикаторами состояния его внутреннего мира.

Ключевым в данном исследовании является вопрос: «Каковы основные причины распространения терроризма среди молодых людей?», при ответе на который можно было выбрать несколько вариантов ответов.

Основными причинами распространения терроризма, по мнению респондентов, служит желание человека почувствовать силу и власть (85,7%), стремление выделиться в кругу сверстников (более 60%), нежелание соблюдать какие-либо нормы, презрение к ним (50%), зависть к сверстникам из обеспеченных семей (50%), влияние политических сил религиозной и националистической направленности (42,9%).

Таким образом, молодые люди связывают причины распространения терроризма с психологическими (желание власти), социально-экономическими (зависть, бедность), политико-правовыми (презрение к законам, политическое и религиозное влияние) факторами.

Основываясь на проводимой государственной молодежной политике, выразившейся в создании по инициативе Президента РФ В.В. Путина Российского движения детей и молодежи (РДДМ) «Движение первых» и его отделений в субъектах РФ, необходимо

проводить организационную и воспитательно-профилактическую работу среди учащихся в рамках профильных добровольческих объединений с помощью разнообразных мероприятий, закрепляющих традиционные ценности и т.д. В городе Дубна Московской области организационной базой такой деятельности является волонтерский центр «Инициатива», деятельность которого направлена на реализацию поставленных Президентом РФ задач, которые закреплены в «Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года».

В рамках данного направления профилактической работы следует иметь в виду не только создание «отрицательных» ценностей, выраженных в осуждающем отношении к терроризму, – в противном случае это может привести к одностороннему взгляду на это явление и тех людей, которые совершили данное преступление, – но и формирование положительных ценностей с целью интеграции каждого молодого человека в общество [14].

Рассказывая учащимся о терроризме как об общественно опасном явлении, необходимо обращать внимание на социальные причины его возникновения. Это способствует осознанию каждым человеком своей роли в жизни общества, пониманию того, как его поступки влияют на окружающих и общество в целом, что формирует чувство взаимной ответственности, доверие, осмысление необходимости соблюдать закон и готовность делать это – именно на этом фундаменте строится общественное благополучие и безопасность [6].

Заключение

Подводя итоги, можно сказать, что профилактика современного терроризма среди молодежи должна быть нацелена на преодоление негативных установок, способствующих вовлечению в террористическую деятельность.

Из теоретической базы исследования и представленных результатов опроса учащихся 9-11 классов общеобразовательных школ городского округа Дубна Московской области можно сделать вывод о том, что социальные истоки терроризма имеют своим следствием

дезинтеграцию человека от общества и – в своих крайних проявлениях – враждебное отношение к нему. Решение данного вопроса возможно только на фундаменте традиционно-нравственных ценностей, моральных норм, политических убеждений, чувства патриотизма к Родине, служащих фундаментом единства российского общества и, как следствие, – его безопасности.

Список литературы

1. Ананьева, Н. Н. (2024). Кризис социокультурной идентичности как причина внутриличностного конфликта. *Вестник славянских культур*, *(73)*, 9–17. https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-73-9-17. EDN: https://elibrary.ru/BTFTKT
2. Генпрокурор сообщил о росте числа детей, причастных к терроризму. (2026, 15 апреля). *РИА Новости*. https://ria.ru/20260415/genprokuror-2087150457.html
3. Емелин, В. А. (2010). Терроризм как радикальная реакция на глобальный кризис идентичности. *Национальный психологический журнал*, *2*(4), 47–51. EDN: https://elibrary.ru/NNGGCJ
4. Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 годы (утв. Президентом РФ 30.12.2023 № Пр-2610). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_469046
5. Лыков, Э. Н., Бельский, А. И. (2023). Противодействие терроризму в России и молодежной среде. *Право: история и современность*, *(2)*, 225–231. https://doi.org/10.17277/pravo.2023.02.pp.225-231. EDN: https://elibrary.ru/KYARKK
6. Матвиенко, В. М. (2024). Для борьбы с терроризмом нужны единство и солидарность общества. https://senatinform.ru/news/matvienko_dlya_borby_s_terrorizmom_nuzhny_edinstvo_i_solidarnost_obshchestva
7. Накохова, Р. Р., Ляу, М. М. (2024). Молодежная среда: психологические особенности профилактики экстремизма и терроризма. *Мир науки. Педагогика и психология*, *12*(1). https://mir-nauki.com/PDF/50PSMN124.pdf. EDN: https://elibrary.ru/YZCVHR
8. Новиков, А. В. (2020). Анализ факторов риска возникновения терроризма в России. *Национальная безопасность / Nota bene*, *(2)*, 31–51. https://doi.org/10.7256/2454-0668.2020.2.30184. EDN: https://elibrary.ru/HFKSZY
9. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400. http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046
10. Петухов, В. Б. (2008). Терроризм как форма социокультурной деструктивности. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*, *(3)*, 124–128. EDN: https://elibrary.ru/JVYXBV
11. Распоряжение Правительства РФ от 17.08.2024 № 2233-р «Об утверждении стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на пе-

риод до 2030 года». http://static.government.ru/media/files/jBrmuJi7WMLGBOFtXWhrMIzKFCgIgqO7.pdf
12. Решетников, М. М. (2026, 17 июня). Социально-психологический анализ молодежного терроризма в современной России. *Психологическая газета*. https://psy.su/feed/13798
13. Столярова, А. А. (2023). Особенности террористической и экстремистской деятельности в России. *Актуальные исследования*, *49*(179), 15–19. EDN: https://elibrary.ru/OWTFUB
14. Струганов, С. М., Кугнот, Э. Э., Панова, О. С. (2025). Профилактика распространения экстремизма и терроризма среди молодежи. *Автономия личности*, *3*(36), 12–17. EDN: https://elibrary.ru/JMQIRZ
15. Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840
16. Филонов, А. В. (2018). Социально-экономические и политические причины и условия возникновения терроризма в мире. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского*, *4*(4), 245–256. EDN: https://elibrary.ru/YWMQDB
17. Яковлев, В. В., Чуб, И. С. (2021). Особенности причинного комплекса террористической деятельности на территории Российской Федерации. *Общество и право*, *4*(78), 28–33. EDN: https://elibrary.ru/BGXMEA
18. Barracosa, S., & Cherney, A. (2025). An integrated model for youth radicalisation: Examining the impact of life-course and situational factors. *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*, 1–22. https://doi.org/10.1080/19434472.2025.2554777
19. Cherny, A., De Roy, K., & Williams, R. (2022). A review of empirical evidence on strategies for working with young people who have been radicalized and embarked on the path of violent extremism. *Journal for Deradicalization*, *(33)*, 40–69. https://journals.sfu.ca/jd/index.php/jd/article/view/667/385
20. Christie, C., & Calvin, E. (2024). The alien and the familiar: Ways to involve young people in extremism. Legal activity in Australia. *Perspectives on Terrorism*, *35*(4). https://doi.org/10.46265/perspectivesonterrorism.v35i4.611
21. Vicente, Á. (2023). Social ties and jihadist participation: A mixed-methods approach to the differential recruitment of radicalized youth in Spain. *Terrorism and Political Violence*, *35*(4), 988–1006. https://doi.org/10.1080/09546553.2021.1989415. EDN: https://elibrary.ru/SSEXOI

References

1. Ananyeva, N. N. (2024). The crisis of sociocultural identity as a cause of intrapersonal conflict. *Bulletin of Slavic Cultures*, *(73)*, 9–17. https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-73-9-17. EDN: https://elibrary.ru/BTFTKT

2. Prosecutor General reports an increase in the number of children involved in terrorism. (2026, April 15). *RIA Novosti*. https://ria.ru/20260415/genprokuror-2087150457.html
3. Emelin, V. A. (2010). Terrorism as a radical response to the global identity crisis. *National Psychological Journal*, *2*(4), 47–51. EDN: https://elibrary.ru/NNGGCJ
4. Comprehensive plan to counter the ideology of terrorism in the Russian Federation for 2024–2028 (approved by the President of the Russian Federation on December 30, 2023, No. Pr-2610). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_469046
5. Lykov, E. N., & Belsky, A. I. (2023). Countering terrorism in Russia and among young people. *Law: History and Modernity*, *(2)*, 225–231. https://doi.org/10.17277/pravo.2023.02.pp.225-231. EDN: https://elibrary.ru/KYARKK
6. Matviyenko, V. M. (2024). Fighting terrorism requires the unity and solidarity of society. https://senatinform.ru/news/matvienko_dlya_borby_s_terrorizmom_nuzhny_edinstvo_i_solidarnost_obshchestva
7. Nakokhova, R. R., & Lyau, M. M. (2024). Youth environment: Psychological features of the prevention of extremism and terrorism. *World of Science. Pedagogy and Psychology*, *12*(1). https://mir-nauki.com/PDF/50PSMN124.pdf. EDN: https://elibrary.ru/YZCVHR
8. Novikov, A. V. (2020). Analysis of risk factors for the emergence of terrorism in Russia. *National Security / Nota Bene*, *(2)*, 31–51. https://doi.org/10.7256/2454-0668.2020.2.30184. EDN: https://elibrary.ru/HFKSZY
9. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021, No. 400. http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046
10. Petukhov, V. B. (2008). Terrorism as a form of sociocultural destructiveness. *Proceedings of the Herzen State Pedagogical University of Russia*, *(3)*, 124–128. EDN: https://elibrary.ru/JVYXBV
11. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 2233-r of August 17, 2024, "On approving the Strategy for the implementation of youth policy in the Russian Federation for the period up to 2030." http://static.government.ru/media/files/jBrmuJi7WMLGBOFtXWhrMIzKFCgIgqO7.pdf
12. Reshetnikov, M. M. (2026, June 17). A socio-psychological analysis of youth terrorism in contemporary Russia. *Psychological Gazette*. https://psy.su/feed/13798
13. Stolyarova, A. A. (2023). Specific features of terrorist and extremist activity in Russia. *Current Research*, *49*(179), 15–19. EDN: https://elibrary.ru/OWTFUB
14. Struganov, S. M., Kugnot, E. E., & Panova, O. S. (2025). Prevention of the spread of extremism and terrorism among young people. *Personal Autonomy*, *3*(36), 12–17. EDN: https://elibrary.ru/JMQIRZ
15. Federal Law "On Countering Terrorism" No. 35-FZ of March 6, 2006. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840

16. Filonov, A. V. (2018). Socio-economic and political causes and conditions for the emergence of terrorism in the world. *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University*, *4*(4), 245–256. EDN: https://elibrary.ru/YWMQDB
17. Yakovlev, V. V., & Chub, I. S. (2021). Features of the causal complex of terrorist activity in the territory of the Russian Federation. *Society and Law*, *4*(78), 28–33. EDN: https://elibrary.ru/BGXMEA
18. Barracosa, S., & Cherney, A. (2025). An integrated model for youth radicalisation: Examining the impact of life-course and situational factors. *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*, 1–22. https://doi.org/10.1080/19434472.2025.2554777
19. Cherny, A., De Roy, K., & Williams, R. (2022). A review of empirical evidence on strategies for working with young people who have been radicalized and embarked on the path of violent extremism. *Journal for Deradicalization*, *(33)*, 40–69. https://journals.sfu.ca/jd/index.php/jd/article/view/667/385
20. Christie, C., & Calvin, E. (2024). The alien and the familiar: Ways to involve young people in extremism. Legal activity in Australia. *Perspectives on Terrorism*, *35*(4). https://doi.org/10.46265/perspectivesonterrorism.v35i4.611
21. Vicente, Á. (2023). Social ties and jihadist participation: A mixed-methods approach to the differential recruitment of radicalized youth in Spain. *Terrorism and Political Violence*, *35*(4), 988–1006. https://doi.org/10.1080/09546553.2021.1989415. EDN: https://elibrary.ru/SSEXOI

ВКЛАД АВТОРОВ

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку статьи для публикации.

AUTHOR CONTRIBUTIONS

All authors contributed equally to the preparation of the article for publication.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Рябкова Светлана Александровна, доцент факультета социальных и гуманитарных наук, кандидат политических наук, доцент
Государственный университет «Дубна»
ул. Университетская, 19, г. Дубна, Московская область, 141980, Российская Федерация
rsa1988@yandex.ru

Ямандий Степан Иванович, студент факультета социальных и гуманитарных наук
Государственный университет «Дубна»
ул. Университетская, 19, г. Дубна, Московская область, 141980, Российская Федерация
stepanyamandiy@gmail.com

Бардовская Алина Павловна, магистрант факультета социальных и гуманитарных наук
Государственный университет «Дубна»
ул. Университетская, 19, г. Дубна, Московская область, 141980, Российская Федерация
a_bardovskaya@mail.ru

Бочкова Наталья Александровна, студент Института системного анализа и управления
Государственный университет «Дубна»
ул. Университетская, 19, г. Дубна, Московская область, 141980, Российская Федерация
bochkova-natasha@list.ru

Щеглова Мария Дмитриевна, студент Института системного анализа и управления
Государственный университет «Дубна»
ул. Университетская, 19, г. Дубна, Московская область, 141980, Российская Федерация
mashangel06@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHORS

Svetlana A. Ryabkova, Associate Professor, Faculty of Social Sciences and Humanities, Candidate of Political Science, Associate Professor
Dubna State University
19, Universitetskaya Str., Dubna, Moscow Region, 141980, Russian Federation
rsa1988@yandex.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-4597-0011

Stepan I. Yamandiy, Student of the Faculty of Social Sciences and Humanities
Dubna State University
19, Universitetskaya Str., Dubna, Moscow Region, 141980, Russian Federation
stepanyamandiy@gmail.com
ORCID: https://orcid.org/0009-0001-4553-7464

Alina P. Bardovskaya, Master's Students of the Faculty of Social Sciences and Humanities
Dubna State University
19, Universitetskaya Str., Dubna, Moscow Region, 141980, Russian Federation
a_bardovskaya@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0009-0006-5035-0967

Natalya A. Bochkova, Student of the Institute of Systems Analysis and Management
Dubna State University
19, Universitetskaya Str., Dubna, Moscow Region, 141980, Russian Federation
bochkova-natasha@list.ru
ORCID: https://orcid.org/0009-0006-7254-6039

Maria D. Shcheglova, Student of the Institute of Systems Analysis and Management
Dubna State University
19, Universitetskaya Str., Dubna, Moscow Region, 141980, Russian Federation
mashangel06@gmail.com
ORCID: https://orcid.org/0009-0002-8345-9644

Поступила 27.08.2026 Received 27.08.2026
После рецензирования 27.09.2026 Revised 27.09.2026
Принята 29.09.2026 Accepted 29.09.2026

Междисциплинарные исследования / Interdisciplinary Research

Научная статья Original article
DOI: 10.12731/2576-9634-2026-10-3-279 **EDN: ZIQMZC**
УДК 327

Квантовая дипломатия: нелинейные стратегии взаимодействия акторов в современных международных отношениях

В.А. Чепурной
Университет экономики и управления, Симферополь, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. Статья посвящена концепции квантовой дипломатии как дополнительному методологическому инструменту анализа международных отношений в условиях цифровизации, нелинейности и возрастающей взаимозависимости политических акторов.

Цель. Цель работы состоит в уточнении концептуально-методологического содержания квантовой дипломатии и разработке модели применения её ключевых принципов к анализу современных международных взаимодействий.

Методология проведения работы. Исследование носит концептуально-теоретический характер и основано на междисциплинарном, сравнительном и системном подходах, а также на концептуальном моделировании. Отдельные международно-политические ситуации используются в качестве иллюстративных кейсов для демонстрации возможностей применения рассматриваемых категорий.

Результаты. Установлено, что квантовая дипломатия не заменяет существующие теории международных отношений, а дополняет их, позволяя в рамках единой аналитической схемы учитывать множественность состояний отношений между акторами, их взаимозависимость, влияние интерпретаций и неопределённость дальнейшего развития ситуации. Систематизировано аналитическое содержание принципов дипломатической суперпозиции, запутанности, эффекта наблюдателя и неопределённости и предложена пятиэтапная модель анализа международного взаимодействия. Возможности применения отдельных элементов модели проиллюстрированы на примерах российско-американских отношений, американо-китайского технологического соперничества и ситуации вокруг Тайваньского пролива.

Область применения результатов. Выводы могут использоваться при исследовании международной безопасности, санкционной политики, цифровой дипломатии, технологического соперничества и конфликтной эскалации.

Ключевые слова: квантовая дипломатия; международные отношения; цифровое пространство; политические акторы; цифровая дипломатия; геополитика

Для цитирования. Чепурной, В. А. (2026). Квантовая дипломатия: нелинейные стратегии взаимодействия акторов в современных международных отношениях. *Russian Studies in Law and Politics / Российские исследования. Право и политика*, *10*(3), 137-160. https://doi.org/10.12731/2576-9634-2026-10-3-279

Quantum diplomacy: nonlinear strategies of actor interaction in contemporary international relations

V.A. Chepurnoy
University of Economics and Management, Simferopol, Russian Federation

Abstract

Background. The article examines quantum diplomacy as an additional methodological tool for analysing international relations under conditions of digitalisation, nonlinearity, and growing interdependence among political actors.

Purpose. The study aims to clarify the conceptual and methodological content of quantum diplomacy and to develop a model for applying its key principles to the analysis of contemporary international interactions.

Methodology. The study is conceptual and theoretical in nature and is based on interdisciplinary, comparative, and systems approaches, as well as conceptual modelling. Selected international political situations are used as illustrative cases to demonstrate the analytical applicability of the categories under consideration.

Results. The study shows that quantum diplomacy does not replace existing theories of international relations but supplements them by providing a unified analytical framework for examining multiple states of relations among actors, their interdependence, the influence of interpretations, and the uncertainty of further developments. The analytical content of the principles of diplomatic superposition, entanglement, the observer effect, and uncertainty is systematised, and a five-stage model for analysing international interaction is proposed. The applicability of individual elements of the model is illustrated through Russia-United States relations, United States-China technological competition, and the situation in the Taiwan Strait.

Practical implications. The findings may be applied to studies of international security, sanctions policy, digital diplomacy, technological competition, and conflict escalation.

Keywords: quantum diplomacy; international relations; digital space; political actors; digital diplomacy; geopolitics

For citation. Chepurnoy, V. A. (2026). Quantum diplomacy: nonlinear strategies of actor interaction in contemporary international relations. *Russian Studies in Law and Politics*, *10*(3), 137-160. https://doi.org/10.12731/2576-9634-2026-10-3-279

Международные отношения XXI века всё в меньшей степени могут рассматриваться как относительно предсказуемая система, в которой отдельные политические действия с высокой вероятностью приводят к ожидаемому результату. Рост взаимозависимости государственных и негосударственных акторов, ускорение информационных процессов и усложнение транснациональных связей формируют среду, в которой последствия принимаемых решений нередко приобретают нелинейный характер. Одно политическое, экономическое или информационное событие способно запускать цепь взаимосвязанных реакций, затрагивающих различных участников мировой политики.

Существующие подходы к международным отношениям позволяют анализировать отдельные стороны подобных процессов, однако исследовательская проблема заключается в необходимости инструментария, позволяющего рассматривать во взаимосвязи множественность состояний отношений между акторами, их взаимозависимость, влияние взаимных интерпретаций и неопределённость дальнейшего развития ситуации. Одним из возможных инструментов такого анализа выступает концепция квантовой дипломатии.

В связи с этим цель исследования состоит в уточнении концептуально-методологического содержания квантовой дипломатии и разработке аналитической модели применения её ключевых принципов к исследованию современных международных взаимодействий.

Для достижения поставленной цели рационально сформулировать задачи, а именно: определить место квантовой дипломатии среди современных подходов к международным отношениям, раскрыть содержание её ключевых принципов, выявить признаки их проявления в международно-политических процессах и разработать модель их применения к анализу международного взаимодействия.

В современной отечественной политологической литературе понятие «квантовая дипломатия» не имеет общепринятого определения. Аналогичная ситуация наблюдается и в зарубежных исследованиях, где отсутствует единый подход к трактовке данного термина. Вместе с тем, несмотря на разнообразие существующих

интерпретаций большинством исследователей, имеет смысл рассматривать квантовую дипломатию как междисциплинарный исследовательский подход, использующий отдельные положения квантовой теории в качестве методологической основы для анализа сложных, нелинейных и трудно прогнозируемых процессов международного взаимодействия [16; 17; 18; 20]. При этом речь идет не о «слепом» копировании физических закономерностей в сферу политики, а о заимствовании отдельных положений концептуального аппарата квантовой теории в качестве эвристического инструмента исследования современной дипломатии.

Истоки концепции квантовой дипломатии имеет смысл связывать с совместными дискуссиями американского государственного деятеля Джорджа Шульца и физика-теоретика Сидни Дрелла, посвященным вопросам международной безопасности, стратегической стабильности и контроля над вооружениями. Осмысливая влияние стремительного научно-технического прогресса на международную политику, они обратили внимание на то, что многие процессы уже не укладываются в рамки традиционных моделей объяснения. Именно эта идея впоследствии получила развитие в научной литературе и стала одной из предпосылок формирования концепции квантовой дипломатии как междисциплинарного подхода, объединяющего отдельные положения политической науки и квантовой теории [16, с. 374].

Существенный вклад в развитие концепции внёс Джеймс Дер Дериан, одним из первых рассмотревший дипломатию через призму квантовой теории. Он отметил, что современное взаимодействие государственных и негосударственных акторов характеризуется неопределённостью, нелинейностью и зависимостью от информационной среды, поэтому классические модели не всегда адекватно описывают происходящие процессы [17, с. 410–411].

Влияние на дальнейшее развитие квантовых подходов в исследовании международных отношений оказали работы Александра Вендта. В труде: «Quantum Mind and Social Science» А. Вендт предложил рассматривать отдельные положения квантовой теории в качестве возможной методологической основы анализа социаль-

ных процессов [18, с. 3-4], поставив под сомнение достаточность исключительно классических моделей объяснения [18, с. 6]. Будет некорректно утверждать то, что работа Вендта посвящена непосредственно проблематике квантовой дипломатии, но сформулированные им идеи значительно расширили теоретические возможности применения квантовых подходов и международных отношениях, став важной методологической основой для последующих исследований в данной области.

С 2020-х гг. квантовые подходы к анализу международных отношений получили заметное развитие и стали оформляться в самостоятельное междисциплинарное направление. В его становление внесли вклад А. Феррацини [20], П. Амареш [12] и другие исследователи, а также международный проект «Project Q: Peace and Security in a Quantum Age» [24], объединивший специалистов в области дипломатии, безопасности и политической теории. Предметное поле данного направления охватывает не только квантовую дипломатию, но и вопросы мировой политики, международной безопасности, конфликтов и глобального управления.

Автор считает, что современное понимание квантовой дипломатии имеет смысл рассматривать без «линии разграничения» технологического аспекта и аспекта концептуально-методологического. Первый связан с развитием квантовых технологий и их влиянием на дипломатическую деятельность (использование квантовой криптографии, квантовых вычислений, защищённых каналов связи и других технологических решений), которые способны трансформировать инструменты и практики современной дипломатии. Второй аспект отражает более широкие изменения в понимании природы международных отношений и дипломатических процессов. В данном случае квантовая дипломатия рассматривается не как совокупность новых технических средств, а как часть так называемого «квантового поворота» или «квантового разрыва» [15, с.3-4] в международных отношениях, что предполагает пересмотр традиционных представлений о мировой политике и дополнения классической модели объяснения международных процессов (рис. 1).

Рис. 1. Взаимосвязь направлений исследования квантовой дипломатии в международных отношениях

Fig. 1. Interconnections between research directions in quantum diplomacy within international relations

Представленные направления не являются изолированными: развитие квантовых технологий способно ставить перед международными отношениями новые политические и нормативные вопросы, тогда как концептуально-методологическое направление позволяет анализировать возникающие вследствие этого изменения в международном взаимодействии. Вместе с тем настоящее исследование сосредоточено преимущественно на концептуально-методологическом измерении квантовой дипломатии, в связи с чем технические особенности квантовой криптографии, вычислений и иных технологий подробно не рассматриваются.

В целом, как уже было отмечено ранее, технологический и методологический аспекты квантовой дипломатии тесно связаны и взаимно дополняют друг друга. Однако исследование в рамках данной статьи сосредоточено главным образом на теории международных

отношений и дипломатии, в виду этого детальное изучение элементов криптографии, вычислений представляется нецелесообразным.

Определяя место квантовой дипломатии в контексте международных отношений, рационально провести сопоставление с ключевыми подходами. Предварительное сопоставление в целом показывает, что квантовая дипломатия по своей сути не отрицает существующие теории, а переосмысливает отдельные элементы международного взаимодействия.

Рассматривая неореализм К. Уолтца, имеет смысл отметить, что в рамках данного подхода особое внимание уделяется распределению силы, вопросам безопасности, а также структурных ограничениях поведения государств [26]. Квантовая дипломатия учитывает значение этих факторов, но допускает, что государство может одновременно находиться в амплуа союзника, партнёра и конкурента в различных сферах взаимодействия.

В рамках неолиберального институционализма Р. Кеохейн подчеркивает значительную международную взаимозависимость и устойчивые межгосударственные связи [23]. Квантовая дипломатия в целом развивает данную идею через понятие «запутанности», рассматривая поведение актора на основе его устойчивых связей с другими участниками.

Если обратиться к конструктивизму А. Вендта, то одним из его главенствующих положений является влияние норм, идентичностей и взаимных представлений на международную политику [27]. С ним во многом соотносится эффект «наблюдателя» в квантовой дипломатии, согласно которому восприятие государства в качестве угрозы, конкурента или партнера значительно влияет на последующий характер поведения на мировой арене.

Подход Р. Джарвиса к сложным системам позволяет учитывать нелинейность политических процессов, обратные связи и непредвиденные последствия решений [22]. Квантовая дипломатия дополняет её представлением о множественности сценариев, реализация которых зависит от дипломатических решений, публичных заявлений и изменений информационной среды.

Имеет смысл утверждать, что квантовая дипломатия не заменяет существующие теории международных отношений, а дополняет их, объединяя в единой аналитической схеме множественность состояний акторов, их взаимозависимость, влияние интерпретаций и неопределённость возможных сценариев.

Особенности квантового подхода наиболее наглядно проявляются при рассмотрении принципа «дипломатической суперпозиции». В квантовой теории суперпозиция означает возможность одновременного существования нескольких потенциальных состояний системы до момента их фиксации в результате измерения [3, с.11].

В упрощенных аналитических и политико-практических моделях государство нередко определяется преимущественно как союзник, партнер, конкурент либо противник (рис. 2).

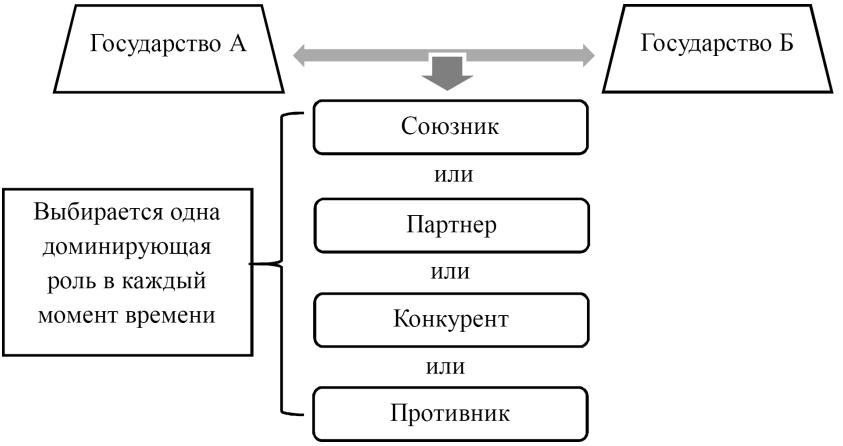

Рис. 2. Упрощенная (классическая) модель международных отношений
Fig. 2. Simplified (classical) model of international relations

Однако современная дипломатическая практика демонстрирует, что один и тот же актор может одновременно занимать несколько различных позиций. Например, два государства способны сотрудничать в сфере торговли, борьбы с изменением климата или обеспечения региональной стабильности и в то же время конкурировать в области безопасности, технологий и политического влияния, а в

отдельных случаях - поддерживать противоборствующие стороны в вооруженных конфликтах на территории третьих государств, фактически участвуя в прокси-войнах (рис. 3).

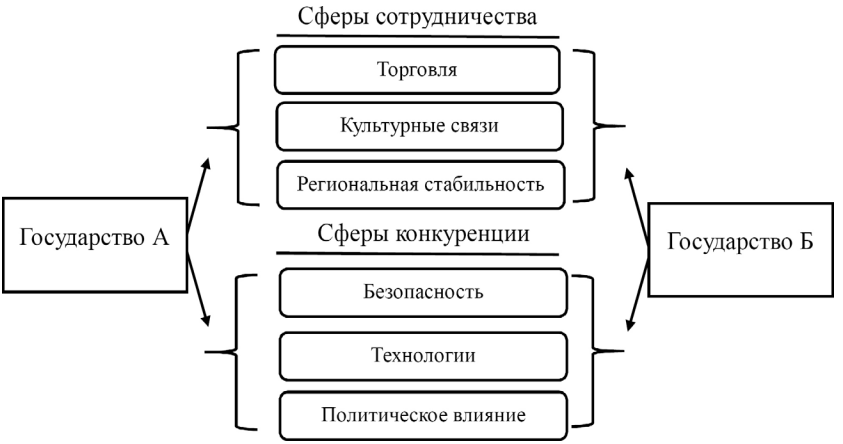

Рис. 3. Дипломатическая суперпозиция в модели международных отношений
Fig. 3. Diplomatic superposition in a model of international relations

Следовательно, дипломатическая «суперпозиция» отражает не отсутствие определенной позиции, а одновременное существование нескольких стратегических состояний, актуализирующихся в зависимости от конкретной сферы взаимодействия. В данном случае более корректно говорить не об общей характеристике отношений между государствами, а о совокупности различных отношений, существующих параллельно. Попытка однозначно закрепить за государством статус «друга» или «врага» может привести к своеобразному «схлопыванию» дипломатической суперпозиции.

Публичная фиксация одной из сторон в качестве безусловного противника способна сузить пространство для дальнейших переговоров, сделать продолжение сотрудничества политически неприемлемым и усилить конфронтационные модели поведения. Поэтому квантовое мышление в своей сущности определяет специфическую особенность сохранения многих потенциально возможных вариантов дипломатического взаимодействия, не

сводя сложные отношения лишь к единственной характеристике «друг-враг».

На практике вышеупомянутый принцип суперпозиции может вполне обоснованно применяться в контексте анализа:

- тех сфер, в которых акторы одновременно сотрудничают и конкурируют;
- расхождений между публичными заявлениями и реальными дипломатическими действиями;
- определенных возможных вариантов действий, которые остаются «открытыми» до момента принятия конкретного политического решения;
- отдельных событий и решений, после которых отношения изучаемых сторон могут значительно видоизмениться либо в сторону конфронтации, либо в сторону сотрудничества.

Для выявления дипломатической суперпозиции необходимо установить наличие в один и тот же период нескольких устойчивых, но различающихся по сферам состояний отношений между акторами. В качестве иллюстративного кейса рассмотрим отношения России и США в 2024–2026 гг.

С одной стороны, между государствами сохранялось острое стратегическое противостояние, наиболее заметное в контексте российско-украинского конфликта. Соединённые Штаты продолжали оказывать военно-политическую поддержку Украине и применять экономические ограничения в отношении российских государственных структур, финансовых организаций и предприятий военно-промышленного комплекса [6, с. 66-67]. В данной сфере Россия и США преимущественно выступали как стратегические противники.

С другой стороны, конфронтация не привела к полному прекращению взаимодействия. В августе 2024 г. при участии России, США и ряда других государств состоялся масштабный обмен заключёнными, в результате которого были освобождены, в частности, П. Уилан, Э. Гершкович и В. Кара-Мурза [2, с. 28]. В 2025 г. переговорные каналы также использовались для освобождения отдель-

ных граждан, включая М. Фогеля и К. Карелину [14]. Эти события показывают, что даже в условиях стратегического противостояния стороны сохраняли возможность достижения ограниченных гуманитарных договорённостей.

Отдельное направление взаимодействия было связано с регулированием рисков российско-украинского конфликта. В марте 2025 г. российская и американская делегации провели технические консультации в Эр-Рияде, по результатам которых стороны заявили о договорённостях относительно безопасности судоходства в Чёрном море и разработки мер по прекращению ударов по объектам энергетической инфраструктуры [5, с. 452]. Контакты на высоком дипломатическом уровне сохранялись и в 2026 г.: 23 июля состоялась встреча государственного секретаря США М. Рубио и министра иностранных дел России С. Лаврова [25].

Наиболее значимым проявлением сохранения прямого политического диалога стала встреча президентов России и США В. Путина и Д. Трампа, состоявшаяся 15 августа 2025 г. на объединённой военной базе Эльмендорф-Ричардсон в Анкоридже. Центральной темой переговоров стало урегулирование украинского конфликта. Несмотря на то, что по итогам встречи не было объявлено о заключении формального соглашения, сам факт проведения российско-американского саммита продемонстрировал возможность прямых контактов на высшем уровне в условиях продолжающегося стратегического противостояния [9, с. 11].

Ограниченное практическое взаимодействие сохранялось и в космической сфере: Россия и США продолжали участвовать в эксплуатации Международной космической станции в рамках многостороннего партнёрства [13].

Таким образом, отношения России и США в 2024–2026 гг. нельзя однозначно свести исключительно к конфронтации либо сотрудничеству. Они одновременно включали стратегическое противостояние и санкционное давление, технические консультации по вопросам безопасности, гуманитарные договорённости, прямой диалог на высшем уровне и ограниченное практическое сотрудничество (рис. 4).

Рис. 4. Дипломатическая суперпозиция в отношениях России и США (2024-2026 г.)
Fig. 4. Diplomatic superposition in Russia-US relations (2024-2026)

В терминах квантовой дипломатии это может быть интерпретировано как дипломатическая суперпозиция нескольких стратегических состояний. В зависимости от конкретной сферы Россия и США выступали как противники, участники переговоров, стороны ограниченных договорённостей либо технические партнёры. При этом ни одно из перечисленных состояний не характеризовало российско-американские отношения в полном объёме: усиление конфронтации не исключало сохранения переговорных каналов, тогда как проведение саммита в Анкоридже не означало прекращения стратегического соперничества. Таким образом, кейс соответствует обозначенному признаку дипломатической суперпозиции: в пределах одного временного периода отношения России и США включали несколько параллельно существующих состояний, каждое из которых проявлялось в конкретной сфере взаимодействия.

Понятие квантовой запутанности может использоваться как метафора взаимосвязанности участников мировой политики. В международных отношениях экономические, технологические, информационные и политические связи формируют устойчивые сети, в которых решения одного актора способны изменять условия деятельности других участников, а их ответные меры - воздействовать на инициатора первоначального решения [17]. В этом смысле дипломатическая «запутанность» отражает взаимозависимость акторов и существование механизмов обратной связи.

Аналитическим признаком дипломатической «запутанности» является наличие устойчивой сети связей, при которой решение одного актора вызывает последствия для других участников и формирует ответные реакции, способные воздействовать на первоначального инициатора. Данный механизм наглядно проявляется в технологическом соперничестве США и Китая в полупроводниковой отрасли.

Ограничения США на поставки Китаю передовых микросхем и оборудования затронули не только китайские предприятия, но и производителей Тайваня, Республики Корея, Японии и Нидерландов [1, с. 106; 8]. Китай, в свою очередь, ввёл экспортный контроль в отношении продукции, связанной с галлием и германием, что также повлияло на международные производственные цепочки [11, с. 59].

В результате политические решения вызвали изменение корпоративных стратегий, поиск альтернативных поставщиков, развитие национального производства и принятие ответных ограничений. Данный процесс показывает, что взаимозависимость может выступать не только основой сотрудничества, но и инструментом давления, что соответствует концепции «вооружённой взаимозависимости» Г. Фаррелла и А. Ньюмана [19].

В терминах квантовой дипломатии американо-китайское технологическое соперничество представляет собой пример дипломатической «запутанности»: изменение положения одного элемента транснациональной сети влияет на состояние остальных участников, включая государства и компании, формально не являющиеся непосредственными сторонами противостояния. То есть, состояние одной

части системы связано с состоянием другой, даже «на расстоянии», действия одного актора изменяют условия для многих других через сеть взаимодействий и обратных связей.

В подобных условиях полная изоляция значимого международного актора становится крайне затруднительной. Ограничение официальных контактов не устраняет экономические, технологические и информационные связи. Поэтому безопасность и устойчивость одного участника не могут рассматриваться независимо от состояния всей системы.

Практический анализ дипломатической «запутанности» предполагает определение:

- каналов взаимного влияния между акторами;
- степени их экономической, технологической и информационной взаимозависимости;
- возможных трансграничных последствий принимаемых решений;
- механизмов обратной связи, усиливающих или ослабляющих первоначальный политический эффект;
- третьих участников, способных существенно повлиять на развитие ситуации.

Следующим важным аспектом квантовой дипломатии является эффект наблюдателя. В квантовой механике процесс наблюдения способен влиять на состояние исследуемой системы. В контексте международных отношений данный феномен можно рассматривать по аналогии с тем, что интерпретация действий политического актора не всегда носит «нейтральный» характер. Это связано с тем, что публичные заявления, оценки и демонстрация определенных намерений одной из сторон способны изменить поведение других участников.

В целом, наиболее наглядным способом данный принцип отображается в дилемме безопасности. К примеру, государство «А» может наращивать свои вооруженные силы объясняя это общей мировой нестабильностью, однако государство «Б» с немалой долей вероятности воспримет такие действия как возможную подготовку к агрессии и предпримет ответные меры. В свою очередь, госу-

дарство «А» может расценить такую реакцию как подтверждение собственных первоначальных опасений. В результате создается своеобразная динамика, имеющая характеристику к самоподдержанию, при которой меры безопасности увеличивают общий уровень напряженности [21, с. 412].

В данной ситуации было бы ошибочно считать, что в роли «наблюдателей» могут выступать исключительно государства и связанные с ними разведывательные структуры. Значительное влияние способны оказывать также СМИ, международные организации, независимые эксперты и экспертные сообщества, а в условиях цифровой среды – и пользователи различных платформ. Их оценки и интерпретации могут воздействовать на восприятие существующих угроз, формировать определённые ожидания относительно дальнейших действий сторон и тем самым повышать вероятность развития именно того сценария, который первоначально рассматривался лишь как возможный. В таком случае можно говорить о возникновении эффекта «самосбывающегося прогноза».

В качестве примера имеет смысл рассмотреть ситуацию, которая возникла вокруг Тайваньского пролива в 2022–2024 гг. После того, как Н. Пелоси совершила визит на Тайвань в августе 2022 г., китайская сторона расценила данное действие в качестве очередного акта эскалации и вмешательства США в тайваньский вопрос. Последовавшие за этим крупные военные учения вокруг Тайваня Китай, в свою очередь, обосновывал важностью защиты собственного суверенитета от внешних посягательств [4, с. 98–99].

США и Тайвань, в свою очередь, оценили модель поведения Китая как провокационную и чрезмерную. Внезапное усиление демонстрации военной силы стало восприниматься ими как дополнительное основание наращивания военного потенциала на острове. Май и октябрь 2024 г. были характерны тем, что Китай провёл учения Joint Sword-2024A и Joint Sword-2024B, которые были охарактеризованы американской и тайваньской сторонами как серьезный вызов для региональной стабильности и инструмент военного давления [7, с. 349].

Имеет смысл утверждать, что в данном случае сформировалась самоподдерживающаяся неразрывная цепь взаимных множественных интерпретаций. Тесное взаимодействие США с Тайванем рассматривалось Пекином в качестве угрозы, связанной с посягательствами территориального и внутреннего характера, в то время как китайские учения воспринимались США и Тайванем уже в качестве сигнала, указывающего на необходимость усиления обороны и политической поддержки острова. Данные меры далее послужили для Китая очередным подтверждением американского вмешательства [7, с. 350].

С позиции квантовой дипломатии ситуация вокруг Тайваньского пролива демонстрирует действие эффекта наблюдателя: стороны реагировали не только на действия друг друга, но и на их интерпретацию через уже сформированные представления и ожидания. Решения, принятые на основе таких оценок, становились частью дальнейшего развития ситуации и способствовали росту напряжённости (рис. 5).

Рис. 5. Эффект «наблюдателя» в квантовой дипломатии
Fig. 5. The “observer” effect in quantum diplomacy

Ещё одной особенностью квантового подхода объективно можно считать признание высокой степени неопределённости международной среды. Здесь важно заметить, что проблема заключается не только в недостатке информации, которая со временем может быть восполнена. Даже при наличии внушительного объёма данных достаточно сложно заранее предугадать, к какому результату приведёт взаимодействие множества акторов, каждый из которых имеет собственные интересы, по-своему оценивает происходящее и выстраивает свою стратегию поведения [10, с. 353–354].

Отбор кейсов носит целенаправленный иллюстративный характер и обусловлен задачей продемонстрировать возможности применения отдельных категорий предлагаемой модели. Основными критериями отбора выступали: наличие наблюдаемых проявлений соответствующего аналитического принципа; участие значимых государственных и негосударственных акторов; возможность проследить последовательность политических действий и ответных реакций; наличие достаточного объёма открытых источников, позволяющих реконструировать развитие ситуации. Кейсы не рассматриваются как репрезентативная выборка и не используются для эмпирического подтверждения универсальности предложенной модели.

Подводя итоги, следует отметить, что нелинейный характер международных процессов не позволяет ожидать одинакового результата от одних и тех же дипломатических действий в разных политических условиях. Поэтому квантовая дипломатия предполагает не стремление к единственно верному и точному прогнозу, а возможность рассмотрения нескольких возможных сценариев и тех факторов, которые способны изменить дальнейшее развитие ситуации.

Основным результатом настоящего концептуально-теоретического исследования является пятиэтапная модель анализа международного взаимодействия, основанная на последовательном применении ключевых принципов квантовой дипломатии:

- необходимо определить основных участников взаимодействия, а также характер существующих между ними связей;

- далее следует установить, в каких сферах между сторонами одновременно присутствуют сотрудничество и конкуренция. Это является немаловажным фактором, так как позволяет выявить состояние дипломатической суперпозиции и не сводить отношения исключительно к примитивной модели «союзник - противник»;

- следующий этап предполагает рассмотрение экономических, технологических, информационных, военных и иных связей между участниками. Именно они позволяют оценить степень их дипломатической «запутанности»;

- в последующем шаге внимание переносится на эффект «наблюдателя»: тут важно анализировать то, каким образом официальные заявления, экспертные оценки, сообщения СМИ и активность на цифровых платформах влияют на восприятие действий и намерений сторон;

- на завершающем этапе рассматриваются несколько возможных вариантов дальнейшего развития событий и определяются факторы, которые могут сместить взаимодействие в сторону сотрудничества, конкуренции, дальнейшей эскалации или открытого конфликта.

Предложенные этапы выполняют функцию операционализации основных категорий квантовой дипломатии, связывая их с наблюдаемыми характеристиками международного взаимодействия. При этом рассмотренные в статье международно-политические ситуации используются как иллюстративные кейсы, демонстрирующие возможности применения отдельных элементов модели, а не как эмпирическая проверка её универсальности.

Важно учитывать и ограничения предлагаемого подхода. Используемые категории суперпозиции, запутанности, эффекта наблюдателя и неопределённости не предполагают переноса физических закономерностей или математического аппарата квантовой механики в международные отношения. В рамках настоящего исследования они выступают концептуальными и эвристическими конструкциями, позволяющими структурировать отдельные характеристики международного взаимодействия. Поэтому физическая аналогия сама по себе не может рассматриваться как основание политического объяснения и должна соотноситься с конкретными наблюдаемыми процессами.

Таким образом, добавочная аналитическая ценность квантовой дипломатии заключается не в замене существующих теорий международных отношений, а в возможности объединить в рамках единой последовательной модели анализ множественности состояний отношений между акторами, их взаимозависимости, влияния интерпретаций и неопределённости дальнейшего развития ситуации. Предложенная модель представляет собой концептуально-методологический инструмент, дальнейшая разработка которого предполагает уточнение критериев операционализации и его апробацию на более широком круге международно-политических ситуаций.

Список литературы

1. Арапова, Е. Я. (2022). Торговая война США и Китая: экономические и правовые эффекты. *Сравнительная политика*, *13*(1–2), 98–115. https://doi.org/10.46272/2221-3279-2022-1-2-13-98-115. EDN: https://elibrary.ru/YPCRTJ
2. Белинский, А. В. (2025). «Вроде все как всегда»? Холодная война и геополитический кризис 2022 г.: сравнительный анализ. *Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы*, (77), 27–37. EDN: https://elibrary.ru/JSNVXR
3. Гушанский, С. М., & Потапов, В. С. (2025). *Квантовые нейронные сети: учебное пособие*. Издательство Южного федерального университета. 116 с. Получено с https://www.iprbookshop.ru/157816.html (дата обращения: 29.07.2026)
4. Кулинцев, Ю. В. (2023). Четвёртый кризис безопасности в Тайваньском проливе: ответ КНР на визит Н. Пелоси. *США & Канада: экономика, политика, культура*, (7), 94–106. https://doi.org/10.31857/S2686673023070088. EDN: https://elibrary.ru/GLWARK
5. Леванова, К. А. (2025). Черноморская инициатива как фактор безопасного судоходства в Черном море: проблемы реализации. В *Черноморско-средиземноморский регион в системе национальной безопасности России: к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне: материалы Международной научно-практической конференции, Краснодар, 22–24 мая 2025 года* (с. 448–453). Кубанский государственный университет. EDN: https://elibrary.ru/WETVIB
6. Морозов, Ю. В. (2025). Российско-американские отношения под влиянием политики Д. Трампа: проблемы и перспективы. *Власть*, *33*(5), 61–72. https://doi.org/10.24412/2071-5358-2025-5-61-72. EDN: https://elibrary.ru/GHFNYH
7. Поплавская, В. О., & Носов, А. В. (2026). Конфликт без войны: стратегия «серой зоны» КНР вокруг Тайваня как форма управляемой эскалации современного международного конфликта. *Конфликтология / Nota Bene*, (2), 343–362. https://doi.org/10.7256/2454-0617.2026.2.80350. EDN: https://elibrary.ru/YVOLOC

8. Рамич, М. С., & Солодовникова, Т. А. (2025). От «фабрики мира» к технологическому авангарду: инновационная экосистема КНР в условиях глобальной конкуренции. *Мировое и национальное хозяйство*, (3), 1–34. https://doi.org/10.24833/MiNH-2025-3-1. EDN: https://elibrary.ru/ZMNJDZ
9. Рябков, С. А. (2025). Россия и США: поиски пути вперед продолжаются. *Международная жизнь*, (12), 4–11. EDN: https://elibrary.ru/NJFLRE
10. Чепурной, В. А. (2023). «Иллюзия контроля»: феномен квантовой дипломатии в современной реальности. В Т. А. Сенюшкина (общ. ред.), *Политическое пространство и социальное время: право силы vs сила права: сборник научных трудов XL Международного Харакского форума, Ялта, 5–7 ноября 2022 года* (с. 349–356). Издательство «Ариал». EDN: https://elibrary.ru/SUTFCB
11. Чимирис, Е. С. (2025). *Глобальная конкуренция в области микроэлектроники, политические и экономические стратегии развития ведущих стран отрасли* (Доклады Института Европы, № 421). Институт Европы РАН. https://doi.org/10.15211/report42025_421. ISBN: 978-5-98163-234-1. EDN: https://elibrary.ru/PEUIEF
12. Amaresh, P. (2026, July 4). *Quantum diplomacy: A new era beyond traditional boundaries*. Nepal Institute for International Cooperation and Engagement. Получено с https://niice.org.np/archives/12614 (дата обращения: 27.07.2026)
13. Ben-Itzhak, S. (2025). Network analysis of international cooperation in space, 1958–2023: Evidence of space blocs. *Journal of Peace Research*, *62*(3), 517–534. https://doi.org/10.1177/00223433231225162. EDN: https://elibrary.ru/OVOLUA
14. Bruce, T. (2025, April 10). *Department press briefing – April 10, 2025*. U.S. Department of State. Получено с https://www.state.gov/briefings/department-press-briefing-april-10-2025 (дата обращения: 29.07.2026)
15. Choong, P. S., Mohd Shah, N., & Yap, Y. S. (2026). Quantum diplomacy within the Southeast Asia quantum ecosystem. *Digital Society*, *5*, 38. https://doi.org/10.1007/s44206-026-00273-3
16. Der Derian, J. (2011). Quantum diplomacy, German-US relations and the psychogeography of Berlin. *The Hague Journal of Diplomacy*, *6*(3–4), 373–392. https://doi.org/10.1163/187119111X598152
17. Der Derian, J., & Wendt, A. (2020). "Quantizing international relations": The case for quantum approaches to international theory and security practice. *Security Dialogue*, *51*(5), 399–413. https://doi.org/10.1177/0967010620901905. EDN: https://elibrary.ru/WOUGOR
18. Erskine, T., Guzzini, S., & Welch, D. A. (2022). Alexander Wendt, Quantum mind and social science: Unifying physical and social ontology. *International Theory*, *14*(1), 115–116. https://doi.org/10.1017/S1752971921000038. EDN: https://elibrary.ru/YYQZLU

19. Farrell, H., & Newman, A. L. (2019). Weaponized interdependence: How global economic networks shape state coercion. *International Security*, *44*(1), 42–79. https://doi.org/10.1162/isec_a_00351
20. Ferrazzini, A. (2025). *Quantum, diplomacy, and geopolitics* [Preprint]. arXiv. https://doi.org/10.48550/arXiv.2512.06052
21. Herz, J. H. (2003). The security dilemma in international relations: Background and present problems. *International Relations*, *17*(4), 411–416. https://doi.org/10.1177/0047117803174001. EDN: https://elibrary.ru/JMRDKD
22. Jervis, R. (1997). *System effects: Complexity in political and social life*. Princeton University Press. https://doi.org/10.1515/9781400822409
23. Keohane, R. O. (2005). *After hegemony: Cooperation and discord in the world political economy* (Rev. ed.). Princeton University Press. https://doi.org/10.2307/j.ctt7sq9s (Original work published 1984)
24. Project Q: Peace and security in a quantum age. University of Sydney. Получено с https://projectqsydney.com/ (дата обращения: 27.07.2026)
25. U.S. Department of State. (2026, July 23). *Secretary Rubio's meeting with Russian Foreign Minister Lavrov*. Получено с https://www.state.gov/releases/office-of-the-spokesperson/2026/07/secretary-rubios-meeting-with-russian-foreign-minister-lavrov-2 (дата обращения: 02.08.2026)
26. Waltz, K. N. (1979). *Theory of international politics*. Addison-Wesley Publishing Company.
27. Wendt, A. (1992). Anarchy is what states make of it: The social construction of power politics. *International Organization*, *46*(2), 391–425. https://doi.org/10.1017/S0020818300027764. EDN: https://elibrary.ru/BKXQGN

References

1. Arapova, E. Ya. (2022). The US–China trade war: Economic and legal effects. *Comparative Politics*, *13*(1–2), 98–115. https://doi.org/10.46272/2221-3279-2022-1-2-13-98-115. EDN: https://elibrary.ru/YPCRTJ
2. Belinsky, A. V. (2025). "Seemingly business as usual"? The Cold War and the geopolitical crisis of 2022: A comparative analysis. *European Security: Events, Assessments, Forecasts*, (77), 27–37. EDN: https://elibrary.ru/JSNVXR
3. Gushansky, S. M., & Potapov, V. S. (2025). *Quantum neural networks: A textbook*. Southern Federal University Press. 116 p. Retrieved from https://www.iprbookshop.ru/157816.html (accessed: July 29, 2026)
4. Kulintsev, Yu. V. (2023). The fourth Taiwan Strait security crisis: The PRC's response to N. Pelosi's visit. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, (7), 94–106. https://doi.org/10.31857/S2686673023070088. EDN: https://elibrary.ru/GLWARK
5. Levanova, K. A. (2025). The Black Sea Initiative as a factor of safe navigation in the Black Sea: Implementation challenges. In *The Black Sea–Mediterranean Re-*

gion in Russia's National Security System: On the 80th Anniversary of the Victory in the Great Patriotic War: Proceedings of the International Research and Practice Conference, Krasnodar, May 22–24, 2025 (pp. 448–453). Kuban State University. EDN: https://elibrary.ru/WETVIB

6. Morozov, Yu. V. (2025). Russian–American relations under the influence of D. Trump's policy: Problems and prospects. *The Authority*, *33*(5), 61–72. https://doi.org/10.24412/2071-5358-2025-5-61-72. EDN: https://elibrary.ru/GHFNYH
7. Poplavskaya, V. O., & Nosov, A. V. (2026). Conflict without war: The PRC's "gray zone" strategy around Taiwan as a form of controlled escalation of a modern international conflict. *Conflict Studies / Nota Bene*, (2), 343–362. https://doi.org/10.7256/2454-0617.2026.2.80350. EDN: https://elibrary.ru/YVOLOC
8. Ramich, M. S., & Solodovnikova, T. A. (2025). From the "workshop of the world" to the technological vanguard: China's innovation ecosystem under global competition. *The World and National Economy*, (3), 1–34. https://doi.org/10.24833/MiNH-2025-3-1. EDN: https://elibrary.ru/ZMNJDZ
9. Ryabkov, S. A. (2025). Russia and the United States: The search for a way forward continues. *International Life*, (12), 4–11. EDN: https://elibrary.ru/NJFLRE
10. Chepurnoy, V. A. (2023). "The illusion of control": The phenomenon of quantum diplomacy in contemporary reality. In T. A. Senyushkina (Ed.), *Political space and social time: The rule of force vs the force of law: Proceedings of the 40th Kharak International Forum, Yalta, November 5–7, 2022* (pp. 349–356). Arial Publishing House. EDN: https://elibrary.ru/SUTFCB
11. Chimiris, E. S. (2025). *Global competition in microelectronics: Political and economic development strategies of the industry's leading countries* (Reports of the Institute of Europe, No. 421). Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. https://doi.org/10.15211/report42025_421. ISBN: 978-5-98163-234-1. EDN: https://elibrary.ru/PEUIEF
12. Amaresh, P. (2026, July 4). *Quantum diplomacy: A new era beyond traditional boundaries*. Nepal Institute for International Cooperation and Engagement. Retrieved from https://niice.org.np/archives/12614 (accessed: July 27, 2026)
13. Ben-Itzhak, S. (2025). Network analysis of international cooperation in space, 1958–2023: Evidence of space blocs. *Journal of Peace Research*, *62*(3), 517–534. https://doi.org/10.1177/00223433231225162. EDN: https://elibrary.ru/OVOLUA
14. Bruce, T. (2025, April 10). *Department press briefing – April 10, 2025*. U.S. Department of State. Retrieved from https://www.state.gov/briefings/department-press-briefing-april-10-2025 (accessed: July 29, 2026)
15. Choong, P. S., Mohd Shah, N., & Yap, Y. S. (2026). Quantum diplomacy within the Southeast Asia quantum ecosystem. *Digital Society*, *5*, 38. https://doi.org/10.1007/s44206-026-00273-3

16. Der Derian, J. (2011). Quantum diplomacy, German-US relations and the psychogeography of Berlin. *The Hague Journal of Diplomacy*, *6*(3–4), 373–392. https://doi.org/10.1163/187119111X598152
17. Der Derian, J., & Wendt, A. (2020). "Quantizing international relations": The case for quantum approaches to international theory and security practice. *Security Dialogue*, *51*(5), 399–413. https://doi.org/10.1177/0967010620901905. EDN: https://elibrary.ru/WOUGOR
18. Erskine, T., Guzzini, S., & Welch, D. A. (2022). Alexander Wendt, Quantum mind and social science: Unifying physical and social ontology. *International Theory*, *14*(1), 115–116. https://doi.org/10.1017/S1752971921000038. EDN: https://elibrary.ru/YYQZLU
19. Farrell, H., & Newman, A. L. (2019). Weaponized interdependence: How global economic networks shape state coercion. *International Security*, *44*(1), 42–79. https://doi.org/10.1162/isec_a_00351
20. Ferrazzini, A. (2025). *Quantum, diplomacy, and geopolitics* [Preprint]. arXiv. https://doi.org/10.48550/arXiv.2512.06052
21. Herz, J. H. (2003). The security dilemma in international relations: Background and present problems. *International Relations*, *17*(4), 411–416. https://doi.org/10.1177/0047117803174001. EDN: https://elibrary.ru/JMRDKD
22. Jervis, R. (1997). *System effects: Complexity in political and social life*. Princeton University Press. https://doi.org/10.1515/9781400822409
23. Keohane, R. O. (2005). *After hegemony: Cooperation and discord in the world political economy* (Rev. ed.). Princeton University Press. https://doi.org/10.2307/j.ctt7sq9s (Original work published 1984)
24. Project Q: Peace and security in a quantum age. University of Sydney. Retrieved from https://projectqsydney.com/ (accessed: July 27, 2026)
25. U.S. Department of State. (2026, July 23). *Secretary Rubio's meeting with Russian Foreign Minister Lavrov*. Retrieved from https://www.state.gov/releases/office-of-the-spokesperson/2026/07/secretary-rubios-meeting-with-russian-foreign-minister-lavrov-2 (accessed: August 2, 2026)
26. Waltz, K. N. (1979). *Theory of international politics*. Addison-Wesley Publishing Company.
27. Wendt, A. (1992). Anarchy is what states make of it: The social construction of power politics. *International Organization*, *46*(2), 391–425. https://doi.org/10.1017/S0020818300027764. EDN: https://elibrary.ru/BKXQGN

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Чепурной Владислав Анатольевич, преподаватель кафедры «Управление персоналом и бизнес-информатика», аспирант кафедры политических наук и международных отношений Института «Таврическая академия»

АНО «ООВО» «Университет экономики и управления»
ул. имени газеты «Крымская Правда», 4, г. Симферополь, Республика Крым, 295021, Российская Федерация
chipth@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Vladislav A. Chepurnoy, Lecturer at the Department of Human Resource Management and Business Informatics; Postgraduate Student at the Department of Political Science and International Relations, Institute of Taurida Academy
University of Economics and Management
4, Krymskaya Pravda Str., Simferopol, Republic of Crimea, 295021, Russian Federation
chipth@yandex.ru
SPIN-code: 4901-5067

Поступила 10.08.2026
После рецензирования 11.09.2026
Принята 15.09.2026

Received 10.08.2026
Revised 11.09.2026
Accepted 15.09.2026

Междисциплинарные исследования / Interdisciplinary Research

Научная статья
DOI: 10.12731/2576-9634-2026-10-3-280
УДК 340:80

Original article
EDN: FWNGRF

Русский язык как государственный: особенности содержания и формирования правовой культуры речи

Н.В. Сербиновская[1], Б.Ю. Сербиновский[2]
[1]Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
[2]Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. Перечень поручений Президента Российской Федерации от 03.02.2026 г. определил краткие и окончательные сроки внедрения в учебный процесс вузов новой дисциплины «Русский язык как государственный». Актуальность связана с необходимостью выбора рационального содержания новой дисциплины «Русский язык как государственный» с учётом отраслевых особенностей, материала, позволяющего сформировать комплекс компетенций для успешной профессиональной деятельности юристов, языковой и терминологической культуры, специфики правоприменительной практики.

Цель исследования – обосновать необходимые содержательные компоненты дисциплины «Русский язык как государственный», связанные с акцентом на государственный статус русского языка, со спецификой профессиональной деятельности юристов и их речевой культурой.

Исследованы важные аспекты проблемы (задачи исследования): правовые основания закрепления государственного статуса русского языка и его нормативной базы; возможности использования в новой дисциплине учебного материала и опыта преподавания аналогичной дисциплины «Русский язык и культура речи»; междисциплинарный и межотраслевой характер работы юриста и его правоприменительной практики (как основания для выбора структуры и содержания новой дисциплины); потребность юристов в приобретении знаний области терминологии и кодификации терминов; запрос будущих юристов на формирование комплекса компетенций, в том числе позволяющих проводить эффективную терминологическую работу и кодификацию собственных (юридических) терминов наряду с терминами других отраслей и сфер деятельности; профессиональное использование в юридической практике нормативной лексики русского языка (важной части культуры речи юриста) с опорой на список нормативных словарей, справочников и грамматик.

Материалы и методы. Применены системный анализ, анкетирование, опрос, интервью, синтез рекомендаций и предложений. Материалами послужили результаты: анализа системы правовых документов, определяющих правовое закрепление государственного статуса русского языка и направлений реализации этого статуса, нормативной базы русского языка, функций языка, традиций речевой культуры российского общества,речевой культуры юристов; полевого исследования (анкетирования, опроса и интервью), проведенного в июне – августе 2026 г.; анализа возможности, целесообразности и необходимости использования учебных и иных материалов дисциплины «Русский язык и культура речи»; анализа отраслевой специфики деятельности юристов и потребности в формировании комплекса компетенций, связанного с этой спецификой, в том числе с множеством особенностей профессиональной лексики и требований к языку и культуре речи юриста, с разным соотношением письменной и устной речи, с особыми и отличными друг от друга формами и шаблонами документов, с устойчивыми речевыми оборотами, с терминологией и кодификацией терминов.

Результаты. Предложено и обосновано включение в состав дисциплины учебных модулей, раскрывающих суть правового обеспечения современного русского литературного языка как государственного языка государствообразующего народа, языковой нормы, терминологии и кодификации терминов, стилей и культуры устной и письменной речи юристов.

Практически значимый результат связан с эффективным обучением юристов, формированием комплекса компетенций с учётом особенностей юридических практик, становлением и развитием языковой культуры (как важной составляющей профессиональной культуры) будущих юристов.

Ключевые слова: образование юристов; русский язык как государственный; языковая норма; терминология; кодификация; культура речи

Для цитирования. Сербиновская, Н. В., & Сербиновский, Б. Ю. (2026). Русский язык как государственный: особенности содержания и формирования правовой культуры речи. *Russian Studies in Law and Politics / Российские исследования. Право и политика*, *10*(3), 161-181. https://doi.org/10.12731/2576-9634-2026-10-3-280

Russian as the state language: features of the content and formation of the legal speech culture

N.V. Serbinovskaya[1], B.Y. Serbinovskiy[2]
[1]RANEPA, Moscow, Russian Federation
[2]Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract

Background. The list of instructions issued by the President of the Russian Federation on February 3, 2026, defined the tight and final deadlines for the introduction of the new

course “Russian as the State Language” into the university curriculum. The relevance is associated with the need to choose a rational content for the new discipline, taking into account industry-specific features and content that allows for the formation of a set of competencies for the successful professional activity of lawyers.

Purpose. The purpose of the study is to substantiate the necessary content-related components of the discipline “Russian as a State Language” related to the emphasis on the state status of the Russian language, the specifics of the professional activity of lawyers and their speech culture.

Research objectives included the following aspects: legal grounds for consolidating the state status of the Russian language and its regulatory framework; the possibilities of using educational material and teaching experience from the analogous discipline “Russian Language and Speech Culture” in the new discipline; the interdisciplinary and intersectoral nature of a lawyer’s work and theirlegal practice (as the basis for choosing the structure and content of the new discipline); lawyers’ need to acquire knowledge in the field of terminology and codification of terms; future lawyers’ demand for the formation of a set of competencies, including those that allow for effective terminological work and codification of their own (legal) terms along with terms from other industries and fields of activity; and the professional use of normative vocabulary of the Russian language (an important part of a lawyer’s speech culture) in legal practice based on a list of normative dictionaries, reference books, and grammars.

Materials and methods. A systemic analysis, questionnaires, surveys, interviews, and a synthesis of recommendations and proposals were applied. The materials included the results of an analysis of the system of legal documents defining the legal consolidation of the state status of the Russian language and the directions for implementing this status, the regulatory framework of the Russian language, the functions of the language, the traditions of the speech culture of Russian society, and the speech culture of lawyers; field research (questionnaires, surveys, interviews) conducted in June–August 2026; an analysis of the possibility, feasibility, and necessity of using educational and other materials of the discipline “Russian Language and Speech Culture”; and an analysis of the industry-specific nature of legal practice and the need to develop a set of competencies related to these specifics, includingthemanynuancesofprofessionalvocabularyandrequirementsforthelanguageandspeechcultureoflawyers, the varying proportions of written and oral speech, unique and distinct document forms and templates, established expressions, terminology, and the codification of terms.

Results. The inclusion of training modules in the discipline that reveal the essence of the legal framework for the modern Russian literary language as the state language of the state-forming people, language norms, terminology, and the codification of terms, as well as the specific styles and culture of oral and written speech, was proposed and substantiated.

The **practically significant result** is associated with the effective training of lawyers, the formation of a set of competencies that takes into account the specifics of legal practice, and the formation and development of linguistic culture (as an important component of professional culture) of future lawyers.

Keywords: legal education; Russian as the state language; language norm; terminology; codification; speech culture

For citation. Serbinovskaya, N. V., & Serbinovskiy, B. Y. (2026). Russian as the state language: features of the content and formation of the legal speech culture. *Russian Studies in Law and Politics*, *10*(3), 161-181. https://doi.org/10.12731/2576-9634-2026-10-3-280

Введение

Актуальность статьи обусловлена реализацией поручений Президента Российской Федерации, предусматривающих введение в образовательные стандарты российских вузов новой дисциплины «Русский язык как государственный» взамен прежней дисциплины «Русский язык и культура речи» и поиском рационального содержательного методического наполнения новой дисциплины с учётом отраслевых особенностей, отраслевой языковой практики и терминологической культуры, присущей юристам и обширной правоприменительной практике.

Результаты библиографического исследования

Исследуемая проблема не имеет каких-либо решений в иностранных научных изданиях. Если связывать поиск с преподаванием новой дисциплины будущим юристам, то и в отечественной учебной и научной литературе пока нет соответствующих предложений. Вместе с тем в части решения отдельных аспектов указанной проблемы могут быть полезны публикации, в которых анализируется русский язык как государственный с позиций права, а также те исследования, которые, во-первых, не касаются преподавания дисциплины юристам и, во-вторых, представляют интерес как отражение опыта преподавания прежней дисциплины «Русский язык и культура речи». В статье Г.А. Желдыбиной [1] уделено внимание русскому юридическому языку как системному образованию, передающему историческую память российского народа и сложившиеся языковые традиции в правовой сфере. Это важно использовать в обосновании

отраслевых особенностей русского языка в сфере права и правоприменительной практики. О необходимости учитывать эти особенности пишут и другие авторы [2-4]. Это важно учитывать при разработке новой дисциплины «Русский язык как государственный». При этом А.М. Емельянова и В.И. Пронягина отмечают нехватку учебных часов для реализации обширной программы русского языка для юристов. О.Н. Киянова [4] выделяет проблему точности, ясности и недвусмысленности правовых норм, выраженных посредством норм русского языка. На конференции [5] представлены мнения по поводу особенностей коммуникативного взаимодействия языка и права, требований к языку нормативных актов, совершенствования лингвистической экспертизы законопроектов и других аспектов, отражающих специфику правоприменительной практикии профессиональной лексики юристов, ряда нерешенных профессиональных языковых проблем. Это также представляет интерес при составлении программы новой дисциплины. Д.В. Руднев и Т.С. Садова [6] поднимают важную проблему необходимости разработки строгих дефиниций в части понятий (терминов), связанных с русским языком как государственным, с привлечением к этой работе лингвистов, юристов, учёных и преподавателей дисциплин социогуманитарного ядра. Целесообразно подчеркнуть, что (по мнению авторов настоящей статьи) в программе новой дисциплины обязательно должен быть учебный модуль, связанный с терминологией и кодификацией терминов. В этой связи целесообразно упомянуть результаты ранее проведённых исследований авторами настоящей статьи, которые касаются правовой культуры и кодификации отраслевых терминологий [7] и развития, упорядочения специальной терминологии и исторически сложившейся терминологической культурной традиции [8].

Упомянутые ранее проведённые исследования авторов [7] позволили обосновать: (1) специфический монодисциплинарный и междисциплинарный, а также моноотраслевой и межотраслевой характер терминологической работы юристов, в том числе направленной на кодификацию терминов для системного упорядочения отраслевых терминологий для повышения эффективности право-

применительной практики; (2) недостаточную терминологическую культуру юристов и необходимость её повышения; (3) отсутствие озабоченности отраслевых специалистов в части повышения эффективности правоприменительной практики, связанной с недостаточной кодификацией терминов; (4) пути повышения качества правоприменительной практики, связанной с кодификацией терминов; (5) меры по организации работ по упорядочению отраслевых терминологий; (6) важность терминологической работы и кодификации терминов в условиях глобализации развития знаний и технологий, бурного развития информационных технологий и технологий искусственного интеллекта.

Важны и мнения авторов, поднимающих вопрос о правовой защите русского языка и её совершенствовании [9; 10], что следует учитывать при разработке первого учебного модуля новой дисциплины.

В целом можно утверждать, что в юридической практике исторически сложилась особая юридическая культура и традиция применения языковых средств русского языка как некоторая системазнаний профессиональной подготовки юристов.

Целесообразно упомянуть о проблемах и опыте преподавания прежней дисциплины«Русский язык и культура речи», поскольку остаётся открытым вопрос о преемственности преподавания и содержании двух (аналогичных) дисциплин «Русский язык и культура речи» и «Русский язык как государственный». Упомянутый опыт преподавания характеризуется попытками объять необъятное, наполнив содержание прежней дисциплины разными аспектами (компонентами), в том числе нормативным, коммуникативным, этическим, лингвокультурологическим [11], эмоциональным, эстетическим [12] и др. Кроме того в публикациях справедливо уделяется внимание методам, методикам и технологиям преподавания русского языка и культуры речи [4; 13-16]. Известна попытка рассмотреть новую дисциплину (без её «привязки» к преподаванию юристам) В.В. Химика, который логично обосновывает мнение по поводу преподавания правовых основ русского языка как государственного [17], что полезно при разработке первого модуля новой дисциплины, как

это было упомянуто выше. Если исходить из возможности и необходимости частично заимствовать учебные и учебно-методические материалы дисциплины «Русский язык и культура речи», то (по мнению авторов) хороших учебников, учебных пособий и других разработок много, например [18; 19]. Полезен опыт преподавания культуры речи и риторики для юристов[20]. Вопрос о соотношении и подобии учебного материала прежней и новой дисциплины должен быть рассмотрен и решён. Уместно сослаться на один из вариантов решения. В рабочей программе дисциплины «Русский язык как государственный», разработанной в 2022 г. в Чеченском государственном педагогическом университете, авторы просто повторили структуру и содержание дисциплины «Русский язык и культура речи» [21].

Цель исследования – обосновать необходимые содержательные компоненты дисциплины «Русский язык как государственный», связанные с акцентом на государственный статус русского языка, а также со спецификой профессиональной деятельностиюристов и их речевой культурой.

Задачи: исследовать правовые основания закрепления государственного статуса русского языка и его нормативной базы; возможность использования в новой дисциплине содержанияи накопленного опыта преподаванияпрежде преподаваемой дисциплины; междисциплинарный и межотраслевой характер работы юриста и его правоприменительной практики как основания для выбора структуры и содержания новой дисциплины; потребность юристов в приобретении знаний вобласти терминологии и кодификации терминов; запрос будущих юристов на формирование комплекса компетенций, в том числе позволяющих проводить эффективную терминологическую работу и кодификацию собственных (юридических) терминов наряду с терминами других отраслей и сфер деятельности; профессиональное использование в юридической практике нормативной лексики русского языка с опорой на список нормативных словарей, справочников и грамматик, закреплённыйвраспоряжении Правительства Российской Федерации от 30 апреля 2025 г. № 1102-р.

Гипотеза, как исходное предположение

Предполагалось, что дисциплина «Русский язык как государственный» для качественного преподавания должна соответствовать следующим параметрам, обоснованным авторами в ходе проведённого исследования:

1) новая дисциплина должна включать учебный материал о правовом статусе русского языка, но с лингвистической позиции, которая может быть выстроена по результатам системного анализа соответствующих законодательных и подзаконных актов, а также ключевых слов-понятий, используемых в этих документах;

2) полезно использовать учебный материал дисциплины «Русский язык и культура речи» и накопленный богатый педагогический опыт её преподавания в преподавании новой дисциплины и разрабатываемых учебных, учебно-методических и организационно-методических материалах;

3) новая дисциплина «Русский язык как государственный» нетождественна прежней дисциплине «Русский язык и культура речи», но их можно считать аналогами, следовательно, оправданы рациональные заимствования;

4) профессиональную (отраслевую) направленность учебного материала целесообразно связывать с особенностями отраслевого применения языка, важно учитывать многообразие практик, поэтому оправдана разработка структуры и содержания новой дисциплины для юристов и её целевое преподавание;

5) для юристов значимы знания, умения и навыки в терминологии и кодификации терминов, которые являются важной частью правовой культуры, реализуются в законодательной и правоприменительной практике;

6) оправдано широкое применение современных методов, методик, технологий (в том числе информационных), опыт применения которых накоплен в преподавании прежней аналогичной дисциплины. Именно такой комплексный взгляд на проблему и подход к её решению позволил предложить и обосновать структуру и необходимое содержание новой дисциплины

Методология проведения работы

Основу исследования образуют системный анализ, анкетирование, опрос, интервью, синтез рекомендаций и предложений.

Материалы и результаты исследования, их обсуждение

Результаты проведенного системного анализа правовых оснований выбора содержания новой дисциплины послужили доказательной базой для разработки первого учебного модуля: «Современный русский литературный язык как государственный», включающего учебный материал о правовом обеспечениисовременного русскоголитературного языка как государственного языка государствообразующих носителей языка (в законе – народа) иосновного инструмента коммуникации, использовании норм современного русского литературного языка как государственного в разных сферах деятельности и жизни государства, общества, граждан и иностранных граждан,мигрантовна территории РФ, правовом закреплении норм русского языка, русском языке как национальном достоянии России, важном элементе российской и мировой культуры, объединяющим многонациональный народ Российской Федерации и другие народы мира в единую культурно-цивилизационную общность Русского мира. Важно выделить ряд важных функций русского языка, в том числе коммуникативную функцию, обеспечивающую общение граждан многонациональной России. Целесообразно рассказать об исторических корнях русского языка как государственного языка государствообразующих носителей языка, особенностях юрисдикции русского языка, языковой норме, правовой культуре, требованиях к языку нормативных актов, совершенствовании лингвистической экспертизы законопроектов, значимости русского языка на международной арене, в том числе как официального языка ООН, других специфических вопросах и аспектах области права.

В первом модуле следует (в достаточной, но краткой форме) познакомить обучающихся с правовыми основаниям закрепления государственного статуса русского языка и его нормативной базой. Речь идёт о достаточно обширной нормативно-правовойбазе, вклю-

чающей законы, указы, постановления и множество подзаконных актов. Это,прежде всего,Федеральный закон о государственном языке Российской Федерации от 1 июля 2005 г. № 53-ФЗ (в редакции от 22.04.2024), Указ Президента Российской Федерации от 11.07.2025 г. № 474 «Об утверждении Основ государственной языковой политики Российской Федерации», распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 апреля 2025 г. № 1102-р, приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 18 марта 2025 г. № 257 «Об утверждении порядка определения списка словарей, содержащих сведения о развитии норм русского литературного языка». По сути это продуманная правовая система, которая, с одной стороны, определяет содержание первого модуля новой дисциплины «Правовые основания закрепления государственного статуса русского языка и его нормативной базы», а с другой – позволяет провести системный анализ содержания документов, прежде всего, выделяя ключевые слова, чтобы судить о необходимом содержании первого и последующих модулей.

Упомянутый анализ позволил выделить основные базовые ключевые слова и понятия (в их числе): государственная языковая политика; современный русский литературный язык; государственный язык Российской Федерации; язык государствообразующего народа; язык межнациональных связей народов Российской Федерации; нормы современного русского литературного языка; нормативные словари, справочники и грамматики; национальный словарный фонд; иностранные слова, которые не имеют общеупотребительных аналогов в русском языке; обязательное использование русского языка; защита и поддержкагосударственного языка; защита основ и традиций речевой культуры российского общества; традиционные российские духовно-нравственные ценности.

Начиная с законотворчества и рассматривая множество других практик, следует говорить о важности профессионального использования юристами нормативной лексики русского языка с опорой на список нормативных словарей, справочников и грамматик, закреплённый распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 апреля 2025 г. № 1102-р. Это, по мнению авторов настоящей статьи, общепризнано и об этом пишут многие ученые и практики. В этой связи допустима

ремарка. Авторы, имея опыт экспертизы по запросам ФСБ, полиции и суда, могут утверждать, что «список нормативных словарей, справочников и грамматик, фиксирующих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации», способствует усилению позиции и повышению объективности мнения и заключения эксперта.

В первый модуль следует включить учебный материал о лингвистической норме. Это важный и необходимый раздел новой дисциплины. Языковая норма и точность языковых форм помогает юристам достигать ясности, недвусмысленности правовых норм. Целесообразно познакомить студентов с метапредметной функцией языка, с языковой картиной мира и формированием российской идентичности, с русскими семейными ценностями в языковой картине мира – все это позволит убедить будущих профессионалов, что русский язык делает их не только носителями языка, но и носителями русской культуры. В процессе освоения профессии эта культура дополняется отраслевыми и межотраслевыми элементами профессиональной речи, что позволяет говорить о культуре речи юристов, правовой культуре письменной и устной речи.

Выполненные исследования (анкетирование, опрос и интервью, 76 респондента – в большинстве своём преподаватели и студенты вузов, период сбора материала: июнь – август 2026 г.) дали следующие результаты:

1) на вопрос (анкетирование и опрос) о содержании дисциплины «Русский язык как государственный» подавляющее большинство (98 %) респондентов затруднялось ответить или отказалось дать какой-либо ответ, 74% считали дисциплину юридической. В исследовании (на условиях анонимности) согласились участвовать преподаватели и студенты вузов (г.Москва, г.Ростова-на-Дону, г.Новочеркасск, г.Шахты), в которых ведётся подготовка юристов. Такие результаты нельзя было принимать как удовлетворяющие исследовательский интерес;

2) проведённые интервью позволили собрать материал для последующего анализа позиций и мнений, который дифференцирован следующим образом: 5 из 6 филологов считали: (а) обе рассматри-

ваемые дисциплины аналогичными, но нетождественными (как и авторы настоящей статьи); (б) в сравнении с прежней дисциплиной в новой дисциплине необходим раздел с учебным материалом о правовом статусе языка и аспектах его применения в теории и практике;

3) 4 филолога (из 6) считали, что будущим профессионалам необходимы или полезны знания в области терминоведения;

4) все филологи считали допустимым использование опыта преподавания и части учебного материала дисциплины «Русский язык и культура речи» в преподавании новой дисциплины;

5) 27 нефилологов (специалистов в основном преподавателей вузов), относящихся к разным отраслям, затруднялись дать какие-либо обоснованные рекомендации по содержанию новой дисциплины, но считали возможным использование опыта и некоторого учебного материала прежней дисциплины в преподавании новой;

6) 88 % нефилологов (22 респондента, из которых 5 были юристами) были уверены, что учебный материал следует увязывать с будущей профессиональной деятельностью выпускников вузов;

7) все юристы и 14 специалистов других отраслей считали необходимым включить в программу дисциплины учебный материал по терминологии и кодификации терминов;

8) (однако) от респондентов не было получено обоснованных и подробных сведений о структуре и содержании учебного материала новой дисциплины;

9) все 27 респондентов-нефилологов в интервью поддержали позицию авторов настоящей статьи о необходимости (в процессе преподавания новой дисциплины) формирования комплекса компетенций (компетенций закреплённых в рабочей программе новой дисциплины и некоторых профессиональных компетенций), уточняя состав комплекс со специалистами профессиональных («выпускающих») кафедр.

Таким образом, анализ содержания прежде преподаваемой аналогичной дисциплины необходим, во-первых, поскольку решались тождественные задачи и, прежде всего, в отношении языковой нормы, а во-вторых – в связи с целесообразностью использования накопленного опыта и уже разработанного богатого учебного, учебно-методического и организационно-методического материала.

В процессе преподавания новой дисциплины необходимо сформировать компетенции,которые полезно не вычленять из общей системы компетенций, увязанных с конкретной специальностью будущего юриста. Но распределение лимитированного учебного времени заставляет, с одной стороны, решать задачу гармонизации такого распределения, а с другой – более скрупулёзно относиться к выбору акцентов на отдельные профессиональные компетенции, связанные с будущей конкретной сферой деятельности и областью права. Например, компетенцию УК-4 «способность осуществлять деловую коммуникацию в устной и письменной формах на государственном языке Российской Федерации и иностранном(ых) языке(ах)», которая закреплена в Федеральных государственных образовательных стандартах высшего образования (ФГОС ВО), оправдано формировать совместно с другими («профессиональными») компетенциями, следовательно, в совместной и согласованной работе преподавателей разных кафедр. Уместны следующие пояснения. В ФГОС ВО по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» (уровень бакалавриата) приведены компетенции, напрямую привязанные к знанию русского языка: ОПК-5; ОПК-5.1; ОПК-5.2; ОПК-5.3; ПК-8; ПК-9. Последнее заставляет филологов побуждать студентов к раннему выбору, ориентации на будущую работу и род занятий, к выбору консультантов и руководителей на профессиональной (так называемой «выпускающей») кафедре. Такие шаги полезны при выборе тематики внеаудиторной проектной занятости студентов. Может возникнуть продуктивный тандем руководителей (филолог + юрист), который поможет студенту в ходе самостоятельной работы над проектами закрепить ряд необходимых и полезных в будущем компетенций, уточнённых и конкретизированных в категориях-индикаторах: обладать необходимыми и конкретными «знаниями», «умениями», «навыками».

Именно такой подход служит одним из оснований и подтверждений важности и значимости учёта профессиональной специфики в преподавании дисциплины «Русский язык как государственный».

Степень дифференциации сфер деятельности будущего юриста значительна. В том числе она затрагивает три ветви власти: зако-

нодательную (представительную), исполнительную и судебную с множеством особенностей профессиональной лексики и требований к языку и культуре речи юриста, с разным соотношением письменной и устной речи, с особыми и отличными друг от друга формами и шаблонами документов, устойчивыми речевыми оборотами и т.д. Всему этому надо учить в ограниченных ресурсах времени. Это ещё одно основание необходимости преподавания новой дисциплины с учётом не просто отраслевой специфики, а с более детальным уточнением и учётом будущей деятельности юриста.

Особое место в профессиональной лексике юриста занимают термины. Опора на них, правильный выбор и обоснование кодифицированных дефиниций – необходимый элемент доказательной базы в правоприменительной практике. В этом проявление ещё одного основания учёта профессиональной специфики. Таким образом, в структуру новой дисциплины целесообразно включить учебный модуль «Терминология, термины и их кодификация».

Важно уделить внимание междисциплинарному и межотраслевому характеру работы юриста и его правоприменительной практики, поскольку это касается выбора структуры и содержания новой дисциплины.Практика юриста может быть связана с тремя структурами власти, бизнесом разных отраслей народного хозяйства, защитой интересов граждан и т.д. В этом проявляется не только межотраслевой характер работы юриста и прослеживается необходимость в комплексе междисциплинарных компетенций. Особенно наглядно это проявляется в терминологической и кодификационной работе и анализе. При этом объект правоприменительной практики не ограничивается территорией России и может быть связан с международными отношениями, например, международным морским правом. Кодификацию юридических терминов юристы, как правило, выполняют своими силами, но в иных отраслях и сферах деятельности, в законотворчестве и правоприменительной практике для эффективной терминологической работы и кодификации терминов полезны и необходимы совместные исследования и совместное творчество юристов и отраслевых специалистов. Отметим, что такая позиция авторами настоящей статьи ненова и подобное можно найти в пу-

бликациях других авторов. Это позволяет говорить о существенной специфике юридических практик, что логично учитывать в преподавании новой дисциплины и её учебной структуре, и содержании.

Говоря о необходимости связи учебного материала новой дисциплины с формируемыми компетенциями выпускаемых специалистов, необходимо и логично актуализироватьдва аспекта, которые следует учесть путём включения в структуру соответствующих учебных модулей, возможно, заимствовать из прежней дисциплины «Русский язык и культура речи». Речь идёт о (1) функциональных стилях и (2) культуре речи. Уточним, что в модуле «Культура речи» должны найти место следующие составляющие теории и истории культуры (наряду с другими элементами): а) понятие культуры; б) культура речи как компонент культуры в целом; в) характеристики культуры;г) культура речи как область лингвистики; д) зарождение культуры речи как науки; е) вклад российских лингвистов в развитие науки о культуре и культуре речи; ж) коммуникативные качества речи (правильность, чистота, точность, выразительность, богатство, уместность, доступность, логичность); з) специфика культуры речи юриста; и) требования к культуре речи юриста; к) становление и развитие культуры речи юриста.

В плане **обсуждения результатов исследования и позиции авторов** настоящей статьи отметим, что цель достигнута, задачи исследования решены, выдвинутые положения гипотезы были подтверждены и обоснованы:

1. Новая дисциплина «Русский язык как государственный» нетождественна, но аналогична прежней дисциплине «Русский язык и культура речи». *Эта позиция разделяется другими авторами и не противоречит правовым основам новой дисциплины.* В этой связи вполне оправданы рациональные заимствования. Более того возможно полное или частичное перенесение учебного материала прежней дисциплины в учебные планы новой, что в большей мере зависит от объема выделяемых учебных часов. Многие респонденты не могли составить четкое представление о содержании новой дисциплины. Это связывается авторами настоящей статьи и неудачным её названием.

Возможно иное название: «Русский язык (как государственный) и культура речи». Можно было просто оставить прежнее название дисциплины, но расширить ее содержание, официально закрепив новые темы как обязательные и связанные именно со статусом русского языка как государственного. Вполне логично, что новая дисциплина должна включать учебный материал о правовом статусе русского языка, но освещаться с лингвистической позиции.Вместе с тем полезно и оправдано использованиечасти учебного материала дисциплины «Русский язык и культура речи» в преподавании новой дисциплины.

2. Авторы настоящей статьи считают доказанной необходимость профессиональной (отраслевой) направленности учебного материала новой дисциплины. Такая позиция не противоречит мнениям других авторов, которые приведены во многих публикациях и была подтверждена респондентами.

3. В новой дисциплине целесообразен учебный модуль «Терминология и кодификации терминов». И эта позицияавторов настоящей статьи нашла поддержку у респондентов и авторов (немалого числа) научных статей. Структуру следует дополнить модулями, обучающими функциональным стилям и культуре речи.

4. В преподавании новой дисциплины целесообразно применятьсовременные методы, методики, технологии (в том числе информационные), которые находили своё место в преподавании прежней аналогичной дисциплины. Это вполне логично. Позиция не противоречила мнениямдругих авторов в проанализированных публикациях, её не отвергали респонденты.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в высшем образовании юристов, в преподавании новой дисциплины «Русский язык как государственный».

Заключение

1. Обоснована необходимость включения в структуру новой дисциплины «Русский язык как государственный» учебных моделей, которые в своей содержательной части раскрывают (а) правовые основания закрепления государственного статуса русского языка и его

нормативной базы, (б) сущность и содержание терминологической и кодификационной работы, функциональных стилей и культуры речи.

2. Дисциплины «Русский язык как государственный» и «Русский язык и культура речи»нетождественны, но аналогичны, поэтому оправдано частичное использование: учебного материала прежней дисциплины; накопленного богатого опыта её преподавания; методов, методик, технологий, учебных, учебно-методических и организационно-методических разработок.

3. Междисциплинарный и межотраслевой характер работы юриста и его правоприменительной практики должен учитываться при выборе структуры и содержания новой дисциплины, что позволит ориентировать преподавание на потребности конкретных сфер деятельности выпускников вузов.

4. Профессиональное использование в юридической практике нормативной лексики русского языка с опорой на список нормативных словарей, справочников и грамматик способствует формированию правовой культуры и создаёт необходимые возможности для успешной профессиональной деятельности юристов.

Список литературы

1. Желдыбина, Т. А. (2025). Русский юридический язык (постановка проблемы). *Экономика. Право. Общество*, *10*(3), С. 32–36. https://doi.org/10.21686/2411-118X-2025-3-32-36 EDN: https://elibrary.ru/KMKSOX
2. Нечкин, А. В., Руденко, В. В. (2025). Совершенствование правовых механизмов укрепления статуса русского языка как языка государствообразующего народа. *Вестник Уральского юридического института МВД России*, (1), С. 26–30. EDN: https://elibrary.ru/MWFFLM
3. Емельянова, А. М., Пронягина, В. И. (2013). Лингвометодические особенности преподавания русского языка будущим юристам. *Вестник УЮИ*, (3), С. 53-56. EDN: https://elibrary.ru/YLIYYH
4. Киянова, О. Н. (2016). Русский язык как государственный язык Российской Федерации в современных условиях. *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология*, (2), С. 106–116. EDN: https://elibrary.ru/WXIGAF
5. Вопросы русского языка в юридических делах и процедурах: материалы Международной научно-практической конференции. (2021). СПб.: Первый класс. 544 с.
6. Руднев, Д. В., Садова, Т. С. (2017). Русский язык как государственный и современный русский литературный язык (в аспекте реализации Федерального закона

«О государственном языке Российской Федерации»). *Журнал российского права*, *5*(2), С. 56–65. https://doi.org/10.12737/24115 EDN: https://elibrary.ru/XWNNHL

7. Сербиновская, Н. В., Сербиновская, А. Б., Сербиновский, Б. Ю. (2023). Правовая культура и кодификация отраслевых терминологий. *Russian Studies in Law and Politics*, *7*(4), С. 53–69. https://doi.org/10.12731/2576-9634-2023-4-53-69 EDN: https://elibrary.ru/IVOAFV
8. Сербиновская, Н. В., Сербиновская, А. Б., Сербиновский, Б. Ю. (2024). Развитие и упорядочение специальной терминологии. Часть 1: Терминологическая культурная традиция. *Вестник науки и образования Северо-Запада России*, *10*(1), С. 104–119. EDN: https://elibrary.ru/XPSERY
9. Титор, С. Е. (2025). Некоторые аспекты правовой защиты русского языка как государственного языка. *Вестник экономической безопасности*, (2), С. 136–140. https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-136-140 EDN: https://elibrary.ru/ETFJKO
10. Слабкая, Д. Н. (2023). Правовая культура и юрисдикция русского языка. *Культура и цивилизация*, *13*(11А), С. 138–145. https://doi.org/10.34670/AR.2023.13.44.030 EDN: https://elibrary.ru/KDQXYZ
11. Гаврилов, В. В. (2020). Специфика развития культуры речи студентов ВУЗа в рамках дисциплины «Русский язык и культура речи» (лингвокультурологический аспект). *Международный научно-исследовательский журнал (International Research Journal)*, (6), С. 26–30. https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.96.6.079 EDN: https://elibrary.ru/DAPDUI
12. Проблемы преподавания курса «Русский язык и культура речи» в вузах: круглый стол (Международная научно-практическая конференция), Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, 21 октября 2016 г.: тезисы докладов. (2016). М.: Научный консультант. 180 с.
13. Орлова, Е. В. (2012). Коммуникативно-компетентностный подход к профессионально-ориентированному обучению русскому языку и культуре речи в вузе. *Образование и наука*, (5), С. 129–141. EDN: https://elibrary.ru/OZAOXD
14. Волошинова, Т. Ю. (2014). Особенности преподавания дисциплины «Русский язык и культура речи» бакалаврам-нефилологам в свете требований государственных образовательных стандартов третьего поколения. *Вопросы методики преподавания в вузе*, (3), С. 424–429. EDN: https://elibrary.ru/TBHDFT
15. Межрегиональная научно-практическая конференция «Функционирование и развитие русского языка как государственного и языка межнационального общения»: материалы. (2023). Кызыл: ТИРОиПК. 118 с.
16. Шаклеин, В. М., Барышникова, Е. Н. (2006). К вопросу о содержании и структуре преподавания курса «Русский язык и культура речи». *МИРС*, (4), С. 66–69. EDN: https://elibrary.ru/VMOAWW
17. Химик, В. В. (б. г.). Государственный язык РФ: языковая норма и ценностные ориентиры русской речи. В кн.: *Основы правового регулирования использования государственного языка в РФ*. С. 5–15.

18. Евтюгина, А. А. (2019). *Русский язык и культура речи: курс лекций: учебное пособие*. Екатеринбург: РГППУ. 269 с. ISBN: 978-5-8050-0669-3 EDN: https://elibrary.ru/YITBEM
19. Ипполитова, Н. А., Князева, О. Ю., Савова, М. Р. (2018). *Русский язык и культура речи* (Н. А. Ипполитова, ред.). М.: Проспект. 440 с.
20. Юшкова, Н. А. (2023). *Культура речи и риторика для юристов: учебник и практикум для академического бакалавриата*. М.: ЮРАЙТ. 321 с.
21. Рабочая программа дисциплины «Русский язык как государственный». Направление подготовки 44.04.01 Педагогическое образование. Профиль подготовки «Экологическое образование». Квалификация (степень) выпускника: магистр. Форма обучения: заочная. (2022). Грозный: Чеченский гос. пед. ун-т. 21 с.

References

1. Zheldybina, T. A. (2025). Russian legal language (problem statement). *Economics. Law. Society*, *10*(3), pp. 32–36. https://doi.org/10.21686/2411-118X-2025-3-32-36 EDN: https://elibrary.ru/KMKSOX
2. Nechkin, A. V., Rudenko, V. V. (2025). Improving legal mechanisms for strengthening the status of the Russian language as the language of the state-forming people. *Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, (1), pp. 26–30. EDN: https://elibrary.ru/MWFFLM
3. Emelyanova, A. M., Pronyagina, V. I. (2013). Linguistic and methodological features of teaching Russian to future lawyers. *Bulletin of the Ural Law Institute*, (3), pp. 53-56. EDN: https://elibrary.ru/YLIYYH
4. Kiyanova, O. N. (2016). The Russian language as the state language of the Russian Federation in modern conditions. *Moscow University Bulletin. Series 9. Philology*, (2), pp. 106–116. EDN: https://elibrary.ru/WXIGAF
5. Issues of the Russian language in legal matters and procedures: proceedings of the International scientific and practical conference. (2021). St. Petersburg: Pervyi Klass. 544 p.
6. Rudnev, D. V., Sadova, T. S. (2017). The Russian language as a state language and modern standard Russian (in the aspect of implementing the Federal Law “On the State Language of the Russian Federation”). *Journal of Russian Law*, *5*(2), pp. 56–65. https://doi.org/10.12737/24115 EDN: https://elibrary.ru/XWNNHL
7. Serbinovskaya, N. V., Serbinovskaya, A. B., Serbinovsky, B. Yu. (2023). Legal culture and codification of branch terminologies. *Russian Studies in Law and Politics*, *7*(4), pp. 53–69. https://doi.org/10.12731/2576-9634-2023-4-53-69 EDN: https://elibrary.ru/IVOAFV
8. Serbinovskaya, N. V., Serbinovskaya, A. B., Serbinovsky, B. Yu. (2024). Development and ordering of special terminology. Part 1: Terminological cultural tradition. *Bulletin of Science and Education of North-West Russia*, *10*(1), pp. 104–119. EDN: https://elibrary.ru/XPSERY

9. Titor, S. E. (2025). Some aspects of legal protection of the Russian language as the state language. *Bulletin of Economic Security*, (2), pp. 136–140. https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-136-140 EDN: https://elibrary.ru/ETFJKO
10. Slabkaya, D. N. (2023). Legal culture and jurisdiction of the Russian language. *Culture and Civilization*, *13*(11A), pp. 138–145. https://doi.org/10.34670/AR.2023.13.44.030 EDN: https://elibrary.ru/KDQXYZ
11. Gavrilov, V. V. (2020). Specifics of developing students' speech culture at a university within the discipline "Russian Language and Speech Culture" (linguoculturological aspect). *International Research Journal*, (6), pp. 26–30. https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.96.6.079 EDN: https://elibrary.ru/DAPDUI
12. Problems of teaching the course "Russian Language and Speech Culture" in universities: round table (International scientific and practical conference), Moscow, Lomonosov Moscow State University, October 21, 2016: abstracts of reports. (2016). Moscow: Nauchnyi Konsultant. 180 pp.
13. Orlova, E. V. (2012). A communicative and competence-based approach to professionally oriented teaching of the Russian language and speech culture at a university. *Education and Science*, (5), pp. 129–141. EDN: https://elibrary.ru/OZAOXD
14. Voloshinova, T. Yu. (2014). Peculiarities of teaching the discipline "Russian Language and Speech Culture" to non-philology bachelor students in the light of the requirements of third-generation state educational standards. *Issues of Teaching Methods in Higher Education*, (3), pp. 424–429. EDN: https://elibrary.ru/TBHDFT
15. Interregional scientific and practical conference "Functioning and development of the Russian language as the state language and the language of interethnic communication": proceedings. (2023). Kyzyl: TIROiPK. 118 p.
16. Shaklein, V. M., Baryshnikova, E. N. (2006). On the content and structure of teaching the course "Russian Language and Speech Culture". *MIRS*, (4), pp. 66–69. EDN: https://elibrary.ru/VMOAWW
17. Khimik, V. V. (n.d.). The state language of the Russian Federation: language norms and value orientations of Russian speech. In: *Fundamentals of legal regulation of the use of the state language in the Russian Federation*. pp. 5–15.
18. Evtyugina, A. A. (2019). *Russian language and speech culture: a course of lectures: a study guide*. Yekaterinburg: Russian State Vocational Pedagogical University (RGGPU). 269 p. ISBN: 978-5-8050-0669-3 EDN: https://elibrary.ru/YITBEM
19. Ippolitova, N. A., Knyazeva, O. Yu., Savova, M. R. (2018). *Russian language and speech culture* (N. A. Ippolitova, Ed.). Moscow: Prospekt. 440 p.
20. Yushkova, N. A. (2023). *Speech culture and rhetoric for lawyers: a textbook and practicum for the academic bachelor's degree*. Moscow: Yurait. 321 p.
21. Working program of the discipline "Russian as the State Language". Field of study 44.04.01 Pedagogical Education. Study profile "Environmental Education". Graduate

qualification (degree): master. Form of study: part-time (correspondence). (2022). Grozny: Chechen State Pedagogical University. 21 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Сербиновская Наталья Васильевна, доцент, кандидат филологических наук, доцент Общеакадемического факультета
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
пр-кт. Вернадского, 82, стр. 1, г. Москва, 119571, Российская Федерация
n.serbinovskaya@mail.ru

Сербиновский Борис Юрьевич, профессор, профессор кафедры системного анализа и управления, доктор экономических наук
Южный федеральный университет
ул. Большая Садовая, 105/42, г. Ростов-на-Дону, 344006, Российская Федерация
serbinovskiy@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Natalia V. Serbinovskaya, Associate Professor, Ph.D. (Fil.), Associate Professor of the General Academic Faculty
RANEPA
82, build. 1, Vernadsky Ave., Moscow, 119571, Russian Federation
n.serbinovskaya@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2220-2474
SPIN-code: 3302-7028

Boris Y. Serbinovskiy, Professor, Professor of the Department of System Analysis and Management, Doctor of Economics
Southern Federal University
105/42, Bolshaya Sadovaya Str., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation
serbinovskiy@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3092-8016
SPIN-code: 4194-3404

Поступила 12.08.2026
После рецензирования 11.09.2026
Принята 14.09.2026

Received 12.08.2026
Revised 11.09.2026
Accepted 14.09.2026

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(https://lpjournal.ru)

В журнале публикуются оригинальные статьи на русском и английском языках, содержащие результаты фундаментальных и теоретико-прикладных исследований в области юриспруденции и политологии, а также обзорные статьи ведущих специалистов по тематике журнала.

Требования к оформлению статей

Объем рукописи	15–24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы.
Поля	все поля – по 20 мм
Шрифт основного текста	Times New Roman
Размер шрифта основного текста	14 пт
Межстрочный интервал	полуторный
Отступ первой строки абзаца	1,25 см
Выравнивание текста	по ширине
Автоматическая расстановка переносов	включена
Нумерация страниц	не ведется
Формулы	в редакторе формул MS Equation 3.0
Рисунки	по тексту
Ссылки на формулу	(1)
Ссылки на литературу	[2, с. 5], цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи в порядке упоминания
	ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ ИСТОЧНИКОВ

Обязательная структура статьи

УДК

ЗАГЛАВИЕ (на русском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на русском языке)

Аннотация (на русском языке)
Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой (на русском языке)

ЗАГЛАВИЕ (на английском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на английском языке)

Аннотация (на английском языке)
Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой (на английском языке)

Текст статьи (на русском языке)

1. Введение.
2. Материалы и методы.
3. Результаты и обсуждение.
4. Заключение.
5. Информация о конфликте интересов.
6. Информация о спонсорстве.
7. Благодарности.

Список литературы
Библиографический список по формату APA

References
Библиографическое описание согласно требованиям журнала

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: улица, дом, город, индекс, страна (на русском языке)

Электронный адрес

SPIN-код в SCIENCE INDEX:

DATA ABOUT THE AUTHORS

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: дом, улица, город, индекс, страна (на английском языке)

Электронный адрес

RULES FOR AUTHORS

(https://lpjournal.ru)

The journal publishes original articles in Russian and English, containing the results of fundamental and theoretical and applied research in the field jurisprudence and political science, as well as review articles by leading experts on the subject of the journal.

Requirements for the articles to be published

Volume of the manuscript	15–24 pages A4 format, including tables, figures, references.
Margins	all margins –20 mm each
Main text font	Times New Roman
Main text size	14 pt
Line spacing	1.5 interval
First line indent	1,25 cm
Text align	justify
Automatic hyphenation	turned on
Page numbering	turned off
Formulas	in formula processor MS Equation 3.0
Figures	in the text
References to a formula	(1)
References to the sources	[2, p. 5], references are given in a single list at the end of the manuscript in the order in which they appear in the text
	DO NOT USE FOOTNOTES AS REFERENCES

Article structure requirements

TITLE (in English)

Author(s): surname and initials (in English)

Abstract (in English)
Keywords: separated with semicolon (in English)

Text of the article (in English)

1. Introduction.
2. Materials and methods.
3. Results of the research and Discussion.
4. Conclusion.
5. Conflict of interest information.
6. Sponsorship information.
7. Acknowledgments.

References
References text type should be APA Style

DATA ABOUT THE AUTHORS

Surname, first name (and patronymic) in full, job title, academic degree, academic title

Full name of the organization – place of employment (or study) without compound parts of the organizations' names, full registered address of the organization in the following sequence: street, building, city, postcode, country

E-mail

SPIN-code in SCIENCE INDEX:

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Согласование трансграничного доступа к хранящимся электронным доказательствам с принципом суверенитета в рамках Конвенции ООН о киберпреступности
B.S. Aziaka, U.I. Nwokorie, C.K. Ibiso 4

Эволюция государственно-конфессиональных отношений и институтов свободы совести и веротерпимости в России: от крещения Руси до постсоветского периода (X-конец XX в.)
А.В. Карева 34

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Постулирование политической идентичности в качестве механизма укрепления социальной справедливости
Е.С. Алехина 79

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Муниципальное управление в сфере физической культуры и спорта в Италии
Т.В. Долматова 100

Профилактика терроризма в молодежной среде
С.А. Рябкова, А.П. Бардовская, С.А. Ямандий, Н.А. Бочкова, М.Д. Щеглова 121

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Квантовая дипломатия: нелинейные стратегии взаимодействия акторов в современных международных отношениях
В.А. Чепурной 137

Русский язык как государственный: особенности содержания и формирования правовой культуры речи
Н.В. Сербиновская, Б.Ю. Сербиновский 161

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ 182

CONTENTS

PUBLIC LAW SCIENCES

Reconciling cross-border access to stored electronic evidence with sovereignty under the UN Cybercrime Convention
B.S. Aziaka, U.I. Nwokorie, C.K. Ibiso 4

The evolution of state-confessional relations and the institutions of freedom of conscience and religious tolerance in Russia: From the Christianization of Rus' to the post-Soviet period (10th-late 20th centuries)
A.V. Kareva 34

PRIVATE LAW SCIENCES

Postulating political identity as a mechanism to promote social justice
E.S. Alekhina 79

PUBLIC ADMINISTRATION

Municipal administration of physical education and sports in Italy
T.V. Dolmatova 100

Prevention of terrorism among youth
S.A. Ryabkova, A.P. Bardovskaya, S.A. Yamandiy, N.A. Bochkova, M.D. Shcheglova 121

INTERDISCIPLINARY RESEARCH

Quantum diplomacy: nonlinear strategies of actor interaction in contemporary international relations
V.A. Chepurnoy 137

Russian as the state language: features of the content and formation of the legal speech culture
N.V. Serbinovskaya, B.Y. Serbinovskiy 161

RULES FOR AUTHORS 182